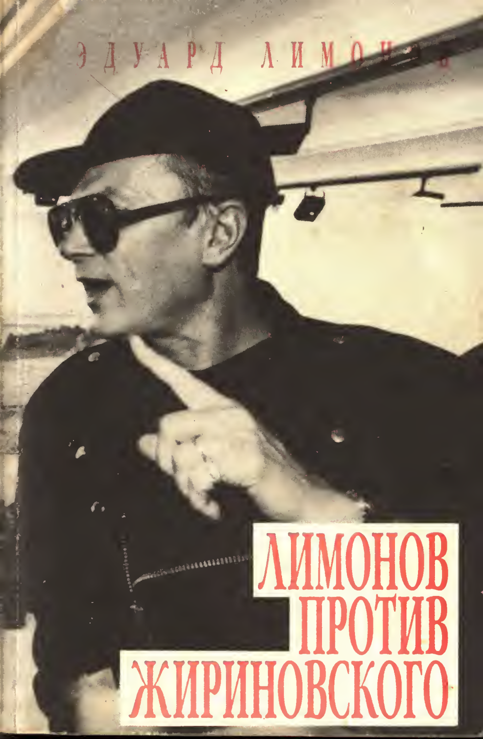
ЭДУАРД
ЛИМОНОВ
ПРОТИВ
ЖИРИНОВСКОГО

Эдуард Лимонов

ЛИМОНОВ против ЖИРИНОВСКОГО

Москва
«Конец века»
1994

ББК 84.Р7
Л 58

Эдуард Лимонов
ЛИМОНОВ ПРОТИВ
ЖИРИНОВСКОГО

Ответственные за выпуск
Александр Никишин,
Леонид Вихарев,
Александр Росляков

В оформлении обложки
использована фотография
Владимира Филонова

Лимонов Э.
Л58 Лимонов против Жириновского. — М.: Независимый альманах «Конец века», книжное приложение, 1994. — 192 с.

ISBN—06597—92

Лимонов нанес литературную оплеуху своим скандальным романом «Это я — Эдичка!». Жириновский без аллегорий и публично раздает оплеухи оппонентам. Обе фигуры хорошо известны публике, обе отличаются экстравагантностью суждений и манер. Некогда они были вместе, теперь — по разные стороны баррикад. В этой книге бывший министр теневого кабинета партии Жириновского Эдуард Лимонов пишет о том, почему он порвал и с ЛДПР, и с ее вождем.
Для массового читателя.

ЛР—060597—92
ISBN—06597—92 ББК 84.Р7

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Заказывая книгу о политике Жириновском писателю Лимонову, бывшему ярому стороннику, а ныне ярому противнику главы ЛДПР, мы исходили из таких соображений. Обе фигуры хорошо известны публике, обе отличаются достаточной экстравагантностью суждений и манер. Один в свое время нанес, можно сказать, литературную оплеуху традиционным вкусам своим скандальным "Эдичкой". Другой уже без аллегорий и публично эти оплеухи оппонентам нынче раздает. Но раз уж эту пару, действующую и творящую по своим, как бы неписанным законам, люди признают, раз ими интересуются, — то им и карты в руки. Публичный интерес к ним — есть их право на писание и издание. И в соответствии с таким нашим пониманием свободы слова мы здесь реализуем это право одного из них.

При этом отмечаем, что весьма оригинальные суждения и стиль, вплоть до пунктуации, Э. Лимонова оставляем, как он того и требует, в полной неприкосновенности. И всю ответственность за эту весьма резкую подчас оригинальность возлагаем на него.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Интервью с Жириновским в журнале "Искусство кино" нр. 7, 92 г.

Интервью ведет Андрей Титов

Интервью предпослан эпиграф:

*"Я ищу банду, к которой
мог бы примкнуть".*

*Э. Лимонов, "Московский комсомолец"
20 февраля 1992 года.*

Рыбников пер., д.1. Штаб-квартира Либерально-Демократической партии.

— Как вы познакомились с Эдуардом Лимоновым?

— Ну, через наших активистов. Через партийных активистов. У нас много людей, которые связаны с журналистикой, с искусством. Первый раз он пришел сюда сам. Мы поговорили, нашли что-то общее, вот в таком политическом плане, связанное с судьбой страны, с современной ситуацией. Потом в другой раз, он к себе пригласил, и мы поехали. Опять поговорили. Потом был я на встрече, презентации его книги "Это я — Эдичка!" Мне было интересно, что он писатель, публицист, а его интересуют проблемы чисто политические.

— То есть, каких-то близких, дружеских отношений между вами нет? Только официальные?

— Ну, дружеские... Если можно так назвать мое посещение его квартиры, когда он отъезжал. Мы сидели, так сказать, в узком кругу, несколько человек, активисты партии, я, он, его друзья. Это уже было не столь официально, контакты чисто человеческие. А так, чтобы мы друзья большие были — не могу сказать.

— У вас с Лимоновым, похоже, одинаковый подход к "работе с массами". Он часто скандализирует общественность, ваше имя становится нарицательным в скандальной хронике. В этом заключается ваше сходство?

— Может быть, может быть. В любом случае мне легко с ним общаться. Скажем, другие наши писатели-патриоты, к ним трудно подойти, сложности есть определенные. А здесь как-то легко было, может, потому, что мы из одного поколения, современного такого.

— Можете ли вы отделить Лимонова для публики от Лимонова настоящего?

— Конечно. В жизни он обычный парень, которого радует и огорчает то, что радует и огорчает любого другого. Навряд ли он такой фанатик, который и дома готов хвататься за кобуру, пистолет, пером своим взрывать сердца, умы. Хотя я мало знаю его. Чтобы говорить, нужно знать человека много лет, а то... вот у нас тут было два приятеля, и пока дело до суда не дошло, я не знал их подлинной сути.

— Какие книги Лимонова вы читали?

— Мало, мало. Я не успеваю, не успеваю. Я полистал книжку его "Это я — Эдичка!", какие-то обзоры его произведений в прессе. Но больше — просто не успеваю. Я не могу дать оценку его творчеству, больше сужу о нем как о политическом деятеле, читал его статьи в "Советской России", в других изданиях, в нашей газете вот статья. В чем-то он симпатичен мне, ну хотя бы даже в плане... в плане (разворачивает газету "Сокол Жириновского")... вот, пожалуйста, "Смерть и рождение идеологий". Мне нравится его статья в том плане, что она близка нам, здесь все вопросы политические.

— А вообще художественную литературу читаете, любите?

— Люблю, но очень мало времени. В основном, история, мемуары. Сейчас, скажем, мне подарили про Бисмарка книгу, я читаю, про Черчилля, до этого читал про Эйзенхауэра, про Энтони Идена, вот такого плана книги. С удовольствием прочитал бы что-нибудь легкое, свободное, на такие темы: мораль, нравственность, современное что-нибудь, но — лимит времени. Мне нужно очень много читать на политические темы.

— Как вы относитесь к тому, что Лимонов в своих произведениях употребляет ненормативную лексику, проще говоря, мат?

— Ну, я думаю, для нас это не должно быть очень отчуждающим. Мы всегда выступали за реализм. Лимонов берет

реальную жизнь и подает ее как она есть. Я ведь тоже часто в своих высказываниях даю то, о чем люди думают в быту. Дипломаты, министры об этом не говорят. А я говорю о том, как народ на своем уровне оценивает политическую ситуацию. Лимонов как писатель тоже подает жизнь без прикрас, поэтому там, может, и много тех слов, которые мы не привыкли встречать на страницах художественных произведений.

— А откровенные описания сексуальных сцен вас не шокируют? Вы не считаете, что это выходит за рамки литературы? Дурно влияет?..

— Ну а что, если... В конце концов, это его право автора, писателя. И если это соответствует реалиям жизни, почему не показать. Лучше в художественном произведении, чем... Люди будут пытаться где-то узнать, получить информацию совсем другим путем. Просто для нас как-то непривычна вся эта тематика. У нас дефицит был на все, и вот теперь, когда появляется, тем более со стороны русского писателя, описание этих сцен... может, это и вызывает у кого-то...

— В русской традиции писатель всегда на стороне добра. Лимонов же не делает для себя никаких моральных ограничений...

— Согласен, но это требование времени. И вот в этом мы опять схожи с ним. Писатель не должен звать к террору, и либеральная партия не должна требовать диктатуры в стране. Мы сегодня на переломе, когда нормально развиваться ничего не может. Покажите мне страну, где бы добровольно снимались государственные границы, где отдавали бы огромные территории, порты, бросали бы своих соплеменников в беде. Это же абсурдная ситуация! Вот она и вызывает появление таких писателей, таких партий и движений. Это не нормально, не нормально. Мы в состоянии болезни. Нельзя сравнивать диету и режим больного и здорового человека. Лимонова оправдывает эпоха, он писатель этой эпохи, остальные запаздывают, оторвались от жизни, совершенно не понимают, что происходит. Лимонов из тех, кто чувствует народ. Он пошел 23 февраля, так сказать, в цепи, в толпу. Разве это предназначение писателя? Он хотел узнать, чем народ дышит. Даже немного пострадал там, что-то такое, столкновение было. Конечно, можно описывать терзания какого-нибудь интеллигента, того же, допустим, Басилашвили. Он мягкий, добрый, сахарный такой, это одно. А можно показать толпу, столкновение, кровь, ОМОН, смерть генерала этого, Пескова.

— Лимоновские настроения часто выражаются одной фразой

типа "Дайте мне автомат" или "Я ищу банду, к которой мог бы примкнуть".

— Такие настроения есть, я знаю. Люди хотят, они просто требуют оружия и готовы начать борьбу с оружием в руках. Лимонов выражает настроение части общества. Если б он сам был таким — это было бы опасно, но я знаю, что часть нашего общества именно этого и хочет, поэтому здесь... что делать.

— Некоторая часть населения всегда готова к террору, в любой стране.

— Вы говорите о том, что писатель в любом случае должен смягчать, смягчать. Согласен, если бы речь шла в рамках существующего государства, но когда оно рушится, когда есть угроза гибели всей нации, тогда писатель вправе встать на стороне народа и требовать принятия тех мер, которые бы спасли нацию и государство. В этом смысле все его действия оправданы. Если бы речь шла о каком-то бунте, например там Стенька Разин, Пугачев или как теперь Дудаев на Северном Кавказе, здесь как раз писатель должен бы стоять на стороне государства, не допускать таких вот действий.

Входит секретарь.

— Владимир Вольфович, там с Моссовета звóнят.

— Хорошо, я подойду. Але, приветствую. Да, мы будем выезжать сегодня. Да нет, никаких митингов особых устраивать не будем, так, поговорить с народом... Да, да. У меня одна просьба к вам. Тут у нас ларек есть на Белорусском вокзале, там литература наша партийная продается ну и всякие там товары, чтобы прилавок пустой не был. Да, ну чтоб заполнить. Так начальник вокзала чего-то начал придираться, знаете, палки в колеса вставлять, хочет выжить нас оттуда. Так вы уж посодействуйте, надо на место поставить. Ага, ага. Хорошо. Спасибо, спасибо. А то совсем, понимаете, зарвался человек. Да, да. Буду. Ну всего доброго. Так на чем мы остановились?

— А не кажется вам, что лимоновские походы "в народ" — лишь болезненные попытки самоутвердиться, почувствовать себя сильнее, смелее, значительнее, чем он есть на самом деле?

— Это ведь присуще каждому человеку — как-то себя самоутверждать имеющимися средствами. Это делают и журналисты, и писатели, и рабочие, и моряки. Что моряков тянет плыть куда-то? Сиди себе дома, и семья будет нормальная. А если шесть месяцев ты плаваешь, разве это нормальная жизнь? Но это способ существования. Не может человек подругому. Или милиционеры. Погибают от рук преступников.

Они же знают, что это опасная работа, каждый день убивают, а все равно идут туда работать.

— Но Лимонов все-таки не милиционер.

— Я говорю о способе самоутверждения. Он не может подругому. Нельзя всех сделать под одну гребенку — хорошенькие и добренькие писатели, хорошие ученики, хорошие милиционеры. Нет. Всегда будет различный набор. Поэтому я нормально воспринимаю, что есть такие писатели, как Лимонов.

— Если перенести действие в 1917 год, как вы думаете, какой политической силе отдал бы предпочтение Лимонов? Говорят, над столом у него висит портрет Дзержинского.

— В период ломки люди могут ошибаться. Большевики выиграли потому, что они не были никому известны, проскочили "на новенького". Их не знали, думали, может, они что-нибудь сделают. В первое время после переворота все же было хорошо. Фабрики — рабочим, землю — крестьянам, мир — народам, кто мог не поддержать эти лозунги? Красная Армия начала наступать, бить немцев. По отдельным эпизодам нельзя было определить, что это не то, что нам нужно. То же самое и сегодня. Народу трудно оценивать. Вот многие нашу партию не поняли — почему поддержали путч. Мы из двух зол выбирали меньшее. Если бы коммунисты медленно уходили с политической арены, а они уходили в бизнес, — это был лучший вариант для нас. Сохранили бы территорию, статус великой державы, промышленность нашу. А сейчас люди обозленные, голодные, без лекарств, они иногда идут на решительные действия. Роль писателей здесь, кстати, в том, чтобы быть хорошими консерваторами, стараться через книги воздействовать на умы. Люди устают, когда кругом тотальная коррупция, русский вопрос не решается, рушатся границы... Не надо революций никаких, не надо ломать, резать по-живому.

— Вы относите Лимонова к писателям-консерваторам?

— Он не должен придерживаться моей концепции, он не мой ученик, не мой ближайший друг. Просто в чем-то мы с ним схожи в плане восприятия современной действительности. Он тоже хотел бы остановить уничтожение страны. Меня здесь не волнует нравственность, мораль. Для меня лакмусовая бумажка — отношение к государственной границе. Здесь я проверяю людей. Если мне говорят, что он за независимую Украину и ему наплевать на русских — это не мой соратник. А с тем, кто говорит, что он за восстановление Российского государства, мы сходимся. Потом будем разбираться — эконо-

мика, права человека, мораль, нравственность. Это потом! Сейчас нужны такие писатели, журналисты, как Лимонов, Невзоров. Они из тех, кто мог бы быть и в окопах. Нужны фронтовые писатели, которые готовы идти в атаку и тут же писать какие-то заметки, посылать их... Лимонов такой. По-моему, он даже и ездил в Приднестровье. Во всяком случае, он готов ездить в горячие точки и видеть жизнь изнутри, как она есть.

— Может, Лимонов окончательно уйдет в политику?

— Я думаю, он с удовольствием вошел бы в руководство какой-нибудь политической партии, попытался бы стать ее идеологом. То же самое и Невзоров, ему тяжело оставаться просто репортером, его постоянно тянет куда-то. У них раздвоение, у этих людей. Остальные молчат. Возьмите — Рождественский, Евтушенко, все ушли под воду. Их эпоха была Брежнев, застой. "Сто пятьдесят шагов", Рождественский писал. Это про мавзолей... Патруль там идет... Получал свои премии, звания, квартиры, машины. А сейчас эпоха революционная, и появляются такие писатели, как Эдуард Лимонов, которому никто ничего не дает, никаких льгот, никаких привилегий. Поэтому он в этой буре, на острие.

"В ПЕРВЫЙ РАЗ ОН ПРИШЕЛ СЮДА САМ"

В моем блокноте за 1992 г. я нахожу коряво нацарапанные строки: "Анпилов Виктор Иванович, в 16 часов в штабквартире, проезд Куйбышева, дом 3. Метро "Площадь Революции", в двух метрах от телефонной будки, металлическая дверь. Налево за ГУМ". Следуют несколько телефонов. На следующей странице блокнота (страница мятая и с желтым пятном) еще запись: "Жириновский Владимир Вольфович. В понедельник в 13 часов. Рыбников переулок дом 1 (3 этаж налево), идет параллельно. Если по Сретенке то дом 10, телефоны помощников, личный телефон Ж-го."

Я прилетел тогда в Москву 6 февраля в твердой уверенности, что наконец-то лед тронулся, что моя нация очнулась и принялась за творческую работу создания оппозиции. На 8—9 февраля был назначен Конгресс Гражданских и Патриотических Сил, на 23 февраля всеобщая демонстрация оппозиции, на 17 марта съезд депутатов разогнанного в декабре Верховного Совета СССР. Я был в приподнятом настроении и энергично месил сапогами грязный московский снег, бегая на многочисленные встречи и политические митинги. Порою по пять, по шесть в день, а единожды даже девять!

Меня интересовали лидеры оппозиции и особенно меня интересовали эти двое: Анпилов и Жириновский. Первый — делами, ибо это Анпилов был организатором первой антиельцинской демонстрации после августовских событий: 7 ноября на Красной площади, второй — Жиринов-

ский, привлек меня своими высказываниями. Судя по его интервью, Жириновский — самый современный лидер оппозиции.

Это Валентин Васильевич Чикин, главный редактор "Советской России" продиктовал мне телефоны и адреса Анпилова и Жириновского и договорился о встречах. По моей просьбе. Я выбрал этих двоих давно, сам, и с интересом следил за их политическими судьбами. Нужно сказать, что до отъезда в Россию я пытался подвинуть инертных французов на подвиг: снять документальный фильм о национал-патриотической оппозиции в России. "Камера Континенталь" — продюсерская организация, помещающаяся в стеклянном аквариуме с пальмами на тихой средневековой улочке, сочащаяся жирно деньгами, долго раскачивалась и так и не приняла решения. Как они, наверное, кусают себе локти сегодня, жирные ленивые болваны. В проекте, поданном мною, как раз и значилось общение с Анпиловым и Жириновским, посещение конгресса, участие в демонстрации 23 февраля (как известно, она обернулась первой битвой патриотов с демократическим ОМОНом). Всего-то нужно было послать со мной двоих людей с камерой. Все более жиреющее и малоподвижное, французское общество неспособно на быстрые реакции: ни в бизнесе, ни в культуре. Если бы сытые калеки в "Камера Континенталь" тогда среагировали, у них были бы сегодня уникальные кадры.

Потому я явился к Жириновскому на Рыбников переулок один, а очень жаль. Ибо нет уже тех забитых фанерой окон, рваных обоев и прочих атрибутов героического периода становления политической партии. Впрочем, в понедельник 17 февраля я не попал к Жириновскому, я отменил свидание, позвонил в "Советскую Россию" и попросил отменить. В понедельник в 14 часов меня ждал в Верховном Совете Бабурин. Справляюсь со своим блокнотом "20 подъезд, 6 этаж, комната 93".

К Жириновскому же я попал 18 февраля. Помню, что день был холодный, но я почему-то отправился пешком. Я спустился по улице Герцена до бульвара, и по нему вышел на Пушкинскую площадь, и от нее мимо кинотеатра "Россия" пошел по бульварам на Трубную. Трубная площадь вся оказалась разрытой и развороченной, чудовищные котлованы и траншеи обросли ледяными сталактитами и сталагмитами, над всей этой территорией стоял адский пар, целое облако. Пересекая по деревянным мосткам этот мерзкий холодный пейзаж, из котлована из льда и глины выпирали какие-то немыслимой толщины трубы, я, помню, подумал, что так же разворочена и брюхом кверху лежит во льду и грязи Россия. На Сретенке

оказалось, что я напрочь позабыл топографию этого района Москвы. Между тем, я провел здесь часть жизни. Я обитал в свое время (два раза) иа Уланском переулке, тотчас после свадьбы жил я там с молодой женой Еленой в мастерской художника Бачурииа, а до этого обитал в 1968 году в здаиии школы, в квартире бывшего директора. Где-то здесь же, иа Луковом переулке свил себе гнездо когда-то мой приятель художник Виталий Стесии, полубезумный тип. В доме акциоиерного общества "Россия" жил и здесь же умер художник Юло Соостер и ыиешиий геиий (его и тогда уже считали геиием) — скушиый, как сельский счетовод, художник Илья Кабаков. В дом этот ходил я часто по воняющим кошачьей и человеческой мочой и содержнмым мусорных ведер черным лестницам "в гости" к сытым уже тогда художникам: стрельнуть трешиик или десятку.

Все эти мысли обуревали меня, когда я вышел на Сретенку. Нормальные, впрочем, мысли, я впервые попал в эту часть города после 20 лет отсутствия, и, разумеется, попал под влияиие прошлого: все оно иахлыиуло иа меия и лишь силою воли я заставил себя взглянуть иа часы: было без семи минут два часа дия. Потому я спросил о Рыбниковом переулке первую попавшуюся русскую бабку: та ие зиала. Вторую, третью бабку, парня... все эти люди или не знали, или тоже, как я, откуда-то приехали... Только четвертая старуха обстоятельно объяснила мие, как туда попасть, и еще объясняла, а я уже бежал. Потому я прибежал на свидание к Владимиру Вольфовичу.

Дальняя часть Рыбникова переулка терялась в развалинах. Ближняя была заключена в дощатый забор. Из здания, облупленного и жалкого, вышла с ведром грязной воды уборщица и выплеснула воду на тротуар. "Это дом один?" — спросил я ее. "Одии. А кого ищешь?" "Тут Либеральио-демократическая партия помещается..?" Краснощекая крестьянская физиономия, платок сбился, прядь волос, ехидная улыбочка исказила лицо: "Партия... ха-ха, это эти-то сумасшедшие? Партия... называется, ой умру... Чего ходят, чего шляются... Третий этаж".

Из подъезда на меня дохиуло вонью старого жилья. Ступени, обглодаииые временем вели широко мимо клетки неработающего лифта. Мокро, холодно, грязио, погано. На третьем я постучал в высокую металлическую дверь. Новая, сварная, грубая дверь. Открыл мне худой, как-будто высосаниый изнутри жизиью тип. Такие "высосаниые" страниым образом встречаются в каждой партии на заре каждого движеиия."Лимонов. У ме-

ня интервью с Владимир Вольфовичем в два часа". Впустили, повели мимо нескольких дверей, открытых и закрытых. Обои клочками со стен, несколько стекол заменены кусками фанеры.

"Не раздевайтесь, холодно... Работаем в пальто".

Меня ввели в последнюю по коридору комнату. Количество "высосанных" умножилось. Такие же постные все, как и первый. Один из постных усадил меня напротив себя за старый стол (в комнате были еще шкафы и столы) и занял меня показом достижений: статей о Владимире Вольфовиче в газетах. "Владимир Вольфович принимает финнов. Скоро освободится". Постный был очень горд обилием статей. Я же подумал, что если бы постный видел мое многотомное пресс-досье, не гордился бы. Увидев "Красноярскую газету", я сказал, что лечу в Красноярск. В ответ на это постный обрадованно снабдил меня телефоном их представителя в Красноярске.

Затем меня пригласили к "вождю". В дальнем углу комнаты, лицом к входной двери (я видел его вдоль огромной старой карты зеленого СССР) сидел за канцелярским столом на фоне шкафа Жириновский. Крупный, еще не толстый, но склонный к этакой ражей полноте, темно-блондинистый, в рыжину человек. Я представился и сел на стул напротив него, к нему в профиль."Да-да, читал вас, знаю вас" — пробурчал он. Я сказал, что хочу взять у него интервью для оппозиционной французской газеты "Идио Интернасьональ"... На самом деле цель моя была, так же как и в случае Анпилова, — знакомство с ним, я хотел знать персонажей российской политики и, может быть, сотрудничать с ним, примкнуть к нему. Я спросил его, сколько у него членов партии. "Семьдесят тысяч", сказал он, не задумываясь, и я ему не поверил. Что он думает о Конгрессе Гражданских и Патриотических сил и демонстрации на Манежной? (9-го февраля) — "На Манежной были на 90% не красные, но недовольные правительством и положением в стране". А что он думает по поводу объявленного Съезда депутатов СССР? "Лучше созвать парламент СНГ..." Его мнение об инициативе выборов Президента на народном вече? "Выберут "солдафона" Макашова..." Каково его мнение по поводу создания добровольческих отрядов в горячих точках, по сербскому методу. Там, например, сербская радикальная партия Войислава Шешеля имеет свои отряды, воюющие в Крайине. Я там был в ноябре—декабре. "Отряды, получив власть, так просто ее не отдадут, — забурчал он, — вон вам пример в Грузии — Гамсахурдия. Отряды — это кровь. Нужны конституционные формы".

Что он думает о "Памяти" и о самом Васильеве? "Ряженые". Я сказал, что согласен с ним. Ряженые.

Будущее России согласно Жириновскому? "Два сценария: первый — конституционные выборы и второй — военный переворот." Какой сценарий он сам предпочитает? "ЛДП хочет оставаться политической силой. Однако... ни одна партия не может выдвинуть лидера... Только ЛДП. Идеальный вариант — военное правительство. Но они, наши военные, к этому не привыкли. Кто шел в армию... дети колхозников, устав гарнизонной службы — весь интеллект такого военного. Нужен авторитарный режим... Болен Кремль, больна Россия, все в паутине, мыши-крысы повсюду. Появится хозяин и наведет порядок. Москва породила Гамсахурдия или Ландсбергиса. Сегодня в Киеве Кравчук, а в Минске Шушкевич, потому что в Москве Ельцин...

Он вошел в монолог, но тут я прервал его: "Украина, считаете вы, отдаст свою независимость так вот просто, в день, когда уберут Ельцина? Ведь за последние несколько лет украинские националисты успели создать структуры на Украине, начала создаваться украинская армия. Я думаю, что если правобережные области, Харьков или Донбасс, может, они и вынуждены будут отдать, то Киев придется брать дорогой кровавой ценой, уж не говоря о Львове или каком-нибудь Ивано-Франковске".

Бранчливая манера Владимира Вольфовича говорить, как браниться, в моменты, когда он раздражается, становится еще более бранчливой. А раздражается он, когда он знает, что не прав. Я понял это уже тогда, в первый день нашего знакомства. "Мы отключим им газ и они заблеют голые и холодные, и приползут к нам".

"Власть даже в голодной стране остается так же соблазнительна, как и в сытой. Никогда еще здравые логические заключения не управляли миром. Национальные эмоции сильнее разума".

"Это уже было... Отдадут".

Он меня ничуть не убедил, даже тогда, через три месяца после убийства СССР, его суждения о том, что украинским национализмом (другими тоже, но им особенно) можно пренебречь, казались мне наивными. Сегодня он продолжает развлекать публику теми же надеждами, в то время как национальные силы бывших республик крепчают. В сущности Жириновский стоит на позиции Александра Яковлева, который объяснил все национальные движения якобы отставанием экономики "республик". Жириновский как и Яковлев (!) — адепт вульгарного эко-

номизма. Говорить: они "приползут", лишенные газа и нефти, — безответственно. Национальные эмоции часто, напротив, воспламеняются в трудностях и несчастьях.

Я спас и его, и себя от конфликта. Не стал с ним спорить. А что он думает о команде Ельцина? "Ва-банк пошли. Они смертники. Толкают к авторитарному режиму. **Алтайский завод*** стоит.

"А он-то, Жириновский, что предлагает? В экономике, например. "Первое время авторитарный режим. Оживить старую экономику и созидать новую. Грязные преступные деньги отсечь. Возбудить уголовное дело против Горбачева. Бороться с простыми преступниками жестокими мерами. У нас нет суда присяжных. Ввести... Разгоню МИД. Буду продавать землю. Сперва русским, позже иностранцам... Украина, говорите? На нее будем оказывать давление через Германию. Будут сопротивляться, — будет применена военная сила. Тоже будем поддерживать внутренние распри в этих странах, тех, которые враждебны нам. Полякам нужны западные украинские области..."

Русские журналисты любят долгие беседы и употребляют для этого диктофон. Я даю четко поставленные вопросы и всегда цитирую интервьюируемого, ставя его настоящие слова в кавычки, сохраняя здесь и там весь даже синтаксис его. Синтаксис важен не менее, чем словарь человека. Он сам свел разговор опять к Украине, так как уловил, что я не удовлетворен его ответом об Украине, он, интуитивный, вернулся. "А не поздно уже? — спросил я. — Вон в Чечне создали свою эскадрилью МиГов." "Это все разговоры, это тоже несерьезно", — сказал он. Я так не считал, но я закончил беседу. В дверях появился его пресс-ат-

* Какой "алтайский завод"? Ни тогда, ни сегодня я так и не понял, какой завод он имел в виду. В его речах много таких "алтайских заводов".

таше, Андрей Архипов, уже полчаса Жириновского ожидали японцы. Влетев в комнату, японцы, в количестве трех, но казалось, целой толпой, схватили Жириновского и поставили его к карте. "Бронежилет оденьте, вождь", — посоветовал Архипов. Жириновский послушно надел бронежилет. И стал к карте. На карте жирным вызывающе были обведены границы не СССР, не Российской Империи, но фантастического государства. На севере в его пределы входила Финляндия, на юге, кажется, даже некоторые области Китая. Я хотел было посоветовать им какой-нибудь другой символ, в конце концов бронежилет — всего-навсего защитный панцирь, одежда скорее осторожных и трусливых, но они были заняты.

На войнах в бронежилетах расхаживают трусливые журналисты или очень осторожные командиры. У солдата на подобный жилет нет денег, храброму человеку он мешает, а от хорошего снайпера, от выстрела в голову или в шею он не защита.

Я вышел с Архиповым, оставив Жириновского японцам. В коридоре Архипов срочно сообщал мне биографические данные Владимира Вольфовича. Родился в 1946 году, в городе Верный (Алма-Ата), шестой ребенок в семье, отец юрист Вольф Андреевич Жириновский умер тогда же, в 1946 году, из семьи банкиров, немец, а учился вы знаете где, Эдуард? Архипов уважительно приподнял голову: "В Париже, во как! Владимир Вольфович жил с **чурками*** и испытал на себе расовые гонения". Подведя меня к двери, Архипов пожал мне руку: "Спасибо вам, Эдуард". — "За что?" — "Ну, что пришли к нашей звезде. Вы же сами звезда, но вот пришли. Вождь оценил".

* **Чурка** — кусок дерева. Так на простонародном арго называют кавказцев и жителей Средней Азии.

Я забыл сказать им про жилет, сами они не сообразили, и вот с тех пор якобы агрессивный Жириновский запечатлен во времени спрятавшимся в бронежилет. Недавно я возвращался из Сербской Крайины в Сербию, и в горах Герцеговины подобрал меня на военной дороге, подвез меня итальянец-журналист, богато путешествовавший с переводчиком и шофером. Увидев, что я углядел в багажнике его бронежилет, он стал оправдываться: "Жена навязала!" Настоящие мужчины, как видите, Владимир Вольфович, стесняются бронежилета...

Уходя с Рыбникова переулка, я размышлял. "Ну, конечно, он ...еврей, его манера говорить, как браниться, выдает его лучше любого свидетельства о рождении", — думал я. Тогда же, шагая по Сретенке к Садовому кольцу, я назвал его эту манеру поливом. То, что его отец немец, это пусть от своей маме рассказывает. Однако, однако... он выгодно отличается от большинства лидеров оппозиции, десятки их я прослушал 8—9 февраля, сидя на балконе кинотеатра "Россия" с блокнотом в руках. Его поливы, они живые и, пожалуй, близки манере американских политических или профсоюзных боссов, они народно-хамские какие-то, примитивные, конечно, но это совсем другой подход, чем догматическо-деревянные речи бывших номенклатурных коммунистических дядь. Так крикливо восхваляет свой товар коммивояжер в каком-нибудь штате Нью-Джерси, выхваляет подержанные холодильники или подержанные автомобили. Точно, вот ответ: Жириновский политик американского типа! Родившись в Алма-Ате, как в Атланте какой-нибудь (оба города — захолустная провинция), получился вот такой Владимир Вольфович: еврейский американец, американский провинциальный еврей. Русским это плохо понятно: мне, прожившему в Соединенных Штатах шесть лет, это ясно как божий день. Расистского в моих рассуждениях нет и не пахнет, я лишь определяю его корни и даю ему характеристику, подыскиваю ему аналог — дабы Жириновский был мне понятнее...

Размышления эти сложились тогда же в твердое убеждение. Вот что я писал в статье "Наши ошибки", опубликованной в "Советской России" 16 мая 92 г.: "Интересно остановиться на феномене Жириновского. Он одновременно и очень нелюбим одной частью населения, и очень почитаем другой. Для многих "демократов" и "прогрессивных" обывателей Жириновский почти синоним "фашиста". Между тем, едва ли один из каждой тысячи людей, непринимающих Жириновского, прочел программу его либерально-демократической партии. Я объясняю и

неприятие и восторженное почитание Жириновского тем, что он совсем непривычный для российского сознания тип политика. Тогда как в Соединенных Штатах Америки он был бы вполне на своем месте рядом с Джесси Джексоном или даже Бушем. Разгадка скандала Жириновского в его энергичной, эмоциональной манере. В том как он говорит, а не что он говорит. Он говорит в лоб, не обходя проблемы. Он говорит САМ. Он говорит резко. Он говорит все время, лишая себя многозначительных пауз и гордых поз. Российский же обыватель привык (и годы перестройки не успели разрушить совсем эту традицию) к солидному лидеру, роняющему слова на вес золота. Охальный Хрущев, вспомним, казался народу легкомысленным, и не потому ли соблазнил недавно массы Ельцин, — хмурая, малоговорящая "жертва". Суть же речей Жириновского (а то, что он говорит, по большей части разумно и справедливо) заслоняется для обывателя его непривычной, кажущейся суетной на фоне традиционной российской "солидности" — манерой.

К этому недоразумению (он — не истеричный фашист, но резко и больно, и свободно изъясняющийся политик американского типа) следует добавить несомненный негативный результат "работы" ельцинской прессы, и радио, и теле. Жириновского (как и всю оппозицию) чернят самыми недостойными способами.

Телевидение в феврале позволило себе подло (иначе не назовешь) сопроводить передачу, посвященную фашизму, документальными врезками из интервью Жириновского. Несмотря на тенденциозную топорность подобных фальшивок, определенные группы населения на дух не выносят Жириновского. Я проделал опыт: привел 19-летнего "прогрессивного" парня на встречу Жириновского со студентами Историко-архивного института. До этого Слава враждебно отзывался о Жириновском, в лучшем случае имя последнего вызывало у него скептическую улыбку. После вечера Слава, нет, не стал поклонником Жириновского, но вынужден был признать, что идеи его разумны и справедливы, пусть и выражены в непривычно резкой форме.

Жириновский — очень известен. А известность — это гигантский политический капитал сам по себе. В стране с парламентским демократическим режимом (в США например) его ожидало бы завидное политическое будущее. В России его известность пропадает втуне. Идеи Жириновского и его известность позволяют ему стать возможным кандидатом и быть

выбранным во властные структуры государства. Если бы... Ибо в России президентским указом все выборы "отложены" до конца 1992 г. и отсрочка (фактически запрещение) будет непременно продлена, иначе режиму, потерявшему поддержку населения, не выжить. (Кстати говоря, в недопущении выборов заинтересован и Совет Народных Депутатов России. У выбранных в других исторических и политических условиях депутатов полномочия до 1994 г., и они разумеется не хотят уйти раньше.) В авторитарной России Ельцина у Жириновского сомнительное будущее. Существует опасность, что его популярность не доживет до выборов, выдохнется. В быстро принимающем все новые формы мире российской политики это реальная опасность. Несмотря на то, что яркий молодой лидер (46 лет) Жириновский окружен талантливыми, совсем молодыми людьми (25—30 лет), на сегодняшний день его партия не может ему помочь. Ибо это не партия захвата власти, но парламентская партия. Вне парламентского пространства ЛДП бессильна.

И по тем же самым причинам сомнительным представляется будущее всей оппозиции, если она не перестроится... Если бы общероссийские выборы в совет народных депутатов были бы возможны сегодня и сейчас, — правительство Ельцина пало бы, и оппозиция получила бы власть. Понимая это, демократы не допустят выборов..." Дабы не раздражать публику, я не стал останавливаться на еврействе моего героя, а надо было остановиться, ведь еврейство многое объясняет в нем.

Через три дня мы встретились с ним опять. В Историко-архивном институте. В старом здании на Никольской улице, недалеко от Кремля, рядом с ГУМом.

Жириновский пригласил меня туда, Архипов дал мне адрес, а я — пытливый ученый — лидеровед явился туда, так как мне было интересно посмотреть, как он управляется с массами. Пришел я с Ярославом Могутиным (ныне скандальный журналист "Нового Взгляда"), тогда он учился в Историко-архивном, это он "Слава" в моей статье. Пришли мы чуть раньше, и я получил свою долю внимания: на меня набросились поклонники, с книгами, газетами... Когда наконец появился Жириновский, я расписывался на программе ЛДП, ее раздавали у входа. Жириновский довольно тепло поздоровался со мной, снял пальто и вошел на эстраду. Зал был наполнен на треть. Впереди сидели завсегдатаи политических митингов, я среди них, в бушлате, блокнот на коленях, затем шли пустые ряды, а сзади

расселись студенты. Первое время они фыркали и похохатывали, потом стихли.

Жириновский на трибуне сообщил (очень просто все), что вначале изложит общие положения, а затем будет отвечать на вопросы. Голос его, с хрипотцой, недовольный, такими жалуются на власть въедливые заебистые служащие в столовой во время обеденного перерыва. Голос качающего права инженера, итээровца. Провинциала. Брюзгливость, недовольность тона Жириновского объясняется "ощущением жизни как базара, как нескончаемой сутолоки"?, как писал о нем его приверженец Сергей Плеханов: "Мой собеседник неизменно подчеркивал: его десятилетиями окружала тусклая и удушливая атмосфера всеобщей бедности, человеческого базара, нет, даже не базара, — это слишком цветистое понятие, — а некоей барахолки". Тогда у всех бывших советских должны быть такие брюзгливые "барахолочные" голоса?

Барахолка или нет, но Жириновский, отбросив деревянный язык политики эпохи партократии, говорил на языке улицы. Несложным языком обывателя. Вот его полив в тот вечер, судя по моему оранжевому блокноту: "Почти ежедневные нападки на меня и на партию. Политика связана с обманом... Вас хотят обмануть. Мы же избрали нашим оружием сказать правду. Ни одна партия не смогла выдвинуть в июне прошлого года кандидата в президенты. Только ЛДП смогла... Я один не был связан с номенклатурой, с КПСС... Кадеты и РХДД перекрасились... В августе политические партии ушли в подполье... Ельцин пришел к власти ночью, слабость — когда приходят к власти ночью. 90 % преступлений совершается ночью".

Первый шквал полива прошумел, и он накатил на нас, слушателей, — второй вал. Самые трагические ошибки — политические... Главный сейчас национальный вопрос. Он нигде не решен. Там у них он тоже не решен. Нет Курдистана, хотя курдский народ многомиллионный, но есть Эстония, эстонцев, вы знаете, 900 тысяч. Свобода для эстонцев означает несвободу для русских... Историю нельзя переделать... Я буду защищать русских на всей территории России и бывшего СССР. Нельзя проводить национальное отделение, если мы пойдем таким путем, у нас будет завтра на месте России пятьдесят, шестьдесят, семьдесят государств. Суверенитет личности — да, но не нации. Если мы дадим всем нациям суверенитет — мы будем в состоянии войны всегда. Говорят — какой выход? Многопартийный парламент ситуацию не спасет. Нужен автори-

тарный режим. В Турции каждые десять лет приходят к власти военные. Там решили национальный вопрос варварским способом. Военные все исправляют... Наше государство в состоянии больного, которому требуется сильное лекарство... В Германии, чтобы перейти к демократии, требовался американский оккупационный режим..."

Третий вал начался с ярких популярных сравнений, к сожалению, я не понял, к чему же их привязать, что они значат. Возможно ничего, как орнамент на стенах мечети, как глоссололия, — бессмысленные словосочетания в песнопениях шамана: "Рыбак с удочкой или с динамитом. Мужчина и женщина... договорился или изнасиловал, большая разница... В Латвии не выходят газеты... **В Тбилиси закрыт аэропорт***. "Российские вести" сообщают каждый день, где находится Гамсахурдия, а! А американская подводная лодка в это время подошла к нашим берегам... Гуманитарную помощь присылают нам, чтобы разведать наши военные аэропорты, вы поняли? Они знают, что режим Ельцина, режим Попова — временный. Они готовятся... Садам Хуссейн нужен США. Он их ставленник на Ближнем Востоке".

* За три дня до этого, вы помните, был закрыт "алтайский завод".

Уже летом того же года Владимир Вольфович полетит, или сделает вид, что полетит (мне совсем не ясно, например, был ли он вообще в Ираке с визитом? нет, не ясно) к Хуссейну, невзирая что тот — ставленник США на Ближнем Востоке, но это не единственное противоречие в его поливах и в его политике. Собственно, его политика принципиально противоречива. Я не люблю корчить из себя пророка, потому заявляю что если да, я сразу же понял, что образ Жириновского именно провинциальный итээро-

вец, спешащий выплеснуть с хрипотцой обиды, и в этом он есть двойник американского провинциального босса, дельца от политики, то противоречия я уловил позднее.

Не заметил я тогда и того обстоятельства, что во всю сорокаминутую речь Жириновский обронил лишь несколько фраз, касающихся не географии, не проблем внешней политики с ближним и дальним зарубежьем. Лишь несколько фраз на тему экономики и социального устройства общества. Вот они. Об экономике: "Конвергенция в экономике — сохранить то, что есть у нас, и добавить лучшее из капитализма". О социальном устройстве общества: "Бурбулис заявил: "Мы меняем общественный строй!" Как легко. Двадцать лет вбивал в голову студентам о коммунистическом обществе..."

Я ушел из Историко-архивного вместе со Славой, у меня была еще одна деловая встреча. "А что, Эдуард, — сказал Слава, когда мы шли к метро, — ваш Жириновский мне понравился. Он говорит вполне разумные вещи..."

Позднее вот что писал Ярослав Могутин об этом событии в газете "Новый Взгляд" (нр. 122, за 93 г.): "...хочется вспомнить, как развивался их бурный, но непродолжительный роман с Лимоновым. Владимир Вольфович встретился с Эдуардом Вениаминовичем, когда инициативная группа студентов Историко-архивного института выдвинула Жириновского на должность ректора (вместо Ю. Афанасьева). В тот момент я еще числился студентом этого заведения и предвкушал страшный скандал в институтских стенах (это было полтора года назад). Мы с Лимоновым пришли на Никольскую, где в актовом зале главного здания МГИАИ должен был выступить В. В. Он и выступил в присущем ему юмористическом духе с известными лозунгами, которые мало с тех пор изменились. Лимонов тогда быстро освоился и вскоре уже бойко раздавал свои автографы на программе ЛДП. Естественно, никаким ректором В. В. не стал, а студентам-инициаторам его выдвижения, жестоко набили морды студенты-демократы.

Через некоторое время, 1 марта 1992 года, Жириновский сделал ответный жест, посетив творческий вечер Лимонова в ЦДЛ, где уже по-свойски расписывался на лимоновских книгах. Все это было очень символично.

Они были нужны друг другу. Жириновский Лимонову — чтобы пролезть в Большую Политику (тот наивно полагал, что В. В. ему в этом поможет), а Лимонов Жириновскому — чтобы пролезть в Вечность, поскольку..." Дальше Ярослав пускается в

политические предсказания, но я их опускаю, так как предсказания не сбылись.

Газета "Сокол Жириновского" осветила то же событие несколько по-иному, в заметке "Восстановите мою родословную!.." "Группа студентов Историко-архивного института выступила с предложением выбрать на место собирающегося в отставку ректора и известного демократа-расчленителя Юрия Афанасьева председателя ЛДПР Владимира Жириновского.

Встреча В. Жириновского со студентами состоялась. Несколько сот собравшихся с большим интересом выслушали концепцию собирания русских земель, возрождения русской нации и российской государственности. На традиционный вопрос из зала: "Кто Вы по крови и почему у вас такое отчество?" Владимир Вольфович ответил: "У меня мать и отец — русские люди. И я был бы очень признателен вам, будущим историкам и архивистам, если вы восстановите мою родословную досконально и в ней найдутся представители других народов. Я буду гордиться, если узнаю, что в моих жилах течет и другая, кроме русской, кровь..."

На встрече присутствовали... /.../ Э. Лимонов раздавал свои автографы студентам с надписью: "И примкнувший к ним Лимонов"... на обложках программы ЛДП".

У кого что болит, тот о том и говорит. И тогда, и сейчас, и в будущем будет досаждать Владимиру Вольфовичу его родословная.

Ошибся в анализе и Могутин, предположивший, что Жириновский мне нужен, чтобы пролезть в Большую Политику (Владимир Вольфович сам тогда в Большой Политике еще не находился!), и "Сокол Жириновского" ошибся, представив меня одной фразой, жестом, каким-то хулиганом и ничевоком.

Ошибся и "Московский комсомолец", писавший в номере от 6 февраля 1992 года в заметке "Эдичка из городу Парижу": "Возрадуйтесь, читатели и почитатели известного советско-американско-французского писателя Эдуарда Лимонова. Сегодня вечером он вновь прилетает на нашу-вашу-его многострадальную родину. Да не как-нибудь, а по приглашению самого Верховного Совета России. В планах Эдички — поучаствовать в известных событиях 9 февраля, разобраться в политической ситуации (наивный, нам бы самим...), съездить к родителям в Харьков и, конечно же, встретиться с вами в Центральном Доме литераторов".

Все эти ребята попали пальцем в небо. Я приехал интуитивно, следуя лишь и исключительно интуиции, следуя озабоченной

трагической СТРАСТИ, многолетней и тяжелой. Влюбленности в страну, в эпоху, в политику. Следуя страсти...

Сейчас я понимаю, что этот приезд в Москву в феврале 92-го оказался похож на приезд в Москву за четверть века до этого, в 1967! Тогда все мне было ново и интересно в столице! Юноша из провинции, я открывал для себя Москву искусства, мифологию контркультуры. Тогда в 1967-ом я познакомился с десятками впоследствии ставших знаменитыми художников, поэтов и писателей, подружился среди других с Ленькой Губановым и Веней Ерофеевым, с Кабаковым, Яковлевым, Евгением Леонидовичем Кропивницким, чтобы тотчас вступить с ними в творческую конкуренцию. Я носился в те годы как на крыльях по незнакомому городу... Помню свой ослепительный энтузиазм тех лет, жадно пожирал я новых для меня людей. Точно с таким же мощным энтузиазмом в феврале 92-го через четверть века набросился я на Москву политическую. И подобно тому, как в Москве 60-х годов меня интересовала контркультура, в Москве 90-х меня интересовала политическая оппозиция. И только она! Никакие серокостюмные мальчики Шахраи и иже с ними меня не интересовали. Виктор Анпилов меня интересовал! Влюбленный в свое время в Леньку Губанова — поэта, я дрался с ним дважды. Один раз в ответ на его злобное замечание, чтоб я убирался в свой Харьков, я ударил его бутылкой по голове, он же позднее набросился на меня со своими дружками и избил. То есть это была любовь-ненависть.

Анпилов восхитил меня своим якобинством и целостностью характера. И восхищает до сих пор. В известном смысле он — поп-звезда красных митингов, запросто управляет он многотысячными митингами, приводя даже немолодых людей в истерику. Он умеет, если хочет, опустить толпу до детского возраста, как бывалая рок-звезда. На митинги "Трудовой России" взрослые мужики и бабы приходят в красных галстуках, пилотках, с красными флажками в руках. При появлении Анпилова они визжат и закатывают глаза, как пятнадцатилетние провинциальные девочки на концертах покойного идола русской молодежи Виктора Цоя. Они — старшее поколение, реагируют на Анпилова как на рок-звезду, именно так, он их красный идол. Он возвращает их в молодость, в жизнь, в борьбу, дает им почувствовать вкус жизни и борьбы, а они за это воздвигли его в идолы.

Как было когда-то и с Губановым, я ставлю себя на место Анпилова. Я был в пяти шагах от него, когда, взобравшись на

капот автомашины у ступеней, ведущих в здание Останкино, произнес он свою, оказавшуюся последней, политическую речь в 19 часов, 3 октября. Я лежал вместе с ним под пулями, чем горжусь.

Когда дубовые головы "интеллектуалов" недоумевают, почему мне интересна политика, я поражаюсь их дубовой нечувствительности. Русская политика так же чувственна, романтична и героична, как русская поэзия. Тот, кто не чувствует героической стихии митингов, демонстраций, стычек с вооруженными псами-рыцарями из ОМОНа, кого никак не колышут народные шествия, флаги, крики, речи, столкновения, борьба, кровь, пролитая в этой борьбе, — тот просто биологически неполноценен. В таком человеке отсутствует азарт, вдохновение, перец и соль, — он безжизненен, — кусок мыла, а не человек.

БУТЕРБРОД С САЛОМ

("Потом, в другой раз, он к себе пригласил")

С Архиповым мы договорились увидеться на демонстрации в День Армии 23-го, Жириновский с партией должны были ("как всегда", — сказал Архипов) выступать со своего грузовичка в районе Пушкинской площади. "Приходите, я вам принесу шубу, а то вы в своем бушлатике парижском окоченеете", — сказал мне Архипов по телефону, и заботой этой тронул меня, признаюсь.

Встретиться же нам 23-го не удалось, так же как не встретился я и с полковником Алкснисом до этого на площади Маяковского. (Алкснис договорился, что мне дадут слово). Но все наши планы оказались спутанными, ибо в последний момент демонстрацию и митинг запретили. Площадь Маяковского оказалась оцепленной тысячами милиционеров и ОМОНовцев. Произошло первое столкновение оппозиции с демократическим ОМОНом, я описал подробно "Битву на Тверской" в книге "Убийство Часового". В той битве меня ударили дубинкой по голове и по ребрам, но я уверен, что и я успел приложиться к паре враждебных голов. Как бы там ни было, в тот день мы не встретились.

Я уже разобрался немного в симпатиях и антипатиях внутри оппозиции. Владимира Вольфовича явно избегали. На большинстве митингов он парией произносил речи с грузовичка, поставленного в сторонке от общей сцены, но рядом. Обиженно и с горечью описывает тот же Архипов другую, не в День Армии, но мартовскую демонстрацию, но я уверен,

что так бывало всегда, и до и после. "НАШИ. Они стояли на трибуне и с едва скрываемой усмешкой смотрели, как толпа красноповязочников проверяет крепость ребер Владимира Жириновского. Те, кто в оцеплении, твердо выполняли команду о недопущении к "броневичку" одного из полноправных устроителей митинга 17 марта на Манежной площади. Они — те, кто любит именовать себя "Наши". Среди них и автор термина — А. Невзоров. Он смотрел на происходящее сквозь объектив видеокамеры: по его лицу блуждала улыбка, как у экспериментатора, наблюдающего в микроскоп занятную сцену из жизни инфузорий. Столь же снисходительно взирал на это и будущий "властитель России" генерал Макашов. "Не время, не время", — говорил он Жириновскому. Похоже, не только не время, но и не место.

Обитатели "броневичка" — члены ЦК разнообразных компартий, ряженые и поборники дружбы народов в рясах и без оных с чувством глубокого удовлетворения единогласно так и не допустили Владимира Жириновского к микрофону: не ровен час переманит народ на свою сторону... Урок на будущее для ЛДП: мероприятия партии не должны совпадать в пространстве и времени со сборищами — "коммуноидов".

Сегодня, полагаю, Владимир Вольфович, бывший изгой, бывший не допущенный и не приглашенный, испытывает мстительное удовольствие, сидя в Думе со своими семьюдесятью партийцами, в то время как обижавший его Макашов и организатор тогдашнего 17 марта Вече на Манежной — Анпилов, — сидят не на креслах в Думе, но на жестких койках в Лефортово. Владимир Вольфович имел тогда право на обиду, так же как были вполне обоснованны опасения и Макашова, и Анпилова: воспользовавшись отсутствием на выборах самых густых "красно-коричневых" партий, в том числе и анпиловской "Трудовой России", переманил-таки народ на свою сторону Жириновский. Именно в "неровен час", — когда семь красно-коричневых партий были запрещены, а еще шесть (в том числе Национал-Республиканская Партия Лысенко и Российский Общенародный Союз Бабурина) были вышиблены из участия в выборах под разными предлогами. Молодец Архипов, ай да молодец, все ты понял тогда правильно! Однако, Андрей Вячеславович, ты ошибся в том, что касается авторства термина НАШИ. Автор термина никакой не Невзоров, но — Эдуард Лимонов. Еще 2 ноября 90 года (за несколько месяцев до появления невзоровского телефильма под этим названием) "Известия", тогда выходившие еще 13-миллионным тиражом, опубликовали мою

статью "Размышления у пушки", где речь шла именно о НАШИХ, и слово это, жирным шрифтом выделенное, употреблялось по меньшей мере шесть раз! Полковник Алкснис, внимательно прочел эту статью и в восторге отозвался мне о ней, я познакомился с Алкснисом чуть раньше, чем с Жириновским. Прочел ее внимательно и Невзоров, друг Алксниса, вместе с которым они и организовали движение "НАШИ". Чужого мне не нужно, но и мое не тронь! (После выборов декабря 93 года, признаю, я стал менее щедр, чем был до выборов. Раньше у меня заимствовали все кому не лень, и я радовался, мне не было жаль. После выборов я указываю на свое отцовство. Предпочитаю указывать.) Анпилов же допустил меня тогда на свой "броневичок" и дал слово. Согласно "Независимой Газете", я пожурил собравшихся за слишком благодушное настроение и предложил готовиться к гражданской войне".

Я таки предложил им готовиться к длительной борьбе, потому что за эти два дня, 16-е и 17-е марта, убедился в соглашательстве и трусости части лидеров, насмотрелся на раздоры в лидерской среде, отодвигавшие общую победу. На "броневичке", Андрей Архипов угадал, обстановка была не из легких. Нельзя сказать, однако, что все они были озабочены только тем, чтобы не допустить Жириновского к микрофону. Обиженный за что-то на Бабурина, Анпилов очень долго не давал ему слова, и тот уже хотел было, замерзший, покинуть трибуну. Генерал Макашов, его собирались выбрать Президентом, но не выбрали, струсив, в Вороново, был оттеснен куда-то в задние ряды. Я молча ему сочувствовал, так как решительный человек — Макашов вынужден был подчиниться темпу людей нерешительных... Короче, на "броневичке" царила нервозность, и после своего выступления я был счастлив сбежать вместе с Володей Бондаренко к редактору "Дня" — Проханову, домой. Я серьезно в тот день впервые задумался о том, что лидеры наши в большинстве своем — бояре в высоких шапках. Бояре, попавшие в бояре при перестройке, за заслуги при прошлом режиме, беспомощные во все более резкой и капризной, переменчивой погоде русской политики. Участвуя 16-го марта в гостинице "Москва" в заседании Оргкомитета съезда (присутствовали Виктор Илюхин, Сажи Умалатова, Макашов, бывшие депутаты Голик и Крайко), я видел, как умеренные Голик и Крайко сумели сбить Оргкомитет съезда депутатов СССР (а на следующий день и съезд) с радикального пути. На следующий день, 17-го метались мы, несколько радикальных националистов, по залу ДК в Вороново, сталкиваясь с таким же злым,

как и мы, ругающимся матом Анпиловым, метались от радикального депутата к депутату, от Петрушенко к Алкснису, пытаясь предотвратить неминуемое. Все было загублено! Героизм нескольких сот депутатов, приехавших из провинции, караван автобусов и журналистских автомобилей, пробирающихся в снегу, сделался из трагического опереточным караваном. Внимание всего мира было вызвано напрасно. "Отставить, ложная тревога!", — все было загублено трусостью и (с облегчением!) полумерами. Вместо создания правительства национального спасения, — создали, бюрократическая уловка трусости, — постоянный президиум съезда!!!

Струсили именитые, известные на всю страну. Уже при свечах (трусливое тоже правительство отключило свет) меня все знакомили с именитыми и известными (и с Лигачевым!), а я думал с горечью: струсили, потеряли исторический шанс, болваны! Всего-то нужно было понять, что есть один исторический шанс — сегодня, 17 марта 1992 года! И больше не будет. И даже этот шанс, дополнительный, самый-самый последний. (В декабре 1991 года на самом деле нужно было не уходить из зала заседаний Верховного Совета СССР, воспротивиться!) Но вот выдался еще шанс в марте 92-го, еще не было у армии инстинкта повиновения Ельцину, "хозяину", как в октябре 1993-го. Создав параллельное правительство и выбрав Президента СССР тогда в марте 92-го, они имели множество шансов на успех, на то, что страна перейдет постепенно к их правительству.

Но я забежал вперед, а 24 февраля руководство ЛДП явилось ко мне на Герцена. Первым приехал Андрей Архипов, привез шубу, колбасу, водку, даже вилки и даже домашние тапочки, которые тотчас надел. Пока он раздевался в коридоре, я рассмотрел его. Под меховой шапкой — костистое лицо, глубоко под бровями — вполне восточные глаза. Длинное пальто из ткани букле, с поясом. Худ, спортивен, гимнаст, велосипедист (позднее я жил у него десяток дней. Велосипед занимает центральное место: висит на окне), холостяк, инженер. Всегда такое впечатление, что он бежит в ровном галопе, даже если идет. До ЛДП последним местом работы Архипова была газета "Аргументы и Факты".

Инициатором встречи были они: Архипов, а может быть, и Владимир Вольфович. Архипов предложил "поговорить". Я согласился. Я не соврал журналистке Юле Рахаевой из "Московского комсомольца": да, я искал банду. Но совсем без спешки и без нервозности. Пока я уже предложил свои услуги Алкс-

нису и Бабурину и назавтра вылетал по их просьбе в Красноярск. Так что одна банда у меня уже была.

После Архипова явились Сергей Жариков и Сергей Плеханов. Оба заслуживают того, чтобы остановиться на них поподробнее.

Сергей Николаевич Плеханов — первый биограф и один из первых пропагандистов Жириновского. В момент нашего знакомства он уже выходил из-под действия "мощного магнитного поля". Вот как восторженно писал Плеханов о Жириновском в "Юридической газете" нр. 15 за 1991 г. Я хочу привести здесь большой кусок из плехановского текста, так как он показывает лидера ЛДП в самый важный момент его карьеры: в дни перед президентскими выборами 12 июня 91 г.:

"Я сижу на потертом дешевеньком диване рядом с таким же непрезентабельным письменным столом и смотрю на высокого крупного мужчину в смокинге и ослепительно белой сорочке. Он поправляет узел галстука перед зеркалом, закрепленным на дверце платяного шкафа.

Это великолепное одеяние совершенно не вяжется с убогой обстановкой, до боли знакомой по десяткам и сотням жилищ сограждан, виденных мной за многие годы. Человек в смокинге, кажущийся посланцем иного мира, неведомой силой занесенным на грешную и сирую русскую землю, — тем не менее хозяин зтой бедной двухкомнатной квартирки на четырнадцатом зтаже обыкновенного советского дома... Владимир Жириновский в последний раз осматривает себя в зеркале перед тем, как мы отправляемся на теледебаты кандидатов в президенты России..."

Тут я позволю себе прерваться, дабы указать на цель милейшего Сергея Плеханова, а ее выражает название его работы: "В. Жириновский: "Я такой же, как вы". Представить его как бедного, сирого, советского, с платяным шкафом, — все зто, конечно, лобовая пропаганда, но берет за душу. В 1993 г. перед референдумом Эльдар Рязанов покажет Ельцина на кухне, и чай, поданный Ельцину женой, окажется холодным. Но вернемся к тексту Плеханова. Нас ожидают еще и еще свойские признаки "бедности".

"Мы поднимаемся с мест, один за другим выходим из квартиры, ждем у лифта. Распахивается дверца, и нас принимает чрево типичного советского лифта, пропахшее мочой, покрытое нецензурными надписями. Внизу в подъезде все также испещрено рисунками и каракулями, свидетельствующими о необратимом регрессе человечества со времен неандертальцев, забавлявшихся таким же образом на стенах пещер. Здесь же висят

бумажки, извещающие жильцов о раздаче талонов на сахар, распоряжения РЭУ. Но нигде ни единого свидетельства о том, что в подъезде обитает кандидат в президенты...

Распахивается алюминиевая дверь с неисправным кодированным запором и мы оказываемся на улице перед кортежем разномастных автомобилей. Самый шикарный из них — белый "Москвич", принадлежащий Жириновскому. Две старых проржавевших посудины на изношенных колесах также принимают на борт членов команды претендента на высший государственный пост, и кортеж с невероятной скоростью несется по асфальту дороги, рассекающей парк "Сокольники".

Останкинская телебашня быстро растет, пока не зависает над нами, упираясь в зенит. Мы выходим из машин у входа в телецентр. К доисторическим авто спешат руководители информационной империи и ведущий теледебатов Игорь Фесуненко. Рукопожатия, улыбки, возбужденные голоса — атмосфера, как в преддверии финального матча. Почти сразу же подъезжают черные лимузины с командой Рыжкова. Экс-премьер твердой уверенной походкой идет от "Волги" навстречу Фесуненко. Следует взаимное представление двух кандидатов и членов команд. Рукопожатие у Рыжкова крепкое, отрывистое... Два кандидата в президенты стоят рядом. Они примерно одного роста, стройные, в черном. Но Жириновский смотрится выигрышнее — то ли атласные лацканы и лампасы, то ли молодость в том повинна, — но в сравнении с вчерашним главой правительства он выглядит более импозантно, так и просится на язык: по-президентски... А я почему-то невпопад вспоминаю малогабаритную двухкомнатную квартиру, кабинет, заставленный разномастной мебелишкой, полуоткрытую дверь, обшитую изнутри дерматином..."

Слезы просятся на глаза, жалко бедного Владимира Вольфовича (молодец Плеханов, спасибо коллеге Геббельсу, впервые употребившему мелодраму в пропагандистских целях!), но закончу цитирование.

"К Жириновскому я попал, — продолжает Плеханов, — чтобы расспросить его о деталях биографии, и тут же был словно подхвачен вихрем. Энергия кандидата заражала всех окружающих, и они, будто попав под действие мощного магнитного поля, резко меняли свои маршруты. Так случилось и со мной — Жириновский выслушал меня и отрывисто сказал: "Поедемте со мной, на ходу поговорим, все, что надо, увидите, запишите". И неделю, сбитый с привычного пути человеком-магнитом, я вращался в его орбите".

Позднее, использовав Плеханова, человек-магнит выключил свое поле, и, как ненужный гвоздь, отпал Сергей Плеханов. Впрочем, тут с Владимира Вольфовича взятки гладки, каждый политик немного или много вампир, — высосав "попавшего в поле", роняет из когтистых лап высосанный каркас... Позднее Жириновский высказывал недовольство своей биографией Плеханова. Я считаю, что зря. Работа вовсе неплохая, даже отличная. И если отбросить "неандертальцев", "лацканы и лампасы" и те места, где Плеханов пускается в свои собственные рассуждения, — очень эффективная. Я нахожу в процитированном пассаже даже этакие стендалевско-бальзаковские ноты. Портрет в смокинге, разумеется, парадный портрет, но 45-ти летний Растиньяк хоть куда. Тогда, 24 февраля, Плеханов оставался у меня дольше других и, уходя, оставил программу предполагаемой партии октябристов. (Дело в том, что он проектировал воссоздание из праха этой партии) и визитную карточку с двуглавым орлом: "Плеханов Сергей Николаевич, генеральный директор АО "Москвина 8". Адрес повторял название акционерного общества.

Очевидно, возможно проследить влияние Сергея Плеханова на Владимира Вольфовича, но я не обладаю нужными для этого материалами. И желанием. Для меня ясно, что, как лоскутное одеяло, сшит Владимир Вольфович из кусков. Процитированный выше отрывок взят из "Юридической газеты" нр. 15 за 1991 год.

Сняв аккуратное длинное пальто, застегивающееся у горла, подтянутый, в костюме и при галстуке, стройный, аккуратные усы, очки, — интеллектуал Плеханов прошел и уселся на диван в моем тогдашнем обиталище. Хотя Жириновский и говорит в интервью, что я "к себе пригласил", квартиру эту однокомнатную, безличную совершенно, я снимал у некоего Александра Николаевича. Никаких квартир у меня никогда не было и нет ни в Париже, ни в Москве. Квартира находилась на десятом этаже башни на Герцена, там же, где журнал "Театр".

Второй Сергей — полная противоположность первому: встретишь такого на улице — отнесешь его к категории опустившихся люмпенов, он сливается с фоном — с улицей, с асфальтом, с пивными ларьками и облупленными стенами. Московский, русский, одутловатая физиономия алкоголика, или, по крайней мере, поддавальщика, в помятой и затасканной одежде, потрепанная хозяйственная сумка в руках, Сергей Жариков еще и подыгрывает, "косит" под простолюдина. Талантливый, бывший лидер рок-группы "ДК" Жариков вовсе не прост. Иронический,

начитанный, болтун, сплетник, истерик, абсурдист, фейерверк остроумия, пессимист, он из тех, кто ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца, ни детей, ни Историю, ни здравый смысл. Позднее, основав с ним партию, я не смог с ним работать, но вовсе не разочаровался в его талантах. Жариков, впрочем, слишком талантлив, он поэт, артист, с таким вместе работать невозможно. Его юмор разрушителен, его идеи уносят его слишком далеко. Жариков передал Жириновскому немало идей. Он не преувеличивает, когда говорит о Жириновском "это мы одели его в свои лозунги" ("Известия" 4 января 94 г.). Хочется только добавить: а он их вульгаризировал. Эстетский эзотеризм Жарикова превращается у Жириновского в вульгарные общие места.

Жариков писал в статье "Мы стоим на пороге новой цивилизации": "Немцы — это те же славяно-русы, подвергшиеся латинизации во времена Карла Великого; византийский историк Лев Диакон прямо называл русских германцами." /.../ Наш главный союзник и наше будущее сегодня — **Германия**, поскольку с Германией нас объединяет и Кровь, и Почва — два главнейших признака образования союзов. Это же касается и традиционной **Франции** и традиционного Ирана. Именно общий инстинкт земледельцев — гиперборееев-ариев и их **общее континентально геополитическое мышление объединит народы Севера**".

Статья опубликована в "Соколе Жириновского" в марте 1992 г. (по соседству с моей статьей "Смерть и рождение Идеологий"). В статье Жарикова есть еще такие строки: "Говорить о каких-то "крошечных и уютных" странах несерьезно, поскольку "коренные" народы этих "стран" мало того, что не составляют процентного большинства, но и мало чем отличаются от своих соседей". Через два года на страницах книги Жириновского "Последний бросок на юг"), появившейся в продаже в конце 1993 года, находим такие куски: "Вот вам **успокоение для северной Европы. Германия** получит возможность восстановить Восточную Пруссию за счет территории Польши, — части ее. Может быть, часть Моравии от Чехии. И немцы успокоятся, больше не будут двигаться никуда на Восток. /.../ В **Германии** будет хорошо, если новой станет Россия. **Франции** тоже было бы выгодно. (стр. 137–138). На стр. 140 Жириновский говорит: "Не умеют торговать ни ставропольский медведь, ни уральский. Здесь нужен другой интеллект. "Здесь нужно другое мышление", — правильная фраза Горбачева. Но только не мышление сына колхозника, внучка председателя ставро-

польского колхоза. Здесь нужен человек **с космическим мышлением, как минимум с планетарным.** Тогда может быть достигнут эффект, который приведет к разумному существованию, к осуществлению **геополитической формулы**, обеспечивающей интересы большинства на планете".

Подобных только что процитированным сближений возможно найти бесконечное количество и в книге Жириновского, и в его интервью. Сближений с идеями людей, которые "одели его в свои лозунги". Впечатление такое, что Жириновский прочел залпом все выпуски "Сокола" и, онаркоманившись идеями, войдя в транс, наговорил на магнитофон их вольный пересказ. Так детей в библиотеке заставляли в мое время пересказать содержание прочитанной книги. Ну, естественно, изысканные тонкости эзотеризма потерялись в пересказе, зато появились уральский медведь, внучок председателя, и это красноречивое ТОРГОВАТЬ (вы не в директора продбазы себя предлагаете, Владимир Вольфович, очнитесь!). Кстати, разговорные манеры (Жариков говорит и пишет, Жириновский ничего никогда не пишет, его "книгу" он, без сомнения, наговорил, а сделал Алексей Митрофанов, расписав и разрезав на куски предложений) у Жарикова и Жириновского очень близки. И ритмически, и синтаксически поливы Жириновского напоминают поливы Жарикова. Та же несдержанная, прорывающая здравый смысл словесная стихия, где остроумие мешается с бессмыслием; тот же в конечном счете нелогичный словесный анархизм, волны взаимоисключающих утверждений. Бывший главный редактор "Сокола Жириновского" Жариков вне сомнения в десятки раз более начитан, интеллигентен и подкован, чем Владимир Вольфович. И не только это, Жариков мыслит высоко, Жариков (неорганизованный) — Высокий дух, вот его, жариковские, категории "Древний арийский мир (а подавляющее большинство населения России являются потомками "индоевропейцев") знал сакрального императора как главного Мужчину рода, государства", — пишет Жариков. И еще: "Русский герой проливал свою кровь на поле брани. Землю, впитавшую русскую кровь, народ именует русской землей. **Русский народ — народ кшатриев, воинов. Именно русская армия создала русскую государственность, кстати старейшую в мире.** И вот к сильным жизнелюбивым язычникам пришел юродивый, да еще "не мир — но меч" принес им. (Это о Христе. — *Э. Л.*) Что делать? Смеяться или рать выставить?"

Владимир Вольфович вульгаризатор, видит русский народ по-иному, его взгляд — взгляд претендента на должность ди-

ректора продбазы, который уверен в том, что он умеет, в отличие от "ставропольского и уральского медведей", ТОРГОВАТЬ. "Если пенсионер получит утром бутерброд с маслом и сыром, кашу и сможет выпить чаю, кофе или какао. Если в обед он покушает немножко салатику, постные щи или суп, котлетку, запьет компотом. А вечером у него будет кусочек селедки, картошка, может быть, стакан кефира. Если он сможет, когда ему захочется, попить чайку с пряниками, — я думаю, всего этого ему будет достаточно, он останется доволен".

"Это уже никакой не Жариков, это Владимир Вольфович, сам подлинный во всем его блеске. За все это оскорбительное убожество, за "немножко салатику", "постные щи", "кусочек селедки" хорошо бы кто-нибудь из народа кшатриев начистил лик претенденту на роль директора продбазы. Мне нельзя, меня тотчас посадят, я слишком известный.

Опрощая, переваривая, вульгаризируя и выплевывая идеи Жарикова, Архипова, Плеханова ("За 10 минут до выступления на митинге мы писали огромными буквами на листах бумаги, например: "Америка, верни России Аляску!" Жириновский, перед которым я поднимал листок, тут же красиво излагал лозунг", — свидетельствует Архипов в "Известиях" за 4 января 94 г.), обыватель Жириновский постепенно превращался в председателя ЛДП Жириновского. Оставаясь обывателем.

Тогда 24 февраля 92 г. Жириновский (он явился тотчас после Плеханова и Жарикова, вдвоем с неразлучным с ним Владимиром Михайловичем, его телохранителем и с каким-то юным, высоким, пухлым и белесым бизнесменом) удивил меня своим молчанием. Он пил водку, укусил бутерброд с салом и слушал. Вынужденно говорил в основном я, описывая происшедшее на Тверской улице, так как им нечего было особенно рассказывать. Грузовичок ЛДП мирно простоял на Пушкинской площади, и битва, происходившая на пространстве Тверской от площади Маяковского, до Пушкинской не достигла, окончившись где-то на подступах к ней. Все они, и Жириновский тоже, считали, что битва на Тверской была провокацией, я же так не считал, — я видел, что спонтанная энергия масс привела к столкновению. "Провокацию такого масштаба невозможно организовать, — сказал я им, — когда сотни тысяч человек участвуют в действе". Они, кажется, были несогласны, возражал Архипов, все остальные идеологи проявляли себя меньше. Мне было понятно, что мозги партии пришли ко мне с визитом. И сегодня, по прошествии двух лет, я считаю, что не было и не будет у Владимира Вольфовича лучших учителей, чем эти трое:

Плеханов, Архипов, Жариков. Особенно последний, ибо от Жарикова он перенял и манеру полива, сварливо-насмешливую. Точнее, у них эти манеры совпадали, но Жириновский до поры до времени стеснялся этих фольклорных проявлений в себе, однако те же проявления в куда более образованном в этой области и литературном Жарикове развязали ему руки или, точнее, язык, он перестал стесняться своей фольклорности. Но если жариковские поливы схожи с мужицкими разговорами у пивного ларька, где образованные люмпены ругают власти и жизнь, то поливы Жириновского есть поливы очень еврейские.

На десятилетие старше Жарикова, Жириновский отставал от него по развитию. Вначале опережал Жириновский. Московский подросток Жариков в 1971 году участвовал в своей первой группе, в школьной тинейджеровской команде "Второе Пришествие". Тогда как, согласно его биографу Плеханову (и согласно книге Жириновского "Последний бросок на юг"), Владимир Вольфович с осени 70 г. тянет лямку в Тбилиси, "служил офицером в политическом управлении закавказского военного округа". Русскому ясно, что за пышными словечками "офицером в политуправлении" скрывается всего-навсего дохлая проза жизни; окончив Институт Восточных языков и получив автоматически звание младшего лейтенанта, Жириновский "отслужил" свою отсрочку от армии.

Ничего славного. Сотни тысяч фальшивых младших лейтенантов отсиживали свое время, свой срок по назначениям, если не миллионы. Под жужжание мух и тоскливую скуку. Видя оружие издали.

В 1974 г. школьные друзья С. Попов, А. Мирошников, "объединенные неутомимым шутником и фантазером С. Жариковым", — пишет в книге "РОК-Музыка в СССР" некто Т. Диденко, "сменили название на "Млечный путь", стали профессионалами, исколесили в качестве филармонического коллектива всю Россию. Что делает в это время Жириновский?

Он явно сдал темп. Он работает в Советском Комитете Защиты Мира, чтобы сменять квартиру, полученную на первом этаже, становится председателем кооператива, — он пишет об этом в "Броске на юг", страница 47. Через два года, уволенный, чтобы, согласно Плеханову, "уступить место племяннице секретаря ЦК КПСС Пономарева, он переходит в высшую школу профдвижения, где недолгое время трудился в деканате по работе с иностранными учащимися. Затем переходит в Инюрколлегию. Все должности, связанные вроде бы с международными делами, — ан нет, опять оказывается Жириновский невы-

ездным: то ли из-за своего нечленства в КПСС, то ли по другой какой причине... Эта тусклая бескрылая жизнь тянется десятилетиями. Долгие годы он обретается на амплуа юрисконсульта издательства "Мир". К сорокалетнему рубежу (в 1986 году, Жириновский родился 25 апреля 1946 года. — *Э. Л.*) подходит без каких-либо достижений, — ни дачи, ни машины сносной... /.../ "Если бы не перемены, начавшиеся после 1985 года, Жириновскому, как и миллионам подобных ему средних интеллигентов, была бы уготована незавидная судьба, а венцом жизненного пути оказалась бы стодвадцатидвухрублевая пенсия плюс огородный участок размером шесть соток".

В приведенном отрывке С. Плеханов преследует все ту же цель — доказать массам, что Жириновский такой же, как они, неудачник.

Что делает в это время Жариков? С 1981 года группа его переименована в "ДК" (Дом культуры), он очень известен в России. И начинает становиться известен за границей, на Западе. Джек Баррон в "Нью Мюзикл Экспресс" в сентябре 1987 года публикует интервью с Жариковым и характеризует группу "ДК": "Лидеры в этом музыкальном минном поле являются без сомнения ДК, наиболее скандальная рок-банда России".

Жириновского, получается, жизнь заела. Но не сумела заесть Жарикова. Так? Так, но не совсем. Мы с этим разберемся, чуть дальше.

Идеологи ЛДП и их вождь ушли от меня в тот вечер, не допив всю водку, принесенную Архиповым. Помню, что водка была в бутылках из-под кока-колы, в 330-граммовых бутылках. Я спешил, торопился в Останкино, где должен был состояться мой авторский вечер. Архипов оставил мне шубу. (На следующий день я не взял ее с собой в Сибирь.)

После Жириновского остался недоеденный бутерброд. Кусок сала на черном хлебе, срезанный ровно полукругом из четырех борозд — зубов Жириновкого.

ЕВРЕЙСКИЙ АКТИВИСТ ЖИРИНОВСКИЙ

Жириновского, следовательно, согласно С. Плеханову, заела бы жизнь, "если бы не перемены, начавшиеся после 1985 года..." Сам Владимир Вольфович в "Броске" последним местом своих подвигов до ЛДП упоминает издательство "Мир" — "в издательстве "Мир", где я работал последние годы перед тем, как ушел в большую политику..." Дальше идет Большая Политика, читатель, по поводу этого периода его деятельности, смотри замечание уборщицы на Рыбниковом переулке, когда я явился туда 18 февраля.

Однако, неужели Владимир Вольфович, такой прыткий по натуре своей, энергичный и талантливый, сидел тихо столько лет, с 1972 года, когда "освободился" из армии, до самого 31 марта 1990 года, когда на учредительном съезде в Москве была официально оформлена либерально-демократическая партия СССР?

Не мог Владимир Вольфович быть иным в середине своей жизни, чем в начале ее и сегодня. Ведь приехал он из провинциальной Алма-Аты в 1964 году и зубами прорвался в престижный Институт Восточных языков. Что же затух его темперамент в 1973—1989 годах? Темперамент дается на всю жизнь, уверен, что Жириновский был и тогда взрывчатым и энергичным дядей. Тем не менее, ему не удавалась по каким-то причинам карьера ни в Советском Комитете Защиты Мира (интересно, что глава Комитета, Боровой-старший, был женат на сестре Крючкова, шефа КГБ, что уже должным образом

характеризует этих Защитников мира), и нигде. Почему? Энергии и трудолюбия, я уверен, Жириновскому в те годы было не занимать, как и сегодня. В чем же дело? Разберемся. А чтобы разобраться, начнем с конца...

Я покинул Жириновского еще 22 ноября 1992 года, при каких обстоятельствах и по каким причинам, я расскажу в отдельной главе. Но вот 15 января 1993 года в газете "Русская Мысль", издающейся в Париже, появилась статья некоего Льва Алейника из Москвы. В ней приводились сведения о том, что Жириновский еще несколько лет тому назад был активистом еврейского движения. **"В театре "Шалом", — заканчивает свою статью Алейник, — где до сих пор квартирует ВААД** (Конференция Еврейских общин и организаций СССР. — *Э. Л.*), **хранится архив вышедшего из подполья еврейского движения. Есть там среди множества документов и тот самый, первый список телефонов только что избранного правления (Общества Еврейской Культуры). В этом списке под номером 12 значится нынешний "защитник русских" Владимир Вольфович Жириновский".**

"Круто, ой круто!" — подумал я, но все мы были заняты общей борьбой с Ельциным, и я ограничился тем, что в феврале написал статью "Извращения Национализма". Вторая часть статьи озаглавлена "Выкидыш Национализма", и она полностью посвящена Жириновскому и моим с ним отношениям.

Публикация статьи против "юриста" оказалась делом нелегким в сложном мире патриотических и демократических газет. Многие редактора отказались публиковать ее. Отказались от статьи "Московские Новости" и "Независимая Газета". "Правда" продержала статью все лето. Только к концу лета, в нр. 117-ом "Нового Взгляда" была она, наконец, напечатана. К сожалению, "Новый Взгляд" распространяется в основном в Москве, потому влияние "Извращений Национализма" оказалось ограниченным. Жириновский не преминул ответить мне статьей "Русские идут!" там же, в "Новом Взгляде", тщательно обойдя молчанием свой еврейский активизм.

После выборов 12 декабря 1993 года Жириновским стали интересоваться не только насмешники из "Московского комсомольца" или российское телевидение. Любящий пугаться и желающий испугаться Западный мир занялся им вплотную. Вот какой текст я обнаружил 28 декабря в очень популярной

французской газете "Ле Паризьен", попав в Париж в конце декабря (как подобает порядочному человеку, я был с моим народом в сентябре, октябре, ноябре и декабре 93-го). Текст озаглавлен "ЖИРИНОВСКИЙ ХОТЕЛ ЭМИГРИРОВАТЬ В ИЗРАИЛЬ". "Владимир Жириновский, ультранационалист, победитель в русских выборах мог стать израильским гражданином. **БАРУХ ГУР, один из руководителей еврейского агентства, ответственного за иммиграцию в Израиль евреев из СССР, декларировал в воскресенье (26 декабря), что Жириновский, сегодня считающийся известным антисемитом, предпринимал в свое время демарши для того, чтобы иммигрировать в Израиль. Лидер националистов переслал бумаги, подтверждающие, что его отец по имени ВОЛЬФ был евреем. "Было совершенно ясно, что его отец — еврей, — подтвердил господин ГУР. — В 1980 году Жириновский был активным членом группы еврейской культуры "Шалом" и он активно работал в группе советских сионистов до 1989 г., то есть за два года до того, как представить себя на выборах в русские президенты в 1991 году".**

29 декабря этот же текст (источником его является депеша агентства Рейтер: интервью с Барухом Гуром в Израиле) опубликовала "Ле Монд". В версии "Ле Монд" уточняется, что Жириновский "**предпринял первые шаги для иммиграции в еврейское государство в 1983 году**".

Вечером 3 января, отвечая на прямо поставленный вопрос ведущего 1-го канала французского телевидения Патрика Пуавр д'Арвора: "Ведь ваш отец еврей? Вы хотели выехать в Израиль?", Жириновский от ответа уклонился, пробормотав лишь, что "никаких родственников в Израиле у меня нет".

В депеше Агентства Франс Пресс от 27 декабря дана та же информация, с добавлением, что "за год до этого, в интервью данном израильскому телевидению, Жириновский отрицал, что его отец, умерший в 1946 году, был еврей".

Дэвид Хоффман для "Вашингтон пост" передает из Иерусалима ту же информацию, называя Баруха Гура директором Советского и Восточноевропейского отделения еврейского агентства. Согласно Хоффману, Гур сказал еще, что "приглашение из Израиля могло быть сделано и послано только после того, как советский еврей присылал просьбу об этом, сообщая основную информацию о своей семье, возраст, адрес и правильное написание имени-фамилии, иначе он не мог бы получить приглашение".

Все эти детали, кого они касаются, ей-богу, никого, если

б я узнал, что Явлинский был активным сионистом, мне было бы совершенно все равно. Ухом бы не повел. Но Владимир Вольфович, собирающийся защищать русских и малые народы на всей территории России и СССР, к нему особые требования. Человек, собирающийся послать русских пушечным мясом на завоевание берегов Средиземноморья и океана Индии — сионист!

Так что на самом деле Владимир Вольфович не сидел сложа руки все эти годы с 1973-го по 1990. Плеханов или соврал, или не знал. Сам Владимир Вольфович врет, зная. Все у него внутри дрожит сегодня, я уверен, от наглого упоения собой, он влез в ГосДуму с семьюдесятью чадами, слугами и домочадцами, и одновременно ОН ЗНАЕТ! все может полететь к чертовой матери, накрыться, президентство не выгорит из-за проклятого папашки. И Дьявол меня дернул якшаться с этими евреями, пеняет себе он.

Владимир Вольфович знает, что его слабые места именно его отец и "сионистский" период с 1973 года по 89-й. Истинный САМОЗВАНЕЦ, начинает он свою книгу с оправдания имени: "Поэтому я начну с самого начала. Я — Владимир Жириновский. У меня русское имя — Владимир, а отца моего звали Вольф, так было записано в метрике отца, в паспорте. А мама звала его просто Володя, и проще было бы мне зваться Владимиром Владимировичем, но из-за бюрократизма или канцелярщины — не знаю, так или иначе, я — Владимир Вольфович. Я горжусь любым именем, поскольку это имя отца, хотя оно и не очень привычно для русского уха".

* "Последний бросок на юг" (ТОО "Писатель", ИК "Буквица").

Ой, намного проще было бы Владимиру Вольфовичу зваться Владимиром

Владимировичем. Однако, вот я думаю, — у меня отчество Вениаминович. Тоже не совсем обычное. Мне, однако, в голову никогда не придет начать автобиографическую книгу (или любую другую книгу) пассажем о своем отчестве, ибо отец мой — Вениамин Иванович. У него, родившегося в марте 1918 года, всего лишь старомодное имя. И вообще, дабы лишить свои претензии к Жириновскому оттенка антисемитизма (тогда и Барух Гур — антисемит!), заявляю: не отчество Жириновского важно, не национальность его отца, а то, что он — лжет. И заврался. А когда претендент в президенты, собравший только что на выборах в ГосДуму 23% голосов, — врет, это не личное дело Жириновского, — но ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ проблема. Вы же не на пост директора продбазы выдвигаете свою кандидатуру, Владимир Вольфович, там умение обмануть даже необходимо. Владимир Вольфович нервничает все более. Ибо если год назад только Алейник (автор статьи в "Русской мысли") да я атаковали его в самые уязвимые его места, в то время как вся враждебная ему пресса лишь глупо гоготала над ним или неуместно называла его "Гитлером", то сегодня по этим больным местам бьют все центральные газеты мира. Помогая друг другу. "Известия" от 13 января перепечатали сообщение Франс Пресс под названием: "90 ПРОЦЕНТОВ ЧЛЕНОВ МОЕЙ ПАРТИИ — ЕВРЕИ". "Я никогда не скрывал, что мой отец был евреем. Я горжусь своим отцом", — заявил лидер российских ультранационалистов Владимир Жириновский в интервью, опубликованном 11 января в израильской газете "Маарив". Год назад, в беседе с журналистами израильского телевидения, Жириновский говорил прямо противоположное, утверждая, что его погибший в 1946 году отец евреем не был.

"Евреи в России играют особую роль. 90 процентов членов партии Ленина были еврейского происхождения. В моей партии тоже 90 процентов евреев", — сказал Жириновский, который в ходе своей избирательной кампании делал особый упор на необходимость борьбы с сионизмом.

Явно в состоянии наглого упоения давал это интервью Жириновский. С каким вызовом рявкнул он израильской газете (упоение наглое, но осторожное, рявкнул в сторону, не в России!) да, мой папа еврей, и лучшие люди России — евреи, и моя партия на девяносто процентов еврейская, и вот вам, выкусите, положил я на вас!

Почти прибывший (так он думает) к власти (на самом деле он только сейчас выкарабкался в Большую Политику), Жири-

новский уже готов, его прорывает выплеснуть всю свою правду, вынужденно скрываемую: да, я серый ВОЛК, ЕВРЕЙ, и катитесь! И он с упоением вякнет это, зарычав, если придет к власти. Но к власти еще нужно придти. Множество сил не хотят категорически видеть этого человека у власти в России. По разным причинам.

Вот даже Александр Минкин, журналист "Московского комсомольца", в статье "Владимир Вольфович чистый русский, но иногда немножечко еврей" не хочет. И сообщает следующий эпизод, имевший место 14 декабря 1993 г. на пресс-конференции в международном пресс-клубе (гостиница "Славянская") в присутствии 550 журналистов: "...скоро к микрофону пробилась иностранная журналистка, неплохо говорящая по-русски. — Г-н Жириновский, все цитируют ваши слова, что у вас мама — русская, а папа — юрист. Из этого делается вывод, что ваш отец еврей. Как это совместить с вашим антисемитизмом и не пора ли точно ответить на вопрос о вашей национальности? /.../ Жириновский ответил блестяще! — Это газетчики выдумали. Я никогда не говорил: мама русская, а отец — юрист. Просто на одном митинге я отвечал на вопросы. Читаю вопросы: "Кто ваша мама по национальности?" Отвечаю: "Русская". Через некоторое время передают бумажку, читаю: "Кто ваш отец по специальности?" Отвечаю: "Юрист". А что же мне было делать? Представьте, получаю вопрос: кто мой отец по специальности, и отвечаю — русский! Меня бы назвали сумасшедшим! Зал смеялся и аплодировал. Так гениально выкрутиться, — нужен талант. Даже если и соврал — все равно блестяще. Далее Жириновский рассказывал свою родословную, вплоть до прадедов и прабабок. "ВСЕ ЧИСТО РУССКИЕ, НИКАКИХ ПРИМЕСЕЙ". Родители папы, правда, из Польши, но ведь Польша — это не государство, это одна из русских губерний..."

Зал смеялся и аплодировал, и Минкин поощрил Жириновского эпитетом "гениально" — однако ответ этот старый, с бородой, заранее заготовленный. Уже в 1992 году Жириновский использовал его почти на каждом вечере. Его репертуар шуток заготовлен, как у всякого мужчины публичного, так делал Маяковский, так делают все, ибо вопросы зала всегда банальны. Интереснее другое, а именно то что эпизод этот отделяет от интервью, данного израильской газете "Маарив", меньше месяца. Владимир Вольфович нервничает. **Для Израиля он уже еврей, для России — еще нет.** Да и признается ли до президентских выборов? Маловероятно. После выбо-

ров, — уверен, заорет с упоением, если ...за два года, однако, все может случиться с Владимиром Вольфовичем "русским ультранационалистом", как его называют теперь на Западе, вопреки потоку разоблачений. Жульничая с национальностью, втянул Жириновский весь мир в какую-то комедию с переодеваниями, в пьесу Шолом-Алейхема, и в ...русскую Историю, где Самозванцы водились в Смутное время. Какое же оно смутное без Лжедмитрия, то бишь Лжевладимира...

Но пусть Владимиру Вольфовичу будет стыдно перед памятью его отца, меня интересует куда в большей степени другая ложь Жириновского. Нет, дорогой Сергей Николаевич Плеханов, не жил Владимир Вольфович безрадостной сирой жизнью в те годы, с 1973-го и по 90-й, но горячей жизнью и интересной: жизнью активиста сионистского движения. Соврал вам Жириновский, когда сказал, что "подлинное пробуждение своего политического темперамента он датирует началом перестройки". Соврал и когда сказал, что "свое размежевание с политическим курсом официальных реформаторов он относит лишь к концу 1990 — началу 1991 года". Энергии у него было полно, как и сегодня, и он ее применял! А курс его уже в 1970-е и 1980-е гг. разительно отличался и от "реформаторов", и от коммунистов, потому что **это был вообще не русский курс, курс на иную страну и иную нацию, курс на еврейскую культуру, на сионизм как идеологию.**

Слово опять А. Минкину. "И тогда Антисионистский комитет (не афишируя себя) создал еврейское общество "Шолом". "Шолом" открытой связи с ЦК КПСС и КГБ не имел и по замыслу создателей — должен был стать для Запада неподдельным голосом советских евреев. На организационном собрании выступил тов. Жириновский Владимир Вольфович. Разумно и четко откомментировал устав. Внес свою кандидатуру в выборный лист руководства еврейского общества "Шолом". И — в результате голосования — прошел в Совет. Таким образом в 1988 году тов. Жириновский стал членом Совета еврейского общества "Шолом". На мой вопрос, выяснили ли члены общества "Шолом" национальность Жириновского, один из тогдашних руководителей ответил: "Шолом" создавали евреи, создавали еврейское общество. Все члены, все руководство были евреями. Это разумелось само собой. К тому же лицо и акцент Жириновского достаточно характерны".

В статье, ее я уже цитировал, — "Жириновский: штрихи к портрету, которые Владимир Вольфович желал бы заштрихо-

вать" ("Русская мысль" 15 января 93 г.) Лев Алейник не сходится с Минкиным в датах и осторожно не обвиняет "Шалом" (он пишет это слово через А) в связях с КПСС/КГБ. Более того, согласно Алейнику Владимир Вольфович принадлежал к так называемому "Обществу Еврейской Культуры", созданному на базе театра "Шалом". Алейник знает гораздо больше и дает множество деталей об энергичном Жириновском. Цитирую, почти полностью последнюю часть статьи, подзаголовок: "Еврейский активист Жириновский": "Итак, наконец-то после многих созваниваний, просьб и оттяжек, назначенное учредительное собрание Общества Еврейской Культуры (ОЕК) состоялось. Проводили его с далеко идущими намерениями. Да и пришли в "Шалом" в тот день многие испытанные борцы невидимого фронта — Еврейской культурной ассоциации, что работала уже несколько лет: из нее вышло немало функционеров нынешнего ВААДа — Конференции еврейских организаций и общин страны. /.../ Прошли выборы верхушки новоиспекаемой организации, причем вполне демократично, и малознакомые между собой **соплеменники** стали голосовать по мере своего разумения и в соответствии с духом времени. Вот и навыбирали, будто в Ноевом ковчеге, всякой твари по паре: члена ЦК КПСС, главного еврея Еврейской автономной области — ее первого секретаря Льва Шапиро и подпольщика-отказника Юлия Кошаровского, сотрудников единственного тогда на всю страну загибающегося журнальчика на идиш "Советиш Геймланд" и университетских ученых, писателей, психологов, а к ним и ловцов душ человеческих из все тех же органов. Поразившей многих активностью отличался на этом первом учредительном собрании человек, неизвестно откуда взявшийся, — Жириновский. Был он благополучно **избран за свое искрометное красноречие и обличение того-то и тех-то, утеснявших их, его коллег и товарищей по еврейскому движению, в условиях жестокого тоталитаризма.** Стали распределять должности новоизбранным, и тут Владимир Вольфович вновь исхитрился проявить свою недюжинную оборотистость. Он активно застолбил за собой руководство сразу несколькими секциями. В частности: а) гуманитарно-правовой; б) философско-религиозной; в) исторической; г) внешних экономических связей. Многие, и посегодня активно работающие в "ВААДе", действительно являются активистами еврейского движения, кто получше, кто похуже, а все же помнят тогдашнего Владимира Вольфовича."

Владимир Жириновский всегда был энергичен. "Уже на 4-м

курсе Жириновский, 22-летний провинциал — член профсоюзного комитета, секретарь бюро ВЛКСМ всего института. Вот это карьера!" — восхищается Алейник. По мнению Алейника, конец карьере Жириновского положил несчастливый случай. В 1969 году он был направлен в Турцию переводчиком на строительство Искендерунского металлургического комбината. Там он "**был арестован и просидел в турецком каземате целые сутки.** А затем, после вмешательства советского посла и под валютный залог, был выдворен за пределы страны". С Алейником соглашается и Александр Янов, в обширной статье-исследовании "ФЕНОМЕН ЖИРИНОВСКОГО" ("Время и Мы", нр. 42 за 92 год) он пишет: "... и **ему даже пришлось посидеть в турецкой тюрьме. Карьера его, разумеется, была на этом закончена. Он еще пытался как-то барахтаться, поступил на работу в Комитет защиты мира, окончил вечернее отделение юридического факультета МГУ. Но все это никуда не вело. Прорыв в политику не состоялся.** А без политики "тусклая бескрылая жизнь тянулась десятилетиями".

Ан нет, оказывается. Не смирился Владимир Вольфович. Он только по иной дорожке пошел. Была у него тайная жизнь сиониста. "Первая его политическая амбиция — стать в 1989-м выборным директором издательства "Мир", где он служил, потерпела сокрушительное поражение. Среди людей, которые его хорошо знали, он набрал /.../ — 5 процентов голосов, намного меньше, нежели на президентских выборах в России", — важно декларирует профессор Янов. Да нет же, профессор!

Вот как мне представляется в нескольких словах история жизни Жириновского. Молодой, талантливый, энергичный, приезжает Владимир Вольфович в Москву из провинциальной Алма-Аты. Поступает в 1964 г. в Институт Восточных языков. Силы и энергия прут из него, он и в профкоме, и секретарь бюро ВЛКСМ. Его посылают на практику в Турцию. Там, на металлургическом комбинате он впервые проявляет ту сторону своей натуры, каковая и сегодня является его важнейшим недостатком: он пересаливает, перегибает, делает слишком, ОЧЕНЬ СЛИШКОМ. Он (желая заслужить поощрение кого?) занимается среди рабочих коммунистической пропагандой. Об этом свидетельствует стамбульская газета "Миллиет", освещавшая обстоятельства дела Жириновского. Турецкая история, сутки, проведенные в турецкой тюрьме, ломают начавшуюся блистательно советскую легальную, внешнюю карьеру Жириновского. Он не сразу понимает, что произошло, однако

поняв, начинает иную карьеру, в еврейском движении, подпольную. Энергичный, он просто не мог сидеть себе чиновником! Подпольную до того самого дня, когда можно было легально придти на одно открытое собрание с Львом Шапиро и Юлием Кошаровским. Именно поэтому ненавидит сегодня Владимир Вольфович лютой ненавистью турок, они сломали ему жизнь в свое время: "С миром ничего не случится, если даже вся турецкая нация погибнет" стр. 130, "Броска на юг". "Турки принесли столько же зла человечеству, как и немцы. Но над немцами был суд /.../, а турки никем не наказаны." — страница 131. "Ошибка Сталина в том, что он не наказал Турцию по итогам Второй Мировой войны. Турцию следовало наказать..." — 134. Лишь один из антитурецких поливов в книге Жириновского длится со 128 до 136 страниц. Все это месть за один день тюрьмы. За то что пришлось пойти в сионистское движение, которое обещало меньше, возможностей в нем было меньше. Плюс можно было загудеть в тюрьму. А особой храбростью Владимир Вольфович не отличается. Заметьте, что никогда не посетил он никакую горячую точку, хотя лидеры оппозиции делали это и честно, и в целях саморекламы. Он, знающий механизмы паблисити. Лишь сфотографировался в бронежилете в комнате на Рыбниковом переулке. (Только что он съездил в Сербию, расхрабрился где его как председателя Парламентской фракции возили наверняка в любимом им бронежилете в блиндированном бронетранспортере, за множество километров от фронта.) Не только для солидности таскает он повсюду за собой Владимира Михайловича, "бывшего телохранителя Брежнева и Кармаля", но и из очень большой осторожности, называемой трусостью. В то время как не менее известные чем он лидеры оппозиции — Алкснис, Проханов, Анпилов, Макашов спокойно передвигались в метро, Жириновский — только в машине и только с телохранителем. "Такой же как вы" Жириновский не спускался, по его собственному признанию, в метро многие годы.

"Таким образом, он никогда не опережал свое время", продолжает Плеханов, пытаясь объяснить своего героя, — в тюрьмах не сидел, в диссидентском движении не участвовал, не писал в "стол", как и огромная масса людей его круга, он привычно брюзжал на очевидные глупости советской системы, рассказывал анекдоты, похваливал загнивающий. Не он создавал нынешнюю ситуацию, а она создала его как политика."

Талантливый, энергичный, но не храбрый, Владимир Вольфович трусил рисковать, как делали это камикадзе еврейского движения, и потому закономерно не стал лидером в условиях, когда храбрость значила куда больше, чем талант и энергия. Но когда, как мы видим, в легальных условиях он расхрабрился и вышел на сцену театра "Шалом" (и политического еврейского театра), он их сразу всех потеснил, стал лидером четырех сразу секций. Однако поздно пришел. Все главные должности были разобраны теми, кто похрабрее. И тут... ведь уже перестали сажать за политику, не храбрый, но талантливый, трусливый Владимир Вольфович стал заглядываться на куда большую сцену — РУССКУЮ.

СМОТРИНЫ

Тот недоеденный им бутерброд с салом, я, странным образом, четко помню его, долго лежал на кухне, засыхая. И так как я использовал квартиру на улице Герцена для деловых свиданий, каждые два часа кто-нибудь приходил, я обязательно демонстрировал его гостям: одним — чтобы попугать, другим — чтобы удивить. "Вот, Жириновский недоел!" Я по природе своей хулиган, потому с удовольствием его, надкушенный этот, неестественный, признаюсь, показывал девочке из демократической газеты. "Вот Жириновского бутерброд... А сидел он вот тут". Гости морщились.

Дело прошлое, признаюсь, я и сало это подсунул, заставив Архипова порезать, — сало было мое, Архипов колбасу принес; все это тоже из хулиганства, из озорства скорее. Будет Жириновский есть или нет? Он пожевал. Теперь я знаю, что он и не то способен съесть. На следующее утро я улетел в Красноярск. Вернулся я утром первого марта, так как в этот день должен был состояться мой творческий вечер в Центральном Доме литераторов. Накануне разговаривая с Архиповым, я случайно упомянул о вечере. Мои близкие знают, что я трезво равнодушен к юбилеям и прочим пышностям, включая свои дни рождения, так что я на этот вечер никого не приглашал, билеты были платные, выручка шла ЦДЛу. Архипов перезвонил и спросил, может ли туда придти Жириновский. Я сказал, что конечно может, я буду рад, только я должен узнать "механизм" прохода. Узнал, сообщил Архипову по телефону. То есть, если у меня было любопытство по отношению к Жириновскому, то у него было

любопытство по отношению ко мне. Вечер вела неизвестно почему-то женщина мне совершенно неизвестная, позднее оказалось, что это дочь (не всеми признаваемая) **Александра Галича***. Ее, по моему полному равнодушию к происходящему, пригласил мой издатель, директор "Глагола" Александр Николаевич Шаталов. Я Шаталову доверял, и когда он сказал, что будет ведущая Алена, я не возражал. В вечере участвовали и на сцене сидели и редактор газеты **"Советская Россия"**** Валентин Чикин, и заместитель редактора газеты **"День"***** Владимир Бондаренко. В "Советской России" я печатал свои статьи с января 1991 года, с того времени, как после публикации моей статьи о НАШИХ — "Размышления у пушки" 2 ноября 90 г. закончилась моя недолгая журналистская карьера в "Известиях".

* Известный поэт—диссидент, певец. Умер в эмиграции, во Франции.

** Розовая, коммунистическо-патриотическая газета.

*** Национал-патриотический еженедельник.

На сцене происходило действо: говорили обо мне, то умно, то не очень умно, то так, что у меня в глазах щипало: непривычно-сентиментально, по-русски близко, позже мне задавали вопросы, однако основное действо было залу невидимо, а если видимо, то непонятно. Сидел с неизменным Владимиром Михайловичем, телохранителем своим в зале Владимир Вольфович, слушая, присматриваясь и оценивая, что я говорю и как говорю. За кулисами, видимый мне с моего места отлично, сидел Геннадий Андреевич Зюганов, председатель коммунистической партии. Он пришел за кулисы за добрых полчаса до начала вечера и был представлен мне Валентином Чикиным. То есть если зрители, заплатившие за билеты, посылали умные и дружелюбные или же подкалывающие и враждебные и даже угрожающие записки мне, то одновременно совершалась куда

более важная церемония СМОТРИН, то есть меня пришли поглядеть "в деле", "в работе", оценить мое умение общаться с толпой и определить, на что я гожусь, два Председателя Партий. Сегодня, в феврале 1994 года, ясно, что это оказались очень умелые председатели очень неслабых организаций. Между тем, ни того, ни другого я не приглашал. Я был доволен, что они пришли, но повторяю: я их не приглашал. Я довольно легко отбивался от зала, атаковал, но там была разномастная публика... Я забыл упомянуть, что в зале находился еще один Председатель партии сексуальных меньшинств, и какое-то количество членов этой партии, так я полагаю, потому что записочки на всяких цветных бумажках вновь и вновь повторяли каверзные, как казалось, очевидно, отправителям, вопросы.

Нестандартная эта публика вносила нервозность, если не в меня, то в работу Шаталова и Бондаренко, которые зачитывали мне записки. Вот как комментировали тот вечер газеты. "Литературная Газета" от 18 марта: "В Большом зале ЦДЛ состоялся авторский вечер писателя и публициста Эдуарда Лимонова /.../ Вечер вели главный редактор газеты "Советская Россия" В. В. Чикин и замредактора газеты "День" В. Бондаренко. Обсуждались: нерушимость границ СССР и военная тема, заговор демократов и еврейский вопрос. О литературе говорилось мало. Подлинным украшением встречи оказалось присутствие в зале Владимира Жириновского, а также появление на сцене громадного цэдэзловского рыжего кота, расцененное участниками встречи как "провокация левых".

Газета "Литературные новости" нр. 3 сообщила, что Владимир Бондаренко сказал: "Лимонов — наш автор, автор газеты "День", а не журнала "Знамя", туда он попал случайно" — вот резюме его выступления. Затем главный редактор "Советской России" В. Чикин рассказал, как Лимонов помог ему избавиться от комплекса партийности. "Я впервые почувствовал себя беспартийным... Мы поняли, что очень нужны друг другу". Столь трогательное братание тяжеловесной коммунистической номенклатуры с изящным "Эдичкой", бывшим диссидентом вызвало со стороны собравшихся немало иронических вопросов. Лимонов был подготовлен к ним: "Я лучше себя чувствую, когда мне говорят злые слова". Однако большинство не злилось, а потешалось.

— Не агент ли вы КГБ?

— В 92-м я горд этим званием.

— Куда поведете вы нас, верный ленинец Лимонов?

— На Запад. Мы там были в 45-м.

— А если большевики возьмут власть, войдете ли вы в эстеблишмент?

— Сейчас говорят о красно-коричневом альянсе. Если он придет к власти, то, может, и мне что-нибудь перепадет.

— Вступили ли вы в партию Жириновского?

— Пока еще нет.

Вопрос был не случаен. В зале по приглашению Лимонова присутствовал Владимир Вольфович, осквернив ЦДЛ своим присутствием, и щедро раздавал автографы прямо на романе "Это я — Эдичка!" — за неимением собственных книг.

— Вы уезжали в семидесятых годах от коммунистических жлобов. Нельзя же теперь их лобзать!

— Иногда приходится закрывать глаза на какие-то слабости...

— Патриотические газеты сочетают трогательную любовь к вам с гонениями на секс, рок и прочее.

Тут остроумный Лимонов не нашелся что ответить и пустился в пространные рассуждения о роке.

На протяжении всей встречи не покидало ощущение, что Лимонов всех дурачит, создавая вокруг себя шумиху. На полном серьезе его воспринимают только "патриоты."

Это враждебное и глупое описание моего вечера, но что возьмешь с недалеких людей.

Хочется сказать, что на полном серьезе меня воспринимали самые крупные люди России, и я воспринимал на полном серьезе крупных людей, не обращая ни малейшего внимания на репутации этих людей в прессе, на телевидении, у общественного мнения, патриотического тоже. Я раньше других заметил талантливых новых политиков, я в них верил, лидеры, на которых я поставил, не ушли с политической сцены, но, напротив, вышли на авансцену. В политических прогнозах я не ошибся ни в середине восьмидесятых, не ошибаюсь и сейчас. 13 ноября 93 г. "Комсомольская правда" опубликовала (под не соответствующим сути опроса заголовком "Кто за Кого") результаты опроса. Из сорока опрошенных (среди них такие персоны, как Егор Яковлев, Владимир Буковский, Александр Солженицын, Сергей Бабурин) я единственный назвал первым политиком Жириновского, оговорившись, что речь идет о чистом политическом таланте, без учета моей симпатии, антипатии или морали. Предложено было назвать десять имен, я назвал семь. Все названные мной являются сегодня главами парламентских фракций. Вот они: Жириновский, Бабурин, Зюганов, Травкин, Вольский, Явлинский, Гайдар. Из опрошенных помимо

меня назвали Жириновского только Бабурин (десятым по значению) и колдун Юрий Лонго, у этого Жириновский на седьмом месте. Так что пока они иронизировали в своих газетах, я прекрасно понимал, кто есть кто.

Мартовские же смотрины закончились без скандала. Мне пришлось лишь некоторое время выждать, пока рассосется толпа у входа, где Владимир Вольфович создал пробку, подписывая мою книгу. Я хотел спать. Сон — единственный люкс в моей жизни, от которого я не в силах отказаться. Мои восемь часов — отдай мне, вынь да положь.

Потом была подготовка к чрезвычайному съезду Парламента СССР, снежные холодные солнечные дни марта. 16-го рано утром мы собрались все в комнате Сажи Умалатовой, в гостинице "Москва", потом сменили помещение, спустились вниз. Уже в другой, более обширный номер другого депутата. Они еще держались там в своих номерах, депутаты несуществующего уже Совета, разогнанные Президентом и их сотоварищами депутатами ВС России, которых, в свою очередь, — и как кроваво — разогнал Президент. (Но кто мог знать тогда об этом? Никто. Руцкой грозил депутатам СССР пятнадцатью годами тюрьмы, Хасбулатов пригрозил десятью.)

В предыдущих главах я уже писал об этих днях, о том, какое глубокое разочарование (первое, кстати сказать) я пережил 17 марта. Разочарование в моих новых сотоварищах, по крайней мере, в части депутатов. Проявленная съездом робость, умеренность послужили еще одной причиной, почему впоследствии я отшатнулся от парламентариев, даже от симпатичного мне Бабурина (депутата ВС РОССИИ), и явно предпочел еще сильнее облюбованных уже мною за темперамент и энергию Анпилова и Жириновского.

Но те морозные солнечные два дня в марте и многое дали мне. Я познакомился 16-го марта с генерал-майором Макашовым и с тех пор храню к нему теплое чувство. Макашов пришел туда, в депутатскую комнату, сел рядом со мной на кровать (мы все сидели на кроватях) и глухо ворчал, понимая, куда все это поворачивается. Депутат Голик, бывший советник Горбачева по правоохранительным органам, кругленький и похожий чем-то на самого Горбачева, стал зачитывать подготовленные для съезда резолюции. Требование отставки президента, резолюция о референдуме, о Вооруженных силах. Стало скушно. Депутаты задвигались, выходили курить в ванную, там стояли присланные каким-то сочувствующим директором молокозавода два ящика с молоком и кефиром в бумажных пакетах. Депутат Крайко с

вызовом сказал, что он да, осудил ГКЧП в августе. Депутаты Самарин и Кириллов, оказалось (это для меня, новичка), из демократической "Межрегиональной группы"! Наконец прокурор Илюхин сказал то, что уже минут пятнадцать хотел сказать я: "Если вы родите пустые бумаги, народ вам больше не поверит. Вы что, хотите с ними играть в законность? Они вас объявляют вне закона, грозят сроком, а вы — в законность? Те методы, которыми вы работали, уже недейственны!"

"Нужно принимать такие решения, на которые могло бы сослаться будущее патриотическое правительство, которое мы образуем", — сказал Макашов.

"Нас всех посадят, если образуем, и будут правы!" — взорвался Крайко.

Мы вышли с Альбертом Михайловичем Макашовым и прошлись по вестибюлю. Он сказал мне, что читал многие мои статьи. "Времени у командующего военным округом мало, но читал. Адъютант мой, подполковник, обыкновенно прочитывал прессу и у тех статей, которые считал нужным, чтоб я прочел, ставил по важности одну, две или три птички. Ваши статьи шли всегда с тремя. Так что я их все читал". Никакой Гумилев, наверное, не испытывал подобного удовлетворения от пожатия руки человека, застрелившего императорского посла, подобного тому, которое испытал я там, в вестибюле гостиницы "Москва". Макашов был для меня человек-легенда. Он попал в мое поле зрения еще в 1988 году, когда, будучи военным комендантом Еревана, арестовал семь из одиннадцати членов "Комитета Карабаха", армянской организации, ратовавшей за присоединение Нагорно-Карабахской автономной области к Армении. Если бы ему тогда дали завершить начатое, можно было в зародыше уничтожить войну, вот уже много лет раздирающую и разоряющую и армян, и азербайджанцев. Но уже в январе 1989 года слишком храброго и решительного генерала убирают из Закавказья. Он становится командующим войсками Приуральского военного округа.... Эпизоды этих двух лет, когда мы встречались, не исчезают из моей памяти. Грубоватый, якобы, военный, он не был таким со своими. Последний раз мы виделись у здания Останкинской телебашни в ночь штурма.

Однако книга эта о Жириновском, вернусь к нему.

17 марта в вестибюле в 8 утра, вскарабкавшись на алюминиевую лестницу, заимствованную у фотографа, полковник Алкснис объявил, что депутатов ждут за церковью Василия Блаженного автобусы, что их пыталось блокировать правительство.

(Но ничего не получилось.) По ясному солнцу пошел я с Алкснисом и майором Ващенко через Красную площадь. Меня посадили в автобус для депутатов. Когда я, оправдываясь, заявил что я не депутат все же, меня ободрил Ващенко: "Вы наш Эдик!" Алкснис сказал, что "вы больше, чем депутат!", а идущий с нами небольшого роста милиционер из Тюмени прокомментировал: "Тех, кто занимает не свои места, выставим, а тебя поставим!"

Если меня любили НАШИ, то Жириновского — корреспонденты. Сидя в автобусе, я наблюдал, как две небольших толпы собрались: одна вокруг Алксниса, и своя вокруг Жириновского. Выходить из автобуса, целая история, даже у своих депутатов, охрана проверяла множество раз документы, потому я не пошел к Жириновскому, остался, дабы не потерять средство транспорта.

Жириновский, как всегда, — был пария. Его не приглашали, не звали. И так как место съезда держалось в секрете, никто не знал, куда мы поедем, то в конце концов Жириновский вместе с большей частью журналистов остался за бортом происшествия. Мерзнул где-то с ними, в городке, кажется, Павловский Посад, который еще вчера был объявлен как место съезда. Туда же, к нашему удовольствию, уехал и ОМОН. Мы же без особых происшествий в 12 часов десять минут прибыли в городок Вороново, где в местном Доме культуры и состоялся съезд. Закончившийся, к моему разочарованию, ничем. Бедный Владимир Вольфович! Причин для бойкота, которому его подвергали, без сомнения, было множество. Вспомним прежде всего, что сказал "один из тогдашних руководителей" (ВААДа) журналисту Минкину: "К тому же лицо и акцент Жириновского достаточно характерны". Помимо лица и акцента (Жириновский не говорил этого тогда впрямую), но, глядя на него, они понимали, что вот человек, "умеющий торговать". (Повторяю его, Жириновского, фразу на стр. 140 "Броска на юг" НЕ УМЕЮТ ТОРГОВАТЬ НИ СТАВРОПОЛЬСКИЙ МЕДВЕДЬ, НИ УРАЛЬСКИЙ.)

Вечером на Манежной площади состоялось Всенародное Вече, я уже говорил, что выступал на нем (на моем выступлении настоял тогда Зюганов!) и приводил грустный комментарий Архипова в "Соколе". "Вечерняя Москва" от 18 марта писала тогда: **"Устроители не пустили на митинг Жириновского, вытолкали его взашей, и тот быстренько соорудил себе трибунку несколько поодаль"**. Недоброжелательство коммунопатриотов к Жириновскому выглядит еще и как неблаго-

дарность, если (я не обладаю точными сведениями на этот счет) принять за чистую монету утверждение того же Архипова, что за "трибуну" — два сцепленных вместе автобуса с платформой на них, за "броневичок" заплатил Жириновский.

Там, на той платформе, познакомился я с сияющим новой кожаной курткой **Александром Невзоровым***. Представил нас Алкснис. Только что входящий в круг лидеров, я уже заметил, что неприкрытое соперничество существует между этими боярами оппозиции. Соперничество известности. Хвастливые и тщеславные как малые дети, даже на платформе они старались выпендриться, шла борьба за первый ряд, у борта трибуны, обращенной к зрителям. Я пришел к ним очень известным человеком в другой области, из литературы и журналистики, восемнадцать лет прожил за границей, они не понимали меня, думаю, долгое время, и как экзотическую птицу исключали первое время из соревнования. Там, на трибуне, Невзоров обвел меня с головы до пят взглядом (на мне была пролетарская албанская кепка, купленная в Черногории, таких уже не выпускают, матросский бушлат с пуговицами с якорями, сапоги). "А, прославленный Лимонов! Что ж вы так бедненько одеты, парижский писатель!" "Замаскировался, — ответил я, а вы одеты, как успешно ворующий цыган". Не мог же я ему объяснять, что в жирных странах у людей вырабатывается презрение к слишком новой одежде, и он действительно выглядит если не как цыган, то как купивший себе самую блестящую кожаную куртку приехавший на заработки в Германию чернорабочий поляк. В бесцеремонном замечании Невзорова на мой счет звучала ревность. Он даже не скрывал ее. Зато во всех встре-

* Известный тележурналист, ведущий передачи "600 секунд". Был до января 1991 г. "коклюшем" демократических дамочек. Сняв фильм о событиях в Литве, перешел на патриотические позиции.

чах с Анпиловым он всегда показывал себя честным, радушным, открытым ко мне человеком. Мы друг другу симпатизировали. Надеюсь, что в камере Лефортовской тюрьмы будет ему чуть теплее.

Короче, меня тянуло к лидерам-героям и активным людям. Болтуны и трескучие ораторы меня не привлекали. По причине того, что тщеславие мое было удовлетворено писательской славой, я жил в их кругу с большей свободой, чем жили они. Я очень долго не видел в них соперников и потому честно был им братом и другом. Позднее я обнаружил, что часть из них уже тогда не была мне ни братьями, ни друзьями.

КАБИНЕТ

30 марта 1992 года произошла чудовищная трагедия в моей личной жизни: нападение, варварское и кровавое, на мою жену в Париже. Я оказался вынужденно привязан к беспомощной Наташе. Помимо шести ударов отверткой в лицо, один прошел в миллиметре от височной артерии, выжила она чудом, у нее была сломана в двух местах рука. В госпитале Бога ей вставили металлическую пластинку в кость, однако кость не срослась, пришлось позднее делать вторую операцию, на сей раз ей пересадили часть кости из бедра. Все мои планы оказались скомканы, я был выбит на некоторое время из борьбы. В апреле в Париж приезжал Алкснис, и я поместил его в пустой квартире **Жан-Эдерн Аллиера***. Вся борьба.

* Директор и главный редактор газеты "Идио Интернасьональ". Я член ее редколлегии.

В мае со мной связались люди из ЛДП. "Владимир Вольфович формирует теневой кабинет и хочет предложить вам пост". Через несколько дней позвонил Архипов и повторил предложение: "Хотите, Эдуард Вениаминович, стать министром культуры?" Я сказал, что чем меньше пасут культуру сверху, тем лучше для культуры. Нет, подобный пост меня не интересует. "Тогда скажите, что вас интересует?" Подумав, я сказал, что меня интересует пост чекистский. Отец мой служил в НКВД, родился я в городе Дзержинске, поэтому. Архипов сказал, что они обсудят там все с Владимиром Вольфовичем. Они обсудили, и мой пост был утвержден. На 22 июня по адресу Суворовский бульвар, 4, назначена была пресс-конференция нового кабинета. Как я к этому относился? Не следует забывать, что я прожил за границей восем-

надцать лет, и потому был отлично осведомлен об английской традиции создания оппозиционной партией теневого кабинета, считал эту традицию интересной, — дающей возможность конкретным членам оппозиционной партии критиковать квалифицированно конкретную политику конкретных министров и одновременно натаскиваться на будущее. Когда партия придет к власти, у нее будет костяк министерских структур, несколько профессионалов в соответствующих областях. Ничего достойного насмешки я в создании подобного организма в России не видел.

Ну конечно, мне хотелось войти в политику. К лету 92 года я уже знал, на что способна оппозиция Ельцину и ее лидеры, видел многие недостатки оппозиции, ее эмоциональную хаотичность, и понимал, что, сколько не давай я советов в статьях в "Советской России", советов, что делать и как делать, эти советы будут ложно истолкованы, неверно применены, короче, будут допущены ошибки. (Моя статья "Наши Ошибки" появилась в "Советской России" 16 мая 1992 года.) Лучше делать политику самому. Ни патриоты, ни коммунисты не предлагали мне ничего. Более того, я заметил, что, используя мои идеи (я начал обнаруживать свои слова, мысли, идиомы в газетных статьях, выступлениях и политике лидеров), оппозиция вовсе не спешит брать меня в свои. Никто никогда не предложил мне ни войти в состав редколлегий оппозиционных газет, ни в состав патриотических организаций. Они созывали свои "Вече", "Конгрессы", "Соборы", а меня как и не существовало. Между тем, когда я приходил на их Соборы-Вече-Конгрессы, — это ко мне бросалась толпа в первую очередь, и в таком количестве, что они могли только завидовать. Очевидно, они и завидовали.

Разумеется, и Жириновский, и Анпилов начали много раньшея, чем я. Меня еще в СССР не пускали, а у Жириновского уже была своя партия, а у Анпилова уже была его "Трудовая Россия". Однако тогда, в 1992 году, я стал замечать, что, как и эти двое: Анпилов и Жириновский, я в конечном счете чужой для оппозиционного эстаблишмента. О да, они все БОЯРЕ оппозиции шли, лезли на трибуну к Анпилову, потому что он единственный обладал БАЗОЙ — народными организациями на местах, мог в считанные дни и даже часы вывести массы на улицу. Но Анпилов тоже был изгой, не свой, его уже тогда тихо, но настойчиво стали выжимать из организаций оппозиции, героический Анпилов был слишком для них. О да, они с удовольствием печатали мои статьи, употребляя их для верчения жерновов их мельницы, мое соучастие в их газетах заставило

задуматься и сменить лагерь многие сотни тысяч, если не миллионы, не очень понимающих, что происходит, ИЗБИРАТЕЛЕЙ, я приносил им пользу, но они меня не брали. Как Жириновский и Анпилов, я был не свой. По-другому, но НЕ СВОЙ.

Тут я позволю себе короткое, но нужное отступление... Избирателю, к сожалению, неведомы закулисы политики. Он в них не ходок, его туда не пускают. А жаль, потому что будущее существовало уже в прошлом, и только пряталось, невыросшее, в этих самых закулисах, но там его можно было увидеть уже в начале 92 года. Все тогдашние противоречия уже существовали, хотя возраст оппозиции был совсем еще нежный, если считать от демонстрации, ведомой Анпиловым на Красной площади 7 ноября 1991 года. Уже в начале 92-го выживал умеренно-розовый Зюганов ярко-красного героического Анпилова с заседаний "приличной" оппозиции. Уже тогда оборотистый Владимир Вольфович, умеющий торговать, получал первые деньги от сочувствующих бизнесменов — мальчиков-банкирчиков в цветных пиджаках, от тех, кого ельцинисты обделили при разделе жирного пирога — России. О том, что часть русских бизнесменов обделена, узнал я еще 24 февраля 92-го от пришедшего ко мне вместе с Жириновским пухлого и белесого молодого "предпринимателя".

Я прилетел в Москву в начале июня и тотчас окунулся с головой в ту стихию, которую не по своей воле покинул: в стихию митингов, демонстраций и политической борьбы. Пламенный Анпилов поднял тогда оппозицию на борьбу против телевидения, этой "Империи лжи". 17-го июня в 18 часов в Хлебном переулке, дом 14, в подвальном переоборудованном под офис помещении (оно принадлежало тому самому белесому бизнесмену, что приходил ко мне с Жириновским зимой) состоялось первое заседание теневого кабинета. Присутствовали, помимо уже знакомых мне хорошо Архипова и Жарикова: министр иностранных дел Алексей Митрофанов, пухленький, черноглазый, восточного вида молодой человек, связанный странными родственными узами одновременно с семействами Андропова и Брежнева и одиноко живущий почему-то в огромной бывшей даче Мураховского на Николиной Горе. Неизвестно за какие заслуги живущий. Личность эта во многих смыслах занятная, к ней я еще вернусь. Другое новое лицо: Юрий Бузов — министр внешней торговли, владелец "Вольвы" и газового пистолета, веселый, молодой, плейбойского типа, гуляка и любитель снять "телок" (так на жаргоне называет он сам опре-

деленную категорию девушек). В характере Владимира Вольфовича, подумал я тогда, одновременно присутствует нечто и от шумного Бузова, и от интригана Митрофанова, но ничего в его характере нет от Жарикова или Архипова. А вот их идеи он использует. Что бы это значило? Присутствовал еще человек по фамилии Болдырев, казак, как он себя отрекомендовал, мне он сказал, что хотел бы со мною встретиться и поговорить, и вручил мне свою визитную карточку, даже две. Болдырев (намного старше всех собравшихся) не решил, присоединиться ему к кабинету или нет. На следующее заседание он не явился. Был еще Александр Курский, — седые усы и борода, человек положительный, неглупый, зав. отделом какого-то НИИ, министр минерально-сырьевых ресурсов, а еще, он продает с рук национально-патриотические издания. (У него зычный голос.) Мы пили пиво, сидя вокруг длинного стола, составленного из двух, и обсуждали распределение постов. Было жарко и сыро. Сам Жириновский не явился, да, кажется, и не должен был появиться, во всяком случае в моем блокноте того времени, в записи о заседании этом Жириновский не присутствует. Кончилось первое заседание славного кабинета около девяти часов. Помню, что, уходя, мы тщательно собрали бутылки. Митрофанова ожидал почему-то японского производства микроавтобус с шофером. Стоя у серебристой "Вольвы" Бузова, Жариков, стесняясь, продал мне большого формата рок-фолиант, где он назван был человеком года. Я купил книгу для жены. Затем мы поехали к Бузову домой, все, включая министра Митрофанова. Дома у Бузова оказалась симпатичная девочка Таня, красивая и тоненькая, такого типа были подружки у моей жены Лены, году в 1972 то есть двадцать лет назад, помню, подумал я.

Мы пили виски и водку, бегала, облизывая тарелки, собака, играла музыка. "Споры о методах борьбы" — записано у меня в блокноте. "Дома" (я тогда остановился у Бондаренко) я был в 23.40. Помню, что, когда мы вышли от "министра внешней торговли", "министр информации" Архипов сорвал и дал мне, "министру внутренних дел", ветку крепко пахнущей черемухи. Архипов в те времена был повернут ко мне только одной стороной: он виделся мне полезным, исполнительным, дружелюбным и заботливым парнем. Впоследствии он проявил себя и как йстерик, и сплетник, но, что ж, кто без греха — пусть бросит в него камень. Впоследствии Архипов и Жариков будут восстанавливать меня против своих же бывших друзей, Митрофанов станет у них "евреем", а Бузов, доселе имевший лишь

армянскую кровь в жилах, вдруг получит еще и еврейскую от Архипова, но это позже, а тогда все они довольные разъехались.

Первое заседание не оставило во мне никаких особенных чувств, я просто отдохнул с приятелями. На следующий день, политика выдалась более крутая и народная. Опоздав, я приехал с двумя ребятами из "Дня" в Останкино. Когда шли сквозь толпу, множество людей, узнавая меня, меня приветствовали. Анпилов хрипло говорил в мегафон с грузовика. "Мы все попаримся, оденем чистые рубашечки, и выйдем в этот день как следует русскому человеку..." Это он вел речь о 22-ом июня, о том, как следует приготовиться. Завидев меня, мне подали руки с грузовика. Взлетел вверх. Грузовик внутри был весь оцинкованный, очевидно, раньше в нем возили мясо. Оглянулся вокруг: рядом генерал Титов, Проханов, Бондаренко, Зюганов... Мне дали слово после молодого капитана. Теперь это мой друг Владислав Шурыгин. Тогда он стоял в форме и объяснял мне, что на него произвел впечатление мой роман. Проханов, это он вел митинг, объявил меня, как конферансье объявляет заезжую звезду. Народ яростно зааплодировал и зашелся воплями. Говорил я яростно. Что говорил, ей-Богу, не помню. (Я не всегда говорю хорошо, но тогда выступил на все сто.) Внизу, под знаменами и между знамен колыхались, кричали в восторге всеобщего объединения лица моего народа. Рядом, похлопывая дубинками по рукам, разминалось оцепление милиции и ОМОНа. Позднее Проханов, я, Зюганов, подошедший Алкснис, Бондаренко и девушка, дочь "патриотки" Риммы Алексеевны, отправились все в одной машине, девушка Аня сидела на коленях у меня и Зюганова, отправились мы на юго-запад Москвы, на ужин к Римме Алексеевне. Семья более чем странная, сводные дети. Римма Алексеевна, "патриотка", живет с корреспондентом французской газеты "Журналь де Диманш" Жан-Мари Вадро. Или он с ней живет, я так никогда и не выяснил. Аня, ей семнадцать лет, — член партии Жириновского. Ели, о, роскошь: огромного осетра, приготовленного Риммой Алексеевной. Осетр был прислан откуда-то из Сибири. Прервав ужин, пошли смотреть в гостиную "600 секунд" Невзорова. Невзоров интервьюировал генерала Стерлигова, называя его национального масштаба лидером, тем самым, которого оппозиция искала и якобы нашла. На меня Стерлигов произвел неприятное впечатление, о чем я и сообщил вначале Алкснису, а потом всем присутствующим. В отличие от товарищей по оппозиции, помню, подумал я тогда, я не умею забывать. Еще

в августе 91 года Стерлигов был на той стороне, участвовал в аресте ГКЧП, и нате — ныне он лидер оппозиции. Невзоров или легкомысленный человек, или увлекающийся человек, или Стерлигов ему подарил съемочную аппаратуру. Зюганов вдумчиво вглядывался в экран и позднее выпытывал нас всех, что мы думаем. Они все думали менее резко, чем я.

В день второго заседания теневого кабинета, там же, в Хлебном переулке, грянула война в Приднестровье. Коварно навалившись на город Бендеры, кишиневские войска захватили часть города. На фоне этих трагических событий ЛДП, министры и сам Жириновский (он явился, как всегда, с массивным Владимиром Михайловичем), а особенно его заместитель, второй человек в партии — зам. председателя ЛДП Станислав Жебровский, страшно раздражали меня в тот день. Несколько раз появлялось желание встать и уйти. Во время заседания была оглашена Жебровским плохая и глупая экономическая программа правительства, ее он собирался огласить на пресс-конференции. Жириновский с невозмутимым лицом слушал скушный текст, и я впервые подумал о том, что он хорошо тренирован. Его собственные поливы не имели ничего общего с текстом Жебровского, они были прямо противоположны. Однако тогда я впервые понял его метод: он предпочитал давать все сигналы сразу, дабы приманить избирателя. Потому какому-то количеству избирателей, таких же скушных, как Жебровский — ничем не примечательное помимо знания французского языка и известной картавости, — существо это блеклое, тенью прошло за Жириновским через всю карьеру его в ЛДП, и сидит сегодня вместе с ним в Думе.

Интересно, почему? Полезность его нулевая. Был он вместе с Жириновским сионистом? Попали в Государственную Думу и Юрий Бузов, и Митрофанов (хотя по дороге последний успел предать "папу Жириновского", об этом дальше, папа простил его). Жебровский, прочитав свой доклад, еще предложил, чтобы и мы прочли на пресс-конференции каждый свой министерский доклад. Я, откашлявшись, как мог сдерживая себя, сказал, что его экономическая программа устарела, и тем, не сомневаюсь, нажил себе еще одного врага. Я возразил и против предложения зачитывать министерские доклады на пресс-конференции. Молодые турки кабинета поддержали меня. Митрофанов, я обнаружил, оказался косноязычен, он постоянно вставлял в речь мусорные словечки вроде "елки-моталки", прижимал руки к груди и делал неуместно трагедийные гримасы. Обладатель дачи, японского автобуса и шофера, юноша из

номенклатуры, на роль даже чиновника в министерстве иностранных дел он неспособен. Но он сделал фильм о Владимире Вольфовиче, и у него номенклатурные родственники. В мае 1993 г. он скажет мне, полупьяный: "Владимира Вольфовича готовят на Президента". "Кто готовит?" — спрошу я. "Мы готовим...— последует ответ. — Те, кто подготовил Ельцина..."

На первой странице "Последнего броска на юг" стоит надпись: "Автор выражает благодарность А. Митрофанову, министру иностранных дел теневого кабинета Либерально-Демократической партии России, за содействие в публикации этой книги". Как хорошо, как красиво. Благодарный Жириновский, надо же! Однако сегодня мне позвонили из Москвы и сказали, что в ответ на возбуждение прокуратурой России дела против Жириновского (якобы в его книге содержится пропаганда войны и национальной ненависти) последний утверждает теперь, что куски о войне были вставлены в его книгу без его ведома, составителями. Ничье имя не оглашено больше на книге, кроме А. Митрофанова. Полезного человека принесут в жертву?

Тогда же Владимир Вольфович, сидевший справа от меня во главе стола, через Жарикова (Жариков, попивая пиво, обращался время от времени к Жириновскому "Вождь, а вождь?" И опять: "Вождь, а вождь?") высказал осторожные замечания по поводу моего поста: "Вы понимаете, Эдуард, наша милиция может обидеться..." Я сказал, что это граждане России должны обижаться на милицию, своих обязанностей борьбы с преступностью она не выполняет, а подразделения ОМОНа выполняют роль политической полиции". "Нет, Эдуард, послушайте, это все верно, но наша милиция привыкла, чтобы ею управляли свои..." Мне это все начало надоедать. Он это понял, Владимир Вольфович чувствует такие вещи. Журналист Патрик Гофман, впоследствии бравший у него интервью для "Эвенеман дю Жеди", в Париже, сказал, что Жириновский говорит то, что собеседник желает услышать. Это не сложно, пенсионерам — кусочек селедки, немножко салатику, Лимонову — должность в теневом кабинете. Потому что пенсионеры нужны Владимиру Вольфовичу, нужны голоса пенсионеров, и было нужно имя Лимонова рядом с его именем. Я примирительно предложил образовать новую русскую службу безопасности, типа ЦРУ или ФБР. На том мы и сошлись: и я стал главой Всероссийского Бюро Расследований. Эпизод этот заставил пролиться столько чернил! Послужил темой стольких статей и сообщений! "Эдуард нас всех и посадит, в будущем", — пошутил Владимир Вольфович. Тогда я смеялся, а сегодня я бы его посадил, если бы имел

возможность, ибо человек этот принесет России неисчислимые беды, если ему позволить. Потом он тотчас уселся на своего любимого конька, заговорил о казахах, каковые, по его мнению, хорошо пасут овец и ездят на верблюдах, вот пусть они это и делают. Даже я слышал уже этот "казахский полив" не единожды, однако члены партии слушали вождя с энтузиазмом. Жебровский сидел обиженный. Закончив полив, Владимир Вольфович ободрил его: "Не обижайтесь, Станислав Михайлович, все будет хорошо, будете сидеть в хороших условиях, когда Эдуард нас всех посадит!" На этой веселой ноте закончилось заседание.

У Юры Бузова оказались в багажнике банки пива, и все мы: министр по делам молодежи и спорта Жариков, министр информации Архипов, министр внешней торговли Бузов, министр иностранных дел Митрофанов и я, зашли на территорию детской площадки, рядом с домом 14, и выпили пива. Гулявшие с детьми агрессивные мамаши в резкой форме попросили нас убрать наши банки после церемонии. Что все министры и сделали послушно. Владимир Вольфович, как и подобает директору продбазы, отбыл в автомобиле до этого.

В "Советской России" работал тогда очень неглупый журналист, часто взгляды мои совпадали с его, — Владимир Литов. Позднее Чикин "ушел его" из газеты, за экстремизм, но уже тогда Литова мало и плохо печатали, используя как чернорабочего журналистики. Это он первый сообщил мне, что Анпилова стали оттирать от руководства. Конфликт у Останкино принял острую форму: члены "Трудовой России" и Русской партии разбили палаточный городок рядом с телецентром. Одновременно власти сказали, что не допустят следующего митинга у телецентра — 22 июня, дополнительные подразделения ОМОНа были посланы к телецентру, но было сделано и несколько уступок: создана была рабочая группа на телевидении по разрешению оппозиционного вещания. Со стороны властей группу возглавил Егор Яковлев, со стороны оппозиции в комиссию вошли Зюганов и Стерлигов, а также депутаты Павлов и Исаков. Но не Анпилов. Воспользовавшись тем, что Анпилов уехал в это время в Подмосковье ("подымать воинские части", сказал Литов) его в состав комиссии не внесли. Тогда как это он привел народные массы к стенам Останкино, это шумные, простонародные, крепкие кадры "Трудовой России" составляли подавляющую массу войск демонстрантов, теперь круглые сутки осаждающих комплекс Останкино. Узнав о том, что его не

3–80

включили в комиссию, Анпилов сказал словами Ленина: "Пока пролетариат борется, буржуазия крадется к власти". Анпилов заявил, что будет продолжать борьбу и не признает решения комиссии, что бы она не решила.

"Анпилов уличный трибун", комментировал Литов, конечно, он не умеет вести переговоры, "но собственно эти переговоры обречены в любом случае на неудачу." Наши симпатии были на стороне Анпилова, хотя Литов был ярко-красным экстремистом, а я — националистом. Прекрасный аналитик, Владимир Литов, я видел это, — умнее многих лидеров оппозиции. Это с ним мы задыхаясь убеждали депутатов в Доме культуры в Вороново, — проявить характер!

Литов рассказал, что Чикин — монарх у себя в газете, что он тяготеет к розовому варианту национал-коммунизма и многие статьи Литова не публикует, считая их крайними и проанпиловскими. "Даже у вас, Эдуард, есть противники в газете, но ваши крайние взгляды Чикин публикует в "Советской России" потому, что вы очень известны и можете позволить себе подобное". По поводу моей связи с Жириновским он, задумавшись, сказал: "Вообще-то это патриотические силы должны были предложить вам пост, но они на это не пойдут. Вы для них слишком экстремист".

Закулисы оппозиции оказались непривлекательными, однако стихия митингов, народных шествий захватила меня, и я честно до конца отдавал свою душу, соединяясь с десятками тысяч других душ без различия сословий и талантов. Героичен подъем, героизм толпы, а закулисы — лучше не знать их.

Меня разрывали на части события: война в Приднестровье, я хотел немедленно ехать туда и стал договариваться о поездке; пресс-конференция кабинета Жириновкого должна была выявить уже всей России, что я "замочился" вместе с ним, стал на его стороне; события у Останкино развивались трагично. Ночью 22 июня в 4.30 (кому понадобилась столь символичная дата, именно ночью 22 июня Гитлер вторгся в Россию в 1941 году!) спецвойска разгромили палаточный городок. Около двухсот человек ранены и двое (по другим сведениям, шестеро!) убиты. Я позвонил Чикину, и тот сказал мне, что убитых пятеро, трупы увезены не в морг, но в какое-то почтовое отделение. Среди убитых "пацан" 13 лет, девочка 16 лет — она приготавливала еду для палаточников. В больнице Склифосовского — очередь раненых. По сведениям радиостанции "Эхо Москвы", власти собираются запретить "экстремистские организации". Радио передало сообщение начальника Главного Управления Внут-

ренних Дел Москвы, что он опровергает все убийства. В газете "День" по телефону мне сказали, что территория вокруг Останкино блокирована многими тысячами солдат дивизии Дзержинского и милицией. С ночи еще улица Королева перекрыта кордонами в районе ВДНХ. Очевидцы утверждают, что видели пожарные автомобили, фургоны с лошадьми и конную милицию и собак. Автоматчики, не скрываясь, стоят в первых рядах кордонов, ящики с патронами сложены в кустах. Работают полевые кухни. Все утро 22 июня я провел у телефона. В 10.45 утра вышел к метро "Академическая" одетый в черный кожаный пиджак, черные джинсы и грубые ботинки, спустился в метро и поехал на пресс-конференцию.

В Москве было жарко и тревожно. Равнодушные, может быть, к политике толпы, озабоченные добычей хлеба и сала, однако не потеряли животный инстинкт, они выглядели испуганными в это солнечное утро 22 июня 1992 года. На улице Новый Арбат меня схватил за руку какой-то кряжистый бородатый тип лет под сорок пять (он шел навстречу мне с еще одним незнакомцем) и, идя со мною, спокойно сообщил, что, по его мнению, я "агент жидовского империализма." Я сказал себе, "это провокация, спокойно!", а ему, что поскольку я его не знаю, то говорить с ним не желаю. И стряхнул со своего предплечья его руку. Он не настаивал, улица была полна людей. Безусловно, человек этот знал, куда я иду. Послал ли его кто, поджидал ли он меня или случайно встретился на пути, — не знаю. Впоследствии я его никогда нигде не встречал. Назвал он меня "агентом жидовского империализма" по причине моего сближения с Жириновским? Но если уже к вечеру о создании кабинета знала вся Россия (телевидение сообщило, что Лимонов назначен премьер-министром правительства Жириновского), то в 11.15 об этом знали два-три десятка человек...

Вход в Дом журналиста охраняли неизвестного происхождения охранники: на людей Владимира Вольфовича они не были похожи. Архипов, при галстуке и в пиджаке, напоминающий комсомольского активиста, выбежал навстречу: "Эдуард!" Мы поднялись вверх и прошли в актерскую или гримерную, в любом случае небольшая клетка, выходящая одной из дверей за кулисы, на сцену. Жириновский был уже там, сидел в углу, еще в коридоре был слышен его сиплый характерный голос. Там же находился и Плеханов. И, этого человека я забыл упомянуть, однако он приходил на оба заседания в Хлебном переулке, капитан первого ранга Мусатов, исполняющий обязанности министра обороны. Мусатов явился в форме и в необъ-

ятных размеров белой морской фуражке с черным околышем и тульей, украшенной массивной бляхой военно-морского флота. Мой ровесник, Мусатов занимался легальной продажей оружия, и родом был из казачьей станицы в Краснодарском крае. Планировалась поездка в Краснодар, должны были ехать я, Мусатов, Архипов, Жириновский и, конечно, его телохранитель Владимир Михайлович. Я никогда не присутствовал при каких-либо инцидентах, угрожавших не то что жизни или здоровью Жириновского, но даже его костюму или цвету лица, но Владимир Михайлович всегда неотлучно находился с ним рядом. Я рассказал им сведения, полученные из редакций газет о происшедшем ночью. И Жириновский, и кабинет остались более или менее равнодушны к судьбе "коммуняк". Зато все они волновались (даже Жириновский не был исключением) и поминутно выглядывали в зал, проверяя, есть ли журналисты. Наконец, мы вышли и уселись за столы. Я сел между Жириновским и Мусатовым.

Зал был полон, однако основные силы журналистов, без сомнения, были брошены к Останкинской башне, нам достались, думаю я, силы вспомогательные. Выбрал Жириновский день 22-го июня, дабы сознательно конкурировать с Анпиловым и красными патриотами? Во время пресс-конференции Жириновскому были адресованы девять вопросов, мне — четыре. Жебровский прочел свой серый доклад, в каковом он все же сделал поправки. Остальных членов кабинета никто ни о чем не спросил. Я пожалел ребят: сидеть на протяжении двух с лишним часов молчаливо на сцене, восковыми фигурами, — удовольствие небольшое. Вождь же неоспоримо и явно наслаждался своей ролью, бесконечно затягивал свои ответы. Каждый его ответ состоял из двух частей: собственно ответ, и затем — пародия на него. По всей вероятности, Жириновский был неуверен в себе или в том, что сказанное им дошло до адресата. А может быть, жажда внимания еще и еще заставляла его затягивать свои поливы? Он должен был бы переводить время от времени вопросы на "министров". Я, мол, думаю так, а подробнее вам ответит господин такой-то, это по его части. Ничего подобного. Только раз он перевел вопрос на Архипова, тот вполне справлялся с задачей, но, очевидно, взревновав, Жириновский вдруг отбил у него вопрос и зашелся в поливе. Я находился в особой ситуации: не член ЛДП, человек очень известный, "сам звезда", согласно Архипову, я интересен журналистам. Даже если я просто прихожу на конгресс или пресс-конференцию и скромно втискиваюсь себе среди собратьев-

журналистов с блокнотом в руках, на меня тотчас наводят телекамеры, отведя их от объектов — виновников собрания. Мне обижаться не приходилось. "На кой черт кабинет, — подумал я, — если он все равно не дает ребятам рта открыть. И как я буду с ним работать?" Я не представлял как, я хотел попробовать. Может быть, он тоже не представлял как и хотел попробовать.

Позднее мы спустились все в ресторан, в банкетный зал. Стол был накрыт человек на двадцать. Я сидел рядом с Жириновским, справа от меня сидел Плеханов. Жириновский опять повторил фразу о том, что "Эдуард нас всех посадит, как и полагается ему по должности". Пили шампанское, водку, ели заливное мясо. Я и Жириновский заплатили за себя, он дал триста рублей (тогда это были другие триста!), ну и я дал столько же. За всех остальных платила партия.

Так как никто из ЛДП не пожелал присоединиться к коммунистам, то я уговорил бизнесмена, хозяина подвального помещения на Хлебном переулке, по фамилии Сендерев и Плеханова поехать в Останкино. Мы сели в автомобиль Сендерева, крепкий коротко остриженный парень был за рулем, и отбыли. Улица Королева была-таки перекрыта. Окрестности Останкино (мы каким-то образом сумели проехать туда, у бизнесмена оказался специальный, неведомый мне пропуск или бизнесменский шарм подействовал на милицию) превратились в военный лагерь. Согласно радио в автомобиле, 10 500 солдат и милиции были собраны туда. В зарослях стояла конная милиция (переминались их лошади), водометные машины, лаяли привязанные к деревьям собаки: демократическая власть, девятимесячная еще, уже приготовилась выпустить на демонстрантов собак. Правда, использовать собак они так и не решились. ОМОНовцы всех видов, со щитами из плексиглаза и с цинковыми щитами, автоматчики... Сидя под деревьями, лопали из бумажных тарелок нечто солдаты, полевые кухни выпускали свои дымы. Мы спустились к ВДНХ — там у входа формировались колонны. Я побродил некоторое время в толпе, пожал сотни дружеских рук. Было решено: раз не пускают к Останкино — идти на Манежную. Вместе с колоннами демонстрантов мы спустились к Рижскому вокзалу, где толпу блокировали. Путь колонне, намеревавшейся спуститься вниз по проспекту Мира, преградили, выставив свои машины, ОМОНовцы. Их подло передислоцировали, дабы перерезать нам путь к центру Москвы. Они перегнали колонну, перегородили параллельные улицы и улицу Гиляровского. Началась драка. Я ринулся в месиво вместе с

толпой и потерял своих бизнесменов и Плеханова. К ночи, грязный, сбитые пальцы, ссадины, валящийся с ног от усталости, я забыл о том, что я член теневого кабинета.

23 июня утром Останкинское телевидение сообщило опять, что Лимонов стал премьером в правительстве Жириновского. Мне об этом сообщил в 9.50 утра Проханов, разбудив меня. "Московский комсомолец" в тот же день отозвался на вчерашнюю пресс-конференцию заметкой "Жириновский завел себе железного Эдика". "Портфель директора Всероссийкого бюро расследований (не путать с ФБР) получил в теневом кабинете Жириновского писатель Эдуард Лимонов. Вчера на презентации "правительства национального спасения" в ЦДЖ он поделился с журналистами задумками относительно будущего своего департамента. В частности, что ФБР будет сверхведомством, которое объединит милицию и госбезопасность. При этом Лимонов ссылался на положительный опыт, накопленный по его месту жительства, во Франции, где уже давно существует такая централизация. Большинство остальных портфелей в совмине Жириновского было распределено среди партийцев ЛДП. Одним из исключений стал МИД, доставшийся Алексею Митрофанову, автору сценария к апологетическому фильму "Кандидат в президенты господин Жириновский". Назначен уже Жириновским (что свидетельствует о редкой предусмотрительности) и начальник главного управления исправительно-трудовых учреждений. В главные тюремщики Владимир Вольфович пожаловал своего помощника, некоего Жемло".

"Комсомольская правда" осветила событие так: Заголовок: "Как Владимир Вольфович портфели делил". Жирным шрифтом: Не безызвестный лидер Либерально-Демократической партии В. Жириновский представил вчера на пресс-конференции министров теневого кабинета "будущего национального правительства России". Текст: "По словам Жириновского "средний возраст будущего правительства 40 лет, его члены имеют 1,5 — 2 высших образования, владеют иностранными языками, 95% из них русские." Основные портфели уже розданы, остальные получат хозяев в ближайшее время. К примеру, писатель Эдуард Лимонов получил непредусмотренный ни в одном кабинете пост — министра всероссийского бюро по расследованиям, которое будет "предотвращать коррупцию". На наведение порядка в стране Жириновский отводит 6 месяцев, а не 72 часа, как обычно. Конфликты в Приднестровье и Южной Осетии предлагает решить вооруженным путем. Журналистам была роздана

газета "Сокол Жириновского", в которой утверждается, что "Россия должна быть жандармом Европы".

Много позднее мне попался на глаза номер "Вечерней Москвы" за 16 июля 92 г. Заметка о поездке Жириновского в Ленинград подтвердила то, что я понял уже и на что мне время от времени приоткрывал глаза Архипов: многие люди в партии не хотели меня и видели во мне соперника. "Владимир Жириновский посетил северную столицу, чтобы сообщить питерцам о составе сформированного им теневого правительства России. Презентация кабинета закончилась тем, что невские либералы выразили недоверие своему вождю, так как последний, как выяснилось, толком ничего не знает о потенциальных министрах. "О каком доверии может идти речь, — заметил один из членов ЛДП, — если Владимир Вольфович, представляя правительство, ограничился только фамилией, именем, отчеством и постом, который в будущем займет этот счастливчик?" Многие партийцы не поняли мотивов "назначения" шефом Всероссийского Бюро Расследований Эдуарда Лимонова. Как пояснил Жириновский, писатель возглавит данное ведомство потому, что хочет этого. Постоянный кандидат в президенты страны заявил, что консолидация ЛДП с другими партиями невозможна". Ну и, как круги по воде, пошли гулять по России отголоски этой истории. Тогда, как и сегодня, Жириновский блейфовал. В распоряжении его были всего лишь десяток молодых людей разной степени талантливости да Эдуард Лимонов. Партия сама состояла из недалеких кадровых бюрократов типа Жебровского.

Спустя несколько дней у какого-то прославленного фотографа на Новослободской улице на фоне достаточно бездарного флага большая часть членов кабинета сфотографировалась для Истории. Владимира Вольфовича поставили на ящик, дабы был выше всех, кое-как приспособили флаг — нелепое детище Архипова, — на заднем плане. Когтистый орел держит в лапах девиз: "Свобода, ЛДП, Закон". Голубые лучи расходятся от орла в стороны, а фон — белый. Только сегодня мне пришло в голову, что флаг ЛДП повторяет цвета израильского флага. Белый и голубой. Из девяти сфотографированных министров остались с Жириновским двое. Самые послушные.

JIRINOVSKI AND RUSSIA CORPORATION*

(Жириновский не националист, но демократ!)

Нет нужды рассказывать о всех моих встречах с Жириновским. Я расскажу о самых основных в последующих главах, а сейчас интересно углубиться в его программу, что собственно он обещает, этот дядя с повадками директора продбазы. Я работал когда-то в юности грузчиком на продовольственной базе в Харькове, и вот директором базы — всех его холодильников и овощехранилищ — был именно такой ражий и рыжий тип. Тот, правда, больше ударял в серый цвет, в то время как Владимир Вольфович ударяет в рыжесть. Тот дядя был намного старше меня, мне было 17 лет, и пришлось мне ударить того директора продбазы хорошим штакетником. На эту тему у меня есть документальный рассказ "Дешевка никогда не станет прачкой". Так вот, что собственно Жириновский предлагает?

Профессор Александр Янов в статье "Феномен Жириновского" ("Новое время" нр. 41) пишет: "Как это ни странно, никто до сих пор с Жириновским серьезно не спорил. Над ним потешались, о нем рассказывали анекдоты, /.../ но никто никогда, насколько я знаю, не попытался выяснить интеллектуальную основу его убеждений, разглядеть, если можно так выразиться, есть ли у этого айсберга подводная часть. Я пришел к нему имен-

---

* Корпорация "Жириновский и Россия".

но за этим. Беседа наша меня разочаровала. В "подводной части" у Владимира Вольфовича оказалось лишь несколько плохо переваренных мифов, уже второе столетие бродящих в русской националистической среде. Ни один из них серьезной критики не выдерживает./.../ Первый миф, на котором, как на ките, стоит политическая вселенная Жириновского, касается того, зачем России империя,/.../ без империи "русские везде станут национальным меньшинством, медленно уничтожаемым... это будет медленное убийство русской нации"./.../ Второй миф Жириновского — это идея, что нации, входившие когда-то в состав российской империи, без нее нежизнеспособны." /.../ Третий кит Жириновского — расизм. Жириновский: "Речь идет вообще о спасении белой нации и об угрозе ее существования. Восемь процентов сегодня белые составляют. Вы что думаете, девяноста два процента будут долго мириться с тем, что восемь процентов живут в лучших регионах, лучше питаются, дольше живут? Эти 92% потребуют свои **права**"*. Тут благородный профессор Янов, воспитанный в Америке, не выдерживает: "Так вы еще и расист?" "Нет, почему расист? Я говорю об угрозе для белой нации..."

Жириновский наверняка наслаждался разговором, а бедный профессор Янов всплескивал, очевидно, руками в отчаянии. "Не получилось у нас с Владимиром Вольфовичем интеллектуального спора. /.../. сокрушается Янов. "Лежавшие в основе его концепции мифы не выдерживали прикосновения здравого смысла. Оказывалось, например, что Америка никак не сможет противодействовать "нам", когда "мы" будем отнимать у нее Аляску. Почему? Потому что она сама погибнет. Как вот внезапно погиб СССР, так и США по-

* Это не Жариков, и не Архипов, и не Плеханов повлияли, но председатель "Лиги защиты христиан" из Луизианы, Джеймс Уорнер! Автор книги "Страна СОВ", расшифровывается как "Сионистская Оккупационная Власть". Летом 92 он года побывал в штаб-квартире ЛДП. Мазохизм Жириновского? Любовь к парадоксам? Извращение, скорее всего.

гибнут". Каким образом? Неизвестно. Что ожидает в случае гибели США ту "белую нацию", судьбы которой так, казалось бы, дороги Жириновскому? Неизвестно". Далее профессор Янов пускается в недоуменные профессорские рассуждения. "Но действительно ли интеллектуальное банкротство Владимира Вольфовича — его слабость?" и т. д. Вздыхая и охая, Янов много раз сближает Жириновского, совершенно неуместно, с Гитлером.

Радио Би Би Си в эти дни называет Жириновского не иначе как "ультранационалистом". Куда более экспансивные французы называют его с латинской темпераментной несправедливостью "фашистом". И то и другое не соответствует действительности.

Это мало кем замечено, но Жириновский культивирует по меньшей мере два политических "имиджа" одновременно. Потому есть два Жириновских: для богатых и для бедных. Профессор Янов почему-то не потрудился прочесть документы ЛДП, не прочел программу партии.

Кажется, не читали ее и антифашиствующие демократы, нынешние хулители "фашиста" Жириновского, между тем тяжко ответственные за то, что 12 декабря выпустили такого в Большую Политику, устранив от выборов его соперников по оппозиции. **Официальная программа ЛДП** (все версии ее, включая проект Конституции России Жириновского и краткое изложение принципов ЛДП, датированные апрелем 93 г.) — **есть респектабельная демократическая программа, где обещаются и приватизация, и передача земли в собственность.** То есть весь джентльменский набор демократических принципов "свободного рынка" и капиталистического общества. Так и пишется, черным по белому в программе, вышедшей перед президентскими выборами в 1991 г.: "**ЛДП за юридическое признание частной собственности, выступающей краеугольным камнем целостной экономической структуры.** Социально ориентированная рыночная экономика должна основываться на корреляции различных видов собственности: частной, коллективной, государственной. **ЛДП настаивает на осуществлении естественного процесса приватизации...**" Спустя два года, в апреле 93-го, в приложении к проекту конституции те же принципы: "ЛДПР — это правоцентристская партия, ставящая своей стратегической целью создание правового государства через многопартийность, **частную собственность (как материальную основу свободы и прав человека)…/…/ ЛДПР — это партия, отстаивающая идею социальной справедливости, выступающая за приватизацию в интересах всех граждан России,** а не мафиозных и коррумпированных структур (можно подумать, что в программах других партий ска-

заио, что оии за приватизацию в интересах мафии!), **за передачу земли в частную собственность**, в первую очередь тем, кто иа ией работает". Прочтя это и ие зиая, что это Жирииовский, нормальный человек, ие профессор Яиов, пожмет плечами и скажет: "Эка невидаль, и Ельцин тоже обещает, и Черномырдии, и кто угодио, и все другие демократы!" И нормальный человек будет прав. То, что "ЛДПР — это партия, отрицающая шоковую терапию" — сегодия никого уже ие колышит, потому что ее, шоковую, отрицают сегодия и Явлинский, и сам Черномырдин. То, что "ЛДПР — это партия, выступающая в области государствеииого строительства за постепеииое воссоздание с помощью экономических и политических средств Российского государства (не СССР или СНГ) в границах СССР", есть тоже банальное заявлеиие в 1994 году. Тем паче, что "постепенное воссоздание" можно поиимать как хочешь. Через полсотии лет, через сотню, когда ие будет ни Владимира Вольфовича, ии избирателей, это ведь тоже — постепеиио... Зато очеиь интересио, что пункт 2 Коиституции РОССИИ ЛДПР гласит: "**Вся власть в России принадлежит народу, который осуществляет** ее..." Но какому народу, Владимир Вольфович? В вашей Коиституции, как и в ельцинской (там сказано: "Мы, **многонациональный народ** Российской Федерации, /.../ и в статье 3: "Носителем суверенитета и единствеииым источником власти в Российской Федерации является **ее многонациональный народ**.") ие иашлось места для русского иарода. Но 85% иаселеиия России — русские, это оии создали русскую цивилизацию и государство. Как же так, вы, кого иа Западе называют "ультранациоиалистом", исключили русский иарод из Конституции? Между тем вот как начинается Конституция Фраицузской Республики: "ФРАНЦУЗСКИЙ НАРОД ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ..." (И у власти во Фраиции иикак ие иациоиалисты, ио иормальные демократические партии, сегодня социалистический президент и правый премьер). Как же так? Дело в том, что **Владимир Вольфович такой же самозванный националист, как самозванный русский.**

Разберемся, построив все в хроиологическую линию. Итак, в середине семидесятых Жириновский понимает, что карьеру в лоне официальных государствеииых оргаиизаций (МИДа, Комитета борьбы за мир, профсоюзов и прочих) ему сделать не удастся. Переусердствовав в Турции, ои испортил себе будущее. Где-то около 80 года, а может, и раньше он начинает работать в сионистских (чуть не написал "марксистских") кружках Москвы. Но чтобы стать лидером, ему ие хватает храбрости. Он энергичиее, по-звериному талантливее большиинства, ио иужно рисковать,

а его символ — бронежилет (а ранее — скорлупа двухкомнатной квартиры, где он просидел 20 лет). В 1983 году его бумаги прибывают в Израиль, он хочет эмигрировать из России, но что-то заставляет его передумать. Не так важно что. Он остается. После 1985 года Жириновский храбреет вместе со всем советским обществом. Он появляется на публичной сцене театра "Шалом" и без труда завоевывает себе руководство сразу четырьмя отделами в руководстве еврейского движения. Но он понимает, что забраться на самый верх ему не светит, что все высшие места в еврейском движении давно разобраны не самыми талантливыми и энергичными, но самыми смелыми. Потому он начинает заглядываться на другую, большую политическую сцену — общесоветскую и начинает ходить к демократам. Там... Лучше я процитирую журналиста Владимира Назарова. Вот Жириновский в 1990 году. "Вначале (он) предпринял попытку сблизиться с демократами, ходил на их собрания, митинги. Но, видимо, сообразил, насколько нелепо выглядит рядом с умными, интеллигентными, воспитанными людьми. И конечно же смертельно обижало Жириновского, что они не только не собирались дискутировать с ним, но и руки старались не подать..."

Владимир Назаров сладко идеализирует демократов, я мало видел среди этих людей "умных" и "интеллигентных", хотя некоторое преобладание в столичном лоске и современности налицо. Скажем, Егор Яковлев в сравнении с Жириновским таки "интеллигентнее", но уже какой-нибудь Шахрай, — не очень. Неизвестно, подавали ли демократы руку Жириновскому, может быть, и охотно тогда подавали, потому что он ничем еще себя не проявил. Однако несомненно то, что, походя, поотиравшись среди этих людей, Жириновский решил основать собственную контору. Тоже ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ, но свою! Живой ум Владимира Вольфовича подсказал ему, что раз разрешили создавать партии, то нужно создавать СВОЮ. Создание своей конторы закодировано в его генах. И тот же живой ум подсказал ему, что он ничем не хуже всей это братии, может быть, одетой и подстриженной лучше его. Он явно не читал всех книг, которые возможно, прочли они, но инстинкт говорил ему: "нужна партия". 31 марта 1990 года на учредительском съезде в Москве была создана ЛДП. Очевидно, созданию партии предшествовали какие-то месяцы, следовательно, зашевелился Владимир Вольфович где-то во второй половине 1989 года, т. е., едва покинув сцену сионистского движения, вступил на демократическую. А может быть, некоторое время играл на обеих? Как бы там ни было "**Жириновский действительно отец рус-**

ской демократии". Его партия в 1990 году стала первой после КПСС официально зарегистрированной партией в стране", — пишет в "Комсомольской правде" от 28 января Дмитрий Бабич. Он сам создал ЛДП или ему помогли? Существует версия о том, что Жириновский — ставленник КГБ. Для политика не имеет значения, кто помог ему основать партию. Важна политика его партии. Дмитрий Бабич обратился за разъяснениями о связи Жириновского с КГБ к бывшему председателю этой организации Владимиру Крючкову. "Все слухи о нашей поддержке Жириновского — чепуха, — сказал мне Владимир Александрович. — Мы вообще не работали с политическими партиями, хотя теперь я понимаю, что это была ошибка. Мы получили право работать с ними по закону об органах государственной безопасности от 16 мая 1991 года. Но этот закон вступил в силу с января 1992 года, так что мы не успели воспользоваться своими правами". КГБ или нет, но ЛДП существовала уже более года к моменту президентских выборов 1991-го. И единственным партийным демократическим кандидатом на тех выборах оказался Жириновский. Правда, партии никакой на самом деле не было: был отдел кадров скорее. Располагавшийся по адресу: 1-ый Рижский переулок 2, комната 41, в издательстве "МИР". Ну конечно, это место работы Жириновского! Вот и вся партия. Позднее Архипов нашел ему помещение на Рыбниковом. Но и в феврале 92-го ЛДП продолжала оставаться богом забытой организацией. Хотя сам Жириновский уже таковым не был.

Остановимся на моменте, чрезвычайно важном в политической биографии Жириновского. Кандидатуры свои на президентских выборах выставили люди национально известные уже по нескольку лет: Ельцин, бывший премьер-министр Рыжков... У всех у них были вполне добронравные добропорядочные программы, демократические. Ни о какой перспективе шоковой терапии и о проекте убийства СССР Ельцин народу и не заикался. Выступая в зале "Октябрь" за несколько дней до выборов, он обещал, напротив, "**ускоренное развитие социальных гарантий, повышение минимальных зарплат и пенсий, рост стипендий, увеличение отпуска и сокращения рабочей недели**". В той же речи он истолковал "**приватизацию как РАЗДАЧУ гражданам собственности**", и если-таки упоминал о проведении "радикальной рыночной реформы", то тогдашнее общество толком не знало, о чем идет речь, и даже такую реформу требовало. Что мог противопоставить неизвестный никому Жириновский всем этим обещаниям плюс тому обстоятельству, что Ельцин нравился публике ("да на него просто смотреть приятно — высок, широк в

плечах, голос громкий, а лицо какое мужественное, не чета некоторым мужчинам./.../ Смотришь на него и думаешь, что есть еще на Руси настоящие мужчины" — писала в "Лит. газете" за 27 марта 91 г. Ирина Долгова, машинистка из Нижнего Новгорода). Что он мог противопоставить? "Программные постулаты ЛДП, базирующиеся на пяти демократических принципах: 1. Правовое государство, 2. Многопартийность, 3. Многоукладная экономика, 4. Президентская форма правления, 5. Деидеологизация (т. е. декоммунизация) всех государственных и общественных институтов..?" "Рынок не приемлет тот, кто не приемлет свободу", — глаголет ЛДП в программе весны 91 года, поощряя по пути "новое политическое мышление", уже успевшее досадить по горло гражданам СССР!

Будучи талантливым дядей (иначе я бы о нем и не писал), Жириновский быстро сообразил, что с такой программой он не только не выиграет, но и даже процента одного не соберет. Потому Жириновский стал выступать с прямо противоположных своей программе позиций. Ельцин обещал повышение зарплат, пенсий и стипендий, а Жириновский хватил выше и дальше, закричал, что накормит страну сразу, в 72 часа. Как? "Очень просто: введу войска в бывшую ГДР, полтора миллиона человек, побряцаю оружием, в том числе ядерным, — и все появится". А на странице 46 программы ЛДП написано: "ЛДП в своей внешнеполитической деятельности руководствуется принципами Устава ООН. Согласно им государства обязаны: уважать суверенитет любого другого государства; /.../ не применять насильственных мер, направленных на нарушение территориальной целостности или политической независимости других государств, или угрожать такими мерами..."

Поливы Владимира Вольфовича унесли его от программы ЛДП в самый что ни на есть популизм, никакой не фашизм. Только невежеством, незнанием других исторических прототипов объясняется то обстоятельство, что и профессор Янов, и дружно вся антифашистская братия сравнивает Владимира Вольфовича с Гитлером. Но Гитлер был революционер, Жириновский — нет. Он лишь хочет стать президентом, а общество менять он не собирается. Тем паче не проектирует он превращать интернациональное государство Российскую Федерацию в Россию. У Жириновского был очень близкий родственник американский популист, тоже "юрист", как и Владимир Вольфович, тоже "я такой же, как все вы", ставший адвокатом, выбранный "дворнягами" губернатором Луизианы, потом сенатором и намеревавшийся стать Президентом-диктатором некто Хью Лонг.

Но о нем я расскажу дальше. Поливами типа: "Прибалтика — это русские земли. Я вас истреблю. В пограничной зоне Смоленской области начну закапывать ядерные отходы, и вы, литовцы, будете умирать от болезней и радиации. Русских и поляков вывезу" (Из интервью литовской газете "Республика", цитирую по статье Янова в "Новом времени"). Жириновский выиграл души 6,2 миллионов избирателей на президентских выборах 12 июня 1991 года. Успех этот его поливов, казалось бы, должен был заставить его отказаться от бесцветной программы ЛДП, подтереть ею одно место, декларировать себя русским националистом и, посидев два вечера, сделать новую программу новой партии. Ничуть не бывало. Когда я с ним познакомился в феврале 92-го, я давал автографы на все той же их программе, ее раздавали активисты ЛДП, на обложке всего лишь были от руки написаны телефоны штаб-квартиры на Рыбниковом. (Кстати говоря, астрономические цифры членов партии, всегда называемые в те годы Жириновским, — конечно, дутые цифры. Программа, изданная в марте 91-го года, тиражом 50 тысяч экземпляров, так и не была роздана год спустя.)

Так вот, и после успешных (он не выиграл, но результаты отличные) выборов 1991 года Жириновский не отказался от демократической программы ЛДП. Почему? Объяснений может быть несколько, основное одно из них, немаловажное: популизм логически непременно перешел бы в национализм, а в националистической партии полуеврей Жириновский со всеми его талантами рано или поздно потерял бы верховную власть в пользу русского. "Я буду защищать русских", — такой лозунг вопиет красноречиво о взгляде со стороны, о том, что произносящий его — чужой. Когда в Париже 25 сентября 92 года лидер "Национального Фронта" Жан-Мари Ле Пен вежливо осведомился в моем присутствии у Жириновского, почему у его партии такое неподходящее, странное, мягко говоря, название, Жириновский стал объяснять что русский народ не созрел еще для слова "национал" или "национальный", что у русских это слово вызывает неприятные ощущения. При этом Владимир Вольфович косился на меня. Я лично не замечал у русского народа никакого особого предубеждения к слову "национальный". Существовал уже и Русский национальный собор и формировался уже в Москве Фронт национального спасения. Не говоря уже о Национально-Республиканской партии.

И сегодня, после выборов 12 декабря, на которых опять победу ему принесли его (на сей раз общероссийские, телевизионные) поливы, Владимир Вольфович не сменил название

партии, прямо противоположное его поливам. И будьте уверены, не сменит. Почему? Одну причину я уже назвал: Жириновский не русский или недостаточно русский для главы националистической партии (таким его ошибочно воспринимает Запад). Вторая причина: его якобы националистические, популистские поливы не есть программа, но СРЕДСТВО придти к власти. Таким образом, есть два Жириновских: для богатых — благопристойная демократическая программа ЛДПР, ничем не отличающаяся от программы ельцинских чикагских мальчиков. У **Владимира Вольфовича лишь свои мальчики**, я называю их, в отличие от президентских (их Руцкой, кажется, назвал "мальчиками в розовых штанишках") — **мальчики-банкирчики в цветных пиджаках**. Один такой мальчик в зеленом, по имени **Сергей Горшков**, заплатил за визит Жириновского и его команды (Жебровский в их числе) в Париж в сентябре 92-го. Второй такой мальчик — **Алексей Митрофанов**, пухленький ребенок номенклатуры, расхаживая со мной в ноябре 92 года по Николиной Горе, в снегу, показывая мне новоотстроенные дачи, задыхался от восторга, рассказывая о чудесных карьерах тридцатилетних министров Ельцина. "Но чего они добились, результат их деятельности — страна в развалинах!.." — возражал ему наивный Лимонов. — Где их победы?!" "Как чего добились?" — моргая черными глазками, решительно не понимал меня Митрофанов. — Стали министрами в тридцать лет с лишним!.."

Сейчас усиленно ищут источники финансирования Владимира Вольфовича. Чуть выше в этой же главе я цитировал категорическое опровержение Крючковым факта финансирования ЛДП Комитетом госбезопасности. Может быть, нет. Наверное, так и есть. Тем не менее Борису Ельцину было выгодно появление дополнительных кандидатов на тех выборах, его серьезным соперником был Рыжков, нужно было отнять голоса у Рыжкова. А деньги в России часто приносят в чемоданах, и следов не остается в документах. Но даже если бы я узнал, что ЛДП получила в свое время помощь от КГБ, это меня нисколько бы не переубедило в моем глубоком убеждении, что ЛДП — партия богатых, партия, защищающая интересы мальчиков-банкирчиков в цветных пиджаках. В "Известиях" за 13 января приводятся документы и фамилии из досье, заведенного на Жириновского Федеральной разведывательной службой Германии. "В Австрии финансовые интересы Жириновского представляет 23-летний **Дмитрий Клинков**, именующий себя коммерческим директором "ИБС ГмбХ" и постоянно курсирующий между Москвой и Клагенфуртом. /.../ Фирма, занимающаяся торговлей с Востоком,

принадлежит бывшему торговцу древесиной Йозефу Хамбрушу, о котором известно, что он давно поддерживал тесные контакты с партнером Жириновского **Алексеем Веденкиным.** По свидетельству журнала "Профиль", он заявил в Австрии: "Я забочусь о том, чтобы партия имела в своем распоряжении достаточно миллионов долларов. Для этой цели мы торгуем, в том числе и с местными коммерсантами". Предметы торговли — "нефть, древесина и все, что приносит прибыль". "Обсуждаются его (Жириновского) отношения с известной голландской фирмой "Глобл мани менеджмент" и в России "Джи-Эм-Эм", которую возглавляет **Антон Ненахов.** О голландских источниках денег ЛДПР в начале января писала "Франкфуртер Альгемайне", со ссылкой на голландские газеты "Фолкскрант" и "Алхемайн дахбад". Еженедельник "Виртшафтсвохе" сообщил о том, что сотрудники австрийской полиции и немецкой разведки фотографировали Жириновского и его окружение в Австрии. В журнале помещены фотографии Жириновского, Веденкина /и пр./. Ненахов был в числе тех промышленников, которые вились вокруг Жириновского в отеле "Прайнсберг" в Рейхенфельсе (Австрия), пишет "Виртшафтсвохе". Немецкая разведка располагает фотографиями, полученными от австрийской полиции, агент которой, переодевшись в лыжника, тайно снимал на пленку происходившее в гостинице.

Не с **бомжами*** в метро или на вокзалах общается, как видите, Владимир Вольфович, но с людьми своего круга, с предпринимателями. Он делец политический, они — тоже дельцы.

* Лицо без определенного места жительства, т. е. бездомный.

Если "Известиям" хочется доказать, что Жириновский получает деньги от всех этих людей (какая красноречивая фами-

лия у приятеля Владимира Вольфовича — **НЕНАХОВ!**, то есть не наш!), то моя задача — другая. Миллионы долларов — это из той же оперы, что и сотни тысяч членов ЛДП, мягко говоря, преувеличение; однако все эти мальчики-банкирчики платят ЛДП за удовольствие общаться с Жириновским. Скажем, десятками тысяч долларов. Он им заплатит, когда придет к власти, если он к ней придет. Для них, для этих ребяток, и существует программа ЛДП, в ней воспевается "**частная собственность, как материальная основа свободы и прав человека**". Когда читаешь в программе ЛДПР — это партия "...отстаивающая идею социальной справедливости, выступающая за приватизацию в интересах всех граждан России, а не мафиозных и коррумпированных структур", следует понимать, что те, кого назначил в первый ряд вгрызающихся в жирный пирог России Ельцин, вынуждены будут уйти (это они "коррумпированные и мафиозные структуры"), а придут Веденкины, Митрофановы, Горшковы, Клинковы и другие Ненаховы. И это будет социальная справедливость, как ее понимает сын юриста, сам юрист, Жириновский.

Глупая бабка, проголосовавшая за защитника русских, будет кушать "немножко салатику, постные щи, или суп, запьет компотом..." А мальчики в цветных пиджаках захватят все богатства России, прекрасной страны. Это из-за них брат убивал русского брата из крупнокалиберных пулеметов в октябре. Богата страна Россия, у множества авантюристов и Лжедмитриев при одном слове "Россия" встает соответствующий алчный орган.

Так что программа ЛДП писалась не для унтер-меншей, не для люмпенов. Жириновского обвиняли и обвиняют в том, что он "опирается на советское люмпенство" (Янов). Это ошибка, и трагическая. Это заблуждение, и огромное! Люмпенов, пенсионеров, да кого угодно, бесквартирных лейтенантов, он использует для прихода к власти, но к власти он приведет мальчиков-банкирчиков. **Ни Боровой, ни переходный молчаливый правитель Ельцин, ни запоздалый и вялый несчастливый Явлинский, но Владимир Вольфович Жириновский есть настоящий ставленник "предпринимателей" и "бизнесменов" и будущий враг народа.** Сам Владимир Вольфович Жириновский не оставляет никакого сомнения, к кому он принадлежит, кто для него свои и НАШИ, проговариваясь об этом по беспечности множество раз. Вот что он наболтал, злой на меня, в своем мне ответе "Русские идут!" в "Новом Взгляде" (нр. 35 за 1993 год). Жириновский противопоставляет эмиграции (относя к ней почему-то Лимонова, которого именно эмиграция на дух не выносит!) — новых русских. "Эмиграции не нравятся "новые

русские", российские предприниматели, которые заполонили сейчас Европу, занимаясь легальным и не очень легальным бизнесом", пишет раздраженный глава ЛДП. "У этих ребят **тысячи долларов в кармане,** они останавливаются в **шикарных** гостиницах, оставляют за обед в ресторане месячное жалование иного эмигранта. Это уже не те "русско-туристско-облико-морале", которые с пятью долларами в кармане и двумя банками икры ходили в дешевенькие магазинчики каких-нибудь Яшек и Мишек, уехавших в 1973 году. Яшки и Мишки чувствовали себя героями в сравнении с соотечественниками, которые полгода оформляли поездку, в трусах вывозили деньги, мечтая прикупить дубленочку на продажу. **По сравнению с "новыми русскими" Яшки и Мишки — дерьмо, потому что за "новыми" лес, уголь, нефть, удобрения, военная техника,** а у Яшек — джинсики и трусики..."

Не мне защищать эмиграцию, ненавидящую меня до сих пор в большинстве своем лютой ненавистью, процитированные речи Жириновского — свидетельство против Жириновского. Вот к кому лежит его душа. К грабителям, за бесценок продающим не принадлежащие им, но уворованные у России: лес, уголь, нефть, удобрения, — военную технику, и вывозящим ежегодно из России астрономические миллиарды долларов, чтобы возложить их на дно люксембургских и швейцарских сейфов. Эти не в трусах, разумеется, вывозят (кстати, хорошо бы профессор Жолковский, автор реферата "Тема окна в поэтике Пастернака", проанализировал тему "трусиков" в поэтике Жириновского, "трусики" появляются у него едва ли не в каждом тексте), но легально, по разрешению. Пока что у них "тысячи долларов в кармане", но Владимир Вольфович сделает так, что будут миллионы долларов в кармане. Затем и организована ЛДП. "ДЕРЬМО", — бросает лидер ЛДП эмигрантским Яшкам и Мишкам за то, что у них только "джинсики и трусики, причем отвратительного качества". Душа директора продбазы живет в теле главы Либерально-Демократической партии. Оне не любять "отвратительного качества трусиков и джинсиков". Только классного качества. И "шикарные рестораны". А как насчет тех, кому вы на странице 102 своего "Броска" определяете участь покорных рабов с селедочкой и со стаканом кефира? После "дерьма" кто идет ниже? Недолюди? Рабы?

Унтер-менши, люмпены, пенсионеры, избиратели должны пойти к урнам в 1996-ом и выбрать Владимира Вольфовича в президенты. И после этого пусть сидят тихо. Им же сказано, что их будут защищать посредники-перекупщики. "Русских и

малые народы на территории России и СССР" будет защищать "ЖИРИНОВСКИ ЭНД РАША КОРПОРЕЙШАН".

Для того чтобы унтер-менши, люмпены, пенсионеры — народ, который Жириновский не пустил даже в Конституцию (ЛДПР), пошел и проголосовал за него в 1996 году, Жириновский употребит другую программу, которая не есть программа, но способ прихода к власти: навеет им геополитические грезы с экрана телевизора. Проще говоря, оболванит обывателя. Он уже воспользовался этим методом перед выборами в ГосДуму. Деньги ему дали мальчики-банкирчики. Вынужденно процитирую свою статью "Извращения национализма": "Жириновский раньше других понял, что русские люди отзовутся на национальные идеи, что кусаемый со всех сторон шавками латвийских, эстонских, татарских и коми-хохлацких национализмов, русский медведь, наконец, выходит из состояния добродушной грусти, в которой он обыкновенно пребывает, как всякий многочисленный имперский народ." "Как хороший политик он знает, что в ответ на появление Ландсбергисов, Снегуров, Тер-Петросянов, нео-Шеварднадзе и прочих Туджманов и Изитбеговичей, неизбежно появление ИВАНОВА с большой буквы. И Жириновский знает, что за такого Иванова на следующих выборах проголосуют не шесть — намного больше миллионов". Процитированные строки написаны в феврале 1993 года. Лже-ИВАНОВЫМ выступил Жириновский с экрана телевизора в ноябре-декабре 1993 года и вызвал эмоции — реакцию на навеянные им грезы. Той же задаче — навеять грезы — служит и книга, изданная к выборам, — "Бросок". Вот в этих грезах очень много русских. В основном они служат пушечным мясом Владимира Вольфовича. Перед ними кровопролитные задачи: "Россия должна спуститься и выйти на берег теплого Индийского океана. Это не моя блажь. Это судьба России. Это рок. Это подвиг России. Мы должны это сделать, ибо у нас нет выбора. По-другому мы не можем. Это геополитика. Наше развитие требует этого. Как ребенок, переросший какой-то костюм, должен надеть новый. И речь не идет о порабощении других народов, о захвате чужих территорий", — ритмически внушает он как птица-баба в старом фильме "Садко", усыпляя русских молодцев-гребцов и воинов.

"Тю парль!", как говорят французы, имея в виду "ну да, заливай!", а о чем же речь-то идет! Я не профессор Янов, я не стану суетясь кричать, что нехорошо завоевывать чужие страны. И даже не спрошу, совершенно резонно, а что же, США, Европа, Япония, а больше всех Индия и Пакистан с

ядерным оружием будут радостно ожидать момента, когда Владимир Вольфович (в бронежилете и заслоняемый верным телохранителем Владимиром Михайловичем) омоет свои сапожки в их Индийском океане, ведь не сидели же они, когда наши солдаты были в Афганистане? Я только скажу ему: "Фраер позорный! Ты же свою тушу подставлять не будешь, ты будешь кататься на лыжах в Австрии, с мальчиками-банкирчиками... Ненаховыми, ты хочешь, чтоб за то, что тебя там кто-то сорок лет назад на переменке в Алма-Ате толкнул, казах или таджик, так, чтоб за тебя русские парни пушечным мясом себя подставляли? Ты, который до сегодняшнего дня к фронту на выстрел не приближался?"

Владимир Вольфович видит: "Я вижу русских солдат, собирающихся в этот последний русский поход... я вижу подводные лодки, всплывающие у берегов Индийского океана и десантные корабли, подходящие к берегам, по которым уже маршируют солдаты русской армии", он все это видел во сне и по телевизору. А горы трупов он не видит. Откуда? Всю жизнь просидел в блиндаже двухкомнатной квартиры. Я, пробравшийся в Вуковар в ноябре 1991 года, только что занятый сербскими войсками, первый и единственный тогда русский журналист, в один только день привелось мне насмотреться на 67 трупов, в том числе и детей. У меня остались фотографии. Переслать? Очень избавляет от видений. Если Владимир Вольфович видит войну как красивый телевизионный фильм, солдаты у него "маршируют", то мальчик из хорошей семьи, толстенький Алеша Митрофанов имеет практический ум перекупщика, процентщика и ростовщика. Вот что он предлагал еще летом 92-го года в статье, опубликованной в "Соколе Жириновского" нр. 3: "Мы первые на коммерческой основе будем сдавать в аренду отдельные вооруженные соединения. Например таманцы или кантемировцы за двести миллионов долларов в день смогут провести боевую операцию по заказу одной страны против другой. Заодно и настоящий боевой опыт приобретут и на квартиру себе заработают. Колумбийская мафия за полмиллиарда долларов тоже может попросить нас выбить тех, кто мешает им в наркобизнесе. И мы не откажем. Неужели вы думаете, что наши ребята не смогут дать латинос в полной мере насладиться жизнью?" Вообще-то, статью эту мог наговорить Жириновский, а министр иностранных дел только записал.

Статья называется "Наша линия — разумный эгоизм, наша цель — мировое господство". Ни больше ни меньше. Здесь важно даже не что предлагается, но кто предлагает. Видели бы

таманцы и кантемировцы толстенького Лешу Митрофанова, происшедшего из номенклатурных кровей, расхаживающего по гостиной дачи (там, если уплотнить, можно поселить двадцать лейтенантов с семьями! Я опишу эту дачу позднее), оттягивая пояс тренировочных штанов и хлопающего резинкой по внушительному, уже в тридцать лет, волосатому животу. Он хочет быть посредником, видите ли, сдавая русскую кровь внаем, и получать за это проценты?!

Но вернемся к Владимиру Вольфовичу. На деньги мальчиков-банкирчиков ненаховых, митрофановых одним словом он спел бабой-птицей избирателям за многие телевизионные часы все содержание своего "Броска" с 63-й страницы и до конца, до 143-й. Русские солдаты, по его видению, будут не только маршировать на берегу Индийского океана, в то время как Жириновский безопасно "всплывает у берегов", но и отомстят Германии за Владимира Вольфовича, не получившего визы туда. Солдаты Жириновского накажут, следуя "формуле Жириновского", Польшу, Китай, Иран, Турцию больше всех, а Япония пусть молчит, иначе Владимир Вольфович повторит им Хиросиму и Нагасаки. Кавычки тут не нужны, потому что все это — несомненное авторство Жириновского. **Все эти тотально нереальные благоглупости (даже с Украиной будет сложно справиться, если дело дойдет до войны) невозможно осуществить, и Жириновский все это отлично знает.** Однако эти тотально нереальные благоглупости работают: **они вызывают и будут вызывать в русских сердцах отклик.**

Унижаемые с 1985 года русские избиратели, и больше всех потерянные, растерянные пенсионеры (Жириновский не зря со своим кусочком селедки к ним особенно обращается, пенсионер был избирателем Ельцина, но теперь это избиратель Жириновского. Те, кто выбрал Ельцина в июне 1991 г., выбрали Жириновского в декабре 93-го) с удовольствием предавались ностальгическим телегрезам о потерянном могуществе, об имперской мощи. Помимо воли участвуя в жирно оплаченных мальчиками-банкирчиками сеансах теленостальгии, русский избиратель щедро отблагодарил за них Жириновского и его корпорейшан. Однако все это фальшивка, дорогие глупые соотечественники. Жириновский надел маску ИВАНОВА, украв у бесхозяйственных, не умеющих торговать национализмом русских медведей русские лозунги. Не для того, чтобы сделать их своей программой, но использовать как средство прихода к власти. Придя к власти, он будет действовать в интересах мальчиков-банкирчиков. Вновь сознательно повторю здесь уже

единожды высказанное: **Жириновский, каким бы отличным от Ельцина он не казался пенсионерам, не посягает на социальную реальность, порожденную Ельциным и его мальчиками. Так же будут сосуществовать толпы нищих и "Мерседесы". Будут умирать заводы, где рабочие множество месяцев не получают свои мизерные зарплаты, и будут отстраиваться по-прежнему, как ядовитые грибы после кровавого дождя, — коммерческие банки. Только президентом в стране будет бывший еврейский активист, а не бывший секретарь ЦК КПСС.**

Реакция Запада на геополитические сеансы гипноза Жириновского (он-то предназначал их для внутреннего российского употребления) в основном — негодующий испуг. (Во Франции Жириновский заработал место между Амин-дада и Каддафи.) Однако отношение может измениться и изменится, и уже изменяется. В газете "Вашингтон пост" от 28 декабря 93 года в статье с характерным названием "ОБРАЩАЕМ ЖИРИНОВСКОГО В АРХИВРАГА СОВСЕМ БЕЗ ПРИЧИНЫ" некто Самюэль Фрэнсис пишет: **"Возможно, мистер Жириновский — враг, и мы тогда должны быть его врагами, но исключая грубый рот, до настоящего времени он не сделал ничего против Соединенных Штатов, да и, вообще-то говоря, ни против кого-либо другого".**

ONE MAN SHOW*

В статье "Русские идут!" ответ бывшему члену моего теневого кабинета Эдуарду Лимонову, Жириновский писал: "...Я хочу ответить в политическом плане. И прежде всего сказать о том, в чем я принципиально разошелся с Эдуардом Лимоновым. Сначала краткая справка. Писатель Лимонов пришел в теневой кабинет ЛДПР в июне 1992 года в качестве руководителя Всероссийского бюро расследования. Многие партийцы возражали против его кандидатуры из-за сомнительной, в понимании большинства, писательской репутации Лимонова. Но меня писательская репутация интересовала мало. Я учитывал, что Эдуард — человек многознающий, вхожий в различные круги у нас в стране и на Западе, неподкупный и, самое главное, стремящийся к большой политической работе. К тому же его поддерживало "молодежное крыло" нашей партии. Лимонов активно взялся за дело. Мы ездили с ним по стране, были в Париже. Он находился среди воюющих в Приднестровье, Абхазии, Югославии, доставляя для руководства партии информацию из первых рук о том, что происходит в горячих точках. Мы ценили это. Однако я не мог не обратить внимания на то, что в своих многочисленных публикациях, по стилю ярких и образных, Эдуард воспевает войну, схватку, поэтизирует трагедию, тогда как правда этих малых войн очень далека от поэзии. Мне не нравились его

---

* Спектакль Одного Человека.

призывы к вооруженной борьбе против правительства, что входит в прямое противоречие с законодательством. ЛДП — партия закона, и она знает десятки методов давления на правительство, от кулуарных до открытых митинговых, но танков и боевиков в нашем арсенале нет".

Я не собираюсь спорить с Жириновским, с человеком, не имеющим убеждений, на страницах этой книги. Прошу лишь читателя обратить особенное внимание на приведенный отрывок, в нем многие оттенки натуры Жириновского. Коварство: тихий донос-намек юриста на мои якобы "призывы к вооруженной борьбе против правительства, что входит в прямое противоречие с законодательством". В надежде, что законодательство его услышит. Ханжество: в то время, когда вышла эта его статья в нр. 35 "Нового Взгляда" за 1993 год, уже была готова к печати его книга "Последний бросок на юг", где Владимир Вольфович воспевает большую войну, смачно, с удовольствием: "Как я мечтаю, чтобы русские солдаты омыли свои сапоги теплой водой Индийского океана и навсегда перешли на летнюю форму одежды. /.../ легкие брюки, гимнастерки с короткими рукавами /.../ И маленький современный русский автомат, выпускаемый Ижевским заводом. Эти автоматы намного лучше, чем УЗИ. Чтобы любой взвод русских солдат мог навести порядок на любом пространстве". Ложь, прикрывающая еще одну ложь: "танков и боевиков в нашем арсенале нет". У ЛДП их нет, но кто, как не Жириновский, пытался последние два года заверить всех, что они есть: вспомним малопонятные церемонии на вокзале, показанные по российскому телевидению, где Владимир Вольфович провожал "боевиков ЛДП" в Приднестровье или в Ирак... И в то же самое время глава красноярской организации ЛДП Иванов звонил мне по телефону, в гневном отчаянии жалуясь на всех, в том числе и на ЛДП, и на руководство Приднестровской республики за то, что не дают денег на отправку красноярских добровольцев в Приднестровье. Так были или нет боевики ЛДП в Приднестровье? О них там и слыхом не слыхивали. Кого же и куда отправлял Жириновский с экрана телевизора? Автор его президентского рекламного ролика, — Митрофанов, есть автор и этой телемистификации? Актеры играли "боевиков" за сколько рублей в час?

"Эдуард поэтизирует трагедию, воспевает войну", а Владимир Вольфович лишь мечтает. **Но это Владимир Вольфович вступил "в противоречие с законодательством", и это его Генеральная**

прокуратура обвинила в пропаганде войны*. Кстати говоря, читая "Последний бросок на юг", я часто задумывался: а не для израильского ли читателя была первоначально предназначена эта книга? Ведь Владимир Вольфович собирался туда в 1983 году. Выйти к Индийскому океану было бы полезно в стратегическом смысле, но не так России, как Израилю. Из Израиля туда и много ближе. Владимир Вольфович готовил свою книгу для Израиля, мечтая приехать туда с глобальной, как ядерная бомба, "формулой Жириновского"? Ненависть к мусульманскому миру, проходящая красной нитью через весь "Бросок на юг", подтверждает мою гипотезу. Мусульманский, исламский мир — основной враг Израиля. Не собравшись с духом выехать в Израиль, вспомнил Жириновский о книге через десяток лет и решил пустить ее в дело — что добру пропадать! Лишь заменил Владимир Вольфович всех "еврейских" солдат на "русских" и быстро навставлял фраз типа "современный русский автомат, выпускаемый Ижевским заводом. Эти автоматы намного лучше, чем УЗИ." Иначе при чем тут УЗИ? (Есть ведь и английские "Стэн-ганы", и "Томпсоны", и американские "М-16", почему УЗИ?). И как русские солдаты могут навсегда перейти на летнюю форму одежды? А Сибирь? **Могут, — эмигрировав в Израиль. В израильских раскаленных холмах, точно, Владимир Вольфович, — всегда летняя форма****.

Как можно назвать человека, который в августе месяце сурово порицает Лимонова за воспевание войны, в то время как 28.09 подписана уже к печати (а следовательно, сдана по крайней мере за несколько месяцев до этого) книга, призывающая к завоеванию целых госу-

* В начале февраля Генеральная прокуратура России начала расследование против Жириновского. Ему могут предъявить обвинение по статье 71-й за пропаганду войны на страницах его книги.

** Догадка моя перешла в уверенность, когда в газете "Минют" (02.03.1994), в статье о Меире Кахане (1932—1990), сионист-экстремист, основатель партии "КАХ") я нашел следующий пассаж: "Для него (Кахане) границы Великого Израиля включают Ливан и часть Сирии, Иорданию и Ирак до устья Евфрата...", т.е. до Персидского залива Индийского океана, читатель. (Жириновский мечтает те же мечты, что и сионист-экстремист!!!)

дарств на юге Азиатского материка. Лжец такой человек и беспринципный циник.

Но возвратимся к деятельности кабинета. Итак, согласно Жириновскому: "Лимонов активно взялся за дело". Я гляжу в мой календарь того времени, у меня по четыре, по пять, по шесть деловых свиданий в день. Но не по делам ЛДП я встречался с людьми. Ибо дел как таковых не было. Владимир Вольфович работал один. Лично Владимир Вольфович неукоснительно использовал любую возможность показаться средствам информации. Этим были заняты все его дни. Вряд ли разумно упрекать его в данном случае в тщеславии, хотя доля тщеславия присутствовала, Жириновский прямо использовал журналистов. Для внушения своего имиджа публике ему нужно было постоянно присутствовать в средствах информации. Использовал он журналистов и как средство пропаганды своих идей: он выдавал свои поливы журналистам, а те передавали их (пусть и в высмеянном часто виде) народу. Жириновский ходил туда, где были журналисты: на художественные выставки, на рок-концерты (конечно, Жариков), на политические тусовки. Не с публикой он общаться ходил — толку от таких лимитированных встреч очень мало, — но ходил общаться с журналистами. Один из талантов Владимира Вольфовича и самый главный — не политический, но сродни таланту крикуна-продавца на базаре. В период моей провинциальной харьковской юности мне привелось работать и книгоношей, продавать книги с лотков. Лучшим книгоношей в городе был некто Игорь Йосифович, бывший контролер на железной дороге. Этот человек мог продать все. Он приезжал на заунывный склад какой-нибудь "Академкниги", брал скучнейший том из серии "Сокровища мировой литературы" (комментарии, вступительные статьи), в количестве многих десятков пачек, выезжал на центральную площадь Тевелева и, как восточный купец, вздымая книгу к небу, начинал кричать: "А вот история ужасающего античного преступления! Борьба белой и черной магии!" Народ разметал пыльные скушные книги.

Как Игорь Йосифович, Владимир Вольфович — "ван мэн шоу". Американское выражение это пришло из словаря артистов и означает: "представление одного человека". Владимир Вольфович сам — человек-спектакль. Партия ему нужна для солидности, потому что так полагается в политике. И программа ему нужна только потому, что ее требуют избиратели. Сам Владимир Вольфович глубоко уверен, что единственный рецепт против всех бед России — ЖИРИНОВСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ. Когда Жириновский станет президентом, уверен он, — заводы сами заработают, зарплату выплатят, связи между предприятиями наладятся, станки

закрутятся, враги испугаются, а республики сбегутся голодраные к стопам Владимира Жириновского, сына Вольфа. Потому его **ЛДП лишь бюрократическая организация, а не партия. Партию В. В. Жириновский не захотел.** Как раз партию хотели Архипов и Жариков, хотели быть соратниками Жириновского. Жириновский же понимает лидера по-ближневосточному, как Мессию, или как предпринимателя-частника, выхваляющего СВОЙ товар. Ему не нужны совладельцы, никакие соратники тоже не нужны, никакие Свердловы, Гессы, Геббельсы, Архиповы, Жариковы...

Партии создают революционеры и идеологи для проведения глубоких революционных изменений в обществе, для переворачивания структур. Партия есть организация массовая, проще говоря, много-много маленьких жириновских, а не один гигантский. Только при помощи инструмента коллективного — партии возможно революционизировать страну. Но в том-то и дело, что **Жириновский вовсе не революционер, он не хочет революций в России, он их панически боится. Не хочет он революции социальной,** переворачивающей социальную почву, выносящей наверх новый пласт народа — живой, богатый, плодородный. **Не заинтересован он, тем более, и в революции НАЦИОНАЛЬНОЙ, в ней ему, полуеврею, не достанется лидерства.** Жириновский прекрасно понимает, как опасны для него революции, и национальная, и социальная. Вот он пишет об этом в своем мне ответе в "Новом Взгляде": "...Когда говорят о национализме, будем очень внимательны. Национализм национализму рознь. Есть национализм созидательный, когда ты заботишься о себе и своих родственниках, и когда тебе нужны стабильность, спокойствие, а проблемы соседей тебя волнуют настолько, насколько они касаются тебя. И есть национализм разрушительный, когда тянет на бойню с соседями, или того хуже, с родственниками. Собственно во втором случае, национализм — предлог и прикрытие. Ибо подлинная причина любой войны и любой бойни — борьба за собственность. Только и исключительно борьба за собственность. А предлоги находят разные — религиозные, национальные, идеологические". Тут я остановлюсь, чтобы сказать, что думать Жириновский ленится, приведенные им якобы примеры национализма не есть примеры национализма, не забота это о родственниках, и не бойня с соседями, Владимир Вольфович! Но инстинкт его работает в верном направлении: об этом кричат ключевые слова: **стабильность, ...спокойствие...** и **БОРЬБА ЗА СОБСТВЕННОСТЬ.** Он, Жириновский, не хочет борьбы за собственность, т.е. социальной революции. "Но для разжигания войн требуется горючий материал, — продолжает он. — И вот здесь как нельзя лучше годятся "перманентные рево-

люционеры — Рахметовы, Че Гевары, Лимоновы, а также всякие фюреры, дуче и тому подобная компания". (Это уже ругательства, Владимир Вольфович, а таковые есть признак лености ума!) Далее он вдруг ни к селу ни к городу поучительно добавляет: "Результат же войн, для тех, кто в них участвует, всегда плачевен". Окститесь, Владимир Вольфович, вам ли, автору "Броска на юг", такое ханжество на душу брать. Ваш "бросок" обойдется миру в многие миллионы душ!

Жириновскому настолько ненавистна идея Революции как таковой, что он не останавливается даже перед тем, чтобы представить меня как агента Запада! "Невольно закрадывается вопрос, — пишет он чуть выше, — **не отражает ли философия "боевых действий" Эдика Лимонова сокровенное желание Запада посадить нам на голову диктатора** /.../ Не хотят ли они нам в третий раз за век занести бациллу войны, теперь уже внутренней, чтобы мы потонули в нестабильности /.../ Для этой цели как нельзя лучше подходит энергичный мужчина средних лет в кепочке "хаки", коротко постриженный и пишущий зажигательные статьи".

Владимир Вольфович — влюбленный в себя по уши, по природе своей человек равнодушный. Не я вызываю его такую эмоциональную неприязнь, но идеи и верования, которые он во мне обнаружил при близком знакомстве. Но вернемся к партии.

ЛДП не существовало, потому что партия — массовая организация в конце концов вышла бы из-под повиновения Жириновского. Почему грузовичок ЛДП всегда стоял на обочине митингов коммуно-патриотов? Нет, не только потому, что Жириновского не очень хотела или вовсе не хотела, смотря по погоде, "Трудовая Россия", но главным образом потому, что ЛДП была карманной, кабинетной партией. В одиночку ЛДП могла созвать сотни, ну до тысячи человек. Потому Жириновский паразитировал на патриотах.

Зачем ему понадобился теневой кабинет? Во-первых, еще раз следовало привлечь внимание к Жириновскому. Тогда средства массовой информации заняты были анпиловскими битвами против — "Империи лжи" и событиями в Приднестровье. Во-вторых, Владимир Вольфович разумно решил усилить себя за счет союза с известными в оппозиции людьми. В то лето он организовал обед для лидеров оппозиции. Пригласил, заплатив, как он утверждает, много тысяч, в ресторан (если я не ошибаюсь, в "Крутояр", принадлежавший Венгеровскому, ныне второму человеку в ЛДПР и зам. председателя Государственной Думы) Анпилова, Зюганова, Проханова, Алксниса, Стерлигова и многих других. "Представля-

ешь, Эдуард, — жаловался он мне позднее, — стол накрыт, всякие там яства, икорка, все что ты хочешь... Не пришли. Алкснис, правда, явился, кушал с удовольствием. Анпилов подъехал в такси, спросил, есть ли среди нас депутаты России, и, узнав, что нет, уехал, сказав, что без присутствия депутатов не останется, боится ареста, якобы выпущен ордер на его арест... Не явились, большие деньги я заплатил из моего собственного кармана..." Говоря на пресс-конференции в день презентации кабинета о том, что "некоторые министры кабинета не могут объявить себя сегодня, потому что занимают посты", Владимир Вольфович имел в виду далекую и туманную возможность того, что ему удастся уговорить еще несколько "звезд" оппозиции, помимо меня. Помню, что он и я собирались уговорить полковника Алксниса занять какой-нибудь пост в кабинете, но, кажется, ни он не собрался сделать зто, ни я.

Короче, Владимир Вольфович, сопровождаемый Владимиром Михайловичем с бычьей шеей (легенда гласит, что В. М. бывший телохранитель Брежнева, а тот в свое время передал его Бабраку Кармалю, к Жириновскому же он якобы пришел благородно ведомый политическими убеждениями последнего), ходил по всем тусовкам, где присутствовали журналисты, а кабинет занимался собой. В один из июньских дней, на серебристой "Вольве" Бузова — министра внешней торговли, я посетил дачу Митрофанова, министра иностранных дел, на Николиной Горе. Был еще Жариков, конечно Архипов, и какие-то свободно заменяемые девочки. Позднее жена моя Наташа Медведева, познакомившись с "молодежным крылом партии", с присущим ей чувством образности назвала моих тогдашних товарищей министров командой "**КВН**"*. Юмористы, шут-

* Клуб Веселых и Находчивых — известное советское молодежное телевизионное шоу. Близкое к бурлеску и студенческому "капустнику".

ники, любители выпить и разыграть. Талантливый и хаотичный Жариков. Казавшийся добрым, но оказавшийся злым сплетником Архипов, — это ему Жириновский обязан доброй частью уток и розыгрышей общественного мнения, благодаря им создалась легенда Жириновского, "коммерсант" Юра Бузов и его "телки", интриган Леша Митрофанов, отпрыск "благородных" родов номенклатуры.

Дача же Митрофанова заслуживает того, чтобы описать ее подробно. Портрет дачи Митрофанова нужен здесь, чтобы понять, кто такой Митрофанов, а это, в свою очередь поможет понять, интересы кого же защищает Жириновский. Летом 1992 года этот портрет дачи был опубликован в газете "Советская Россия".

"Конец июня. Посещение бывшей дачи Мураховского, экс-друга экс-Горбачева. До этого дача была местом обитания предыдущих вельмож. Меня и нескольких молодых людей из партии Жириновского привез сюда на поучительную экскурсию человек из Министерства иностранных дел. Я никогда не видел мест обитания советских вельмож. Придя в сознание в одной комнате, я так и ушел впоследствии от родителей из одной комнаты во взрослую жизнь, где меня тоже ждали... комнаты...

Как корабль, оснащенное палубами многочисленных террас и трюмами сауны, бассейна, гимнастических залов стоит в старом сосновом бору нелепое, где трех, а где и четырехэтажное сооружение. Бесполезно огромные спальни. Банкетный зал на черт знает сколько персон. Террасы. Самая огромная — асфальтирована! Мебель, очевидно лучшая из возможных, поражает своим вычурным мещанством едва ли не 19-го века. Множество дверей, переходов, лестничных маршей, вешалок... Нет, однако, библиотеки, нет вообще ни единой книги! И как я не старался, я не нашел ничего похожего на рабочий кабинет хозяина.

В сонном кисловатом мареве, в паутинах, в запахе плесени плавает вокруг сосновый лес. Зудит комарами. Сосны, судя по чудовищной толщине ствола, — столетние, если не двухсотлетние.

В настоящий момент дача находится в ведении Министерства иностранных дел. Министерство собирается дачу сдавать за 22 миллиона в год. По-прежнему живет в глубине участка, если пройти по асфальтовой дороге — семья обслуживающая дачу. К сосне привязана темная, неприятно-молчаливая, худая

немецкая овчарка со злыми глазами. У семьи лакеев свой дом о двух этажах, сам по себе приличная дача. Лакей-мужчина до сих пор сговорчив, послушен, и заискивает перед человеком, приведшим нас. Женская половина семьи зло ворчит и время от времени отказывается выполнить приказания: отпирать ту или иную дверь. Она этого не произносит, но поведение ее ясно выражает следующий текст: "Ездят тут всякие! Нет на вас настоящего хозяина!"

Я попробовал углубиться в природу, в участок. Трудно. Когда воздвигали жилища вельмож, их воздвигли в лесу, разгородив лес на участки заборами. Я обнаружил гигантский ствол сосны, спиленный, да и брошенный. Видны попытки распилить ствол и убрать его. Но работа не закончена, распилы старые, перестройка и здесь не удалась. Отступились перед тяжелой работой. Будет гнить мощное дерево.

На чудовищной величины банкетном столе съели мы привезенные с собой припасы: колбасу, огурцы, помидоры, и выпили пива. Из двери обшарили стол, я успел увидеть торжествующе-презрительные глаза прислуги. И спрятались. Вероятно, подумала: колбасу! На таком столе! Где гусей и кабанов, и медвежатину поедали!

Шофер свозил нас к Москве-реке. Мелкая, с быстрым течением и довольно чистой водой. Пустые гнезда ласточек ли, стрижей, в обрыве на том берегу. На песке несколько групп купальщиков и купальщиц с холеными лицами и телами. Дети вельмож, их внуки? Искупавшись, мы вернулись.

Я побродил еще по дому, пытаясь понять: что за жизнь была тут у советских вельмож? Дачная, по Чехову, сытая и сонная. Завтракали, обедали, спали после обеда. Парились в сауне, пили водку и ликеры, принимали гостей, подолгу засиживались на террасе, сплетничая. Натирались мазями от комаров. Ездили купаться в Москве-реке. Окруженные толстыми детьми, смотрели в банкетном зале телевизор. Ну ладно, книги, предположим, вывезли. Но никаких следов работы какой бы то ни было, умственной ли, физической ли, я не обнаружил. Давно не ремонтированные, стены, однако, девственно нетронуты: никаких следов кнопок ли, гвоздей ли, приколоть к стене карту, диаграмму, да, черт возьми, просто фотографию старых родителей, да последнюю депешу АПН или "Ассошиэйтед Пресс", чтоб вчитаться, на несколько часов приколоть... Я нашел великолепную светлую комнату на третьем этаже и, расхаживая по ней, думал: здесь он мог поставить себе "зирокс-машину", здесь — "факс", тут бы можно было поместить

несколько телетайпов — чтоб получать новости прямо сюда. Здесь — стеллажи с нужными справочными изданиями... Но нет, никаких следов РАБОТЫ я не нашел. Лишь следы ПРАЗДНОСТИ.

Вот как они потеряли власть. Вот здесь они потеряли власть, задолго до того, как ее вырвали у них из рук. (Их завистливые, менее ожиревшие, чем они — ЗАМЫ и эксперты. Ельцины и юристы Собчаки.)

Когда умер истовый тиран, не дававший отдыха ни себе, ни другим, чье окно светилось в Кремле до трех утра, партия стала быстро терять форму и обрастать жиром. Дотоле великолепный военно-монашеский орден — мускулистый и суровый — партия, изнежилась и всего лишь в тридцать лет стала организацией, возглавляемой дачниками. Здесь, в сытой жаре, под писк комариный, в пару сауны, под цветное мелькание телевизора и потеряли они власть, задолго до 1985 года. Так жиреют неизбежно и наживают себе болезнь сердца небегающие охотничьи собаки.

Если чеховский "вишневый сад" стал символом крушения помещичьей жизни, то Дача партийного вельможи — символ одряхления партократии. Правящий класс-импотент, увы, изгнан с дач классом-полуимпотентом. Когда я уезжал, шофер МИДа отвозил меня в Москву, через улицу в даче напротив ворота были настежь распахнуты. Рабочие сгружали с грузовика новенькие радиаторы. Многие десятки. "Утепляются! — вздохнул шофер. — Мне бы один такой". "Чья дача?" — спросил я. Он назвал фамилию известного аппаратчика. "Во время революций, первыми всегда овладевают властью те, кто при старом режиме был к ней наиболее близок. В 1789 г. аристократы были первыми, кто взял власть...", вспомнил я слова Маркса. Разумное наблюдение это подтвердилось с тех пор множество раз, стало правилом. Главой первого правительства, сформированного после февральской буржуазной революции, был князь Львов, главами сегодняшних буржуазных и националистических республик, образовавшихся после буржуазного государственного переворота 21 — 24 августа 1991 г., стали секретари ЦК и партвельможи: Ельцин, Кравчук, Шушкевич и иже. Но долго они в хозяевах дач не удержатся. Закон исторического детерминизма неумолим. У злых и голодных неизбежно оказывается больше энергии и воли к власти.

Кого я имел в виду под злыми и голодными? Жириновско-

* Т. е. в заместителях, во втором эшелоне власти, на одну социальную ступень ниже.

го? Если нынешние правители ходили в **замах*** горбачевцев, то выходец из мелких чиновников Жириновский и в самом деле в сравнении с ними злой и голодный до номенклатурной жизни. То есть, совсем далеко от нее отстоял последние двадцать лет.

Я пощадил тогда хозяина дачи — он был союзник и попутчик. Тогда, признаюсь, Митрофанов показался мне таким же бесполезным, как и дачное гнездо в комарином лесу. Я ошибся. Леша Митрофанов не только принадлежит к мальчикам-банкирчикам, то есть к тем, кто выигрывает от прихода Жириновского к власти (если), но и таланты — впоследствии это проявилось — оказалось у него есть, и какие! О таланте перекупщика, ростовщика я уже говорил: он будет сдавать внаем дивизии русских солдат, этот человек с внешностью ближневосточного торговца рахат-лукумом. Его талант интригана выявился чуть позднее: в ноябре 92-го. Что касается дачи, то я до сих пор не знаю, в каких отношениях с ней состоит Митрофанов. Он живет там вместе с юношей по фамилии Саша Филатов. Прекрасный и высокий молодой блондин, кажется, не выполняет подле него функции Владимира Михайловича подле Жириновского. Он скорее "компаньон" и секретарь. Порученец и денщик.

"Здесь недалеко живет в своей даче защитник пролетариата Зюганов. Хочешь посетить?" — спросил меня ехидный Архипов, когда мы возвращались в Москву.

Помимо посещения дачи Митрофанова я под давлением Архипова, а на него надавил Жириновский, встретился тогда зачем-то с подругой Владимира Вольфовича: Надей Хоффманн. Надя замужем и живет в небольшом городке в Германии.

Следуя не совсем понятному мне самому инстинкту осторожности, я почему-то встретился с ней в присутствии моего издателя Александра Шаталова, в ресторане Дома Литераторов. Хотел иметь свидетеля? Надя Хоффманн оказалась энергичной, черноволосой молодой женщиной. Беседа с ней в основном состояла из ее вопросов и моих ответов, касающихся моих книг. Если верить Наде: молодая еврейская женщина была моими книгами так или иначе тронута. Помню, что я, как всегда, куда-то спешил, мы пили водку, и она очень много курила. И уговаривала меня остаться, еще дольше, поговорить. Подослал ее Владимир Вольфович с каким-то заданием? Думаю, что ей просто было любопытно посмотреть на "живого Лимонова". Живого Жириновского, ей, как видно, было мало. Впоследствии она присылала мне несколько открыток и коротких деловых записок по разному поводу. Я знаю о Наде Хоффманн и об ее отношениях с Жириновским куда больше, чем хочу рассказать, но природная порядочность говорит мне "остановись". Ведь далее пойдут уже удары ниже пояса.

Наши встречи в подвале в Хлебном переулке, поездки на дачу трудно было принять за партийную деятельность. На Рыбниковом переулке аппарат партии копался в бумагах, заводил формуляры и папки, но делали они все это вяло и без энтузиазма. Анпиловская кампания против "Империи лжи" отвлекла журналистов, и Жириновский ходил хмурый. На последнем этаже здания на Рыбниковом, однако, возились рабочие. В один из визитов партийный товарищ Жемло показал мне почти законченный кабинет Владимира Вольфовича, светлый и со множеством окон. Другой партийный товарищ, фамилии его я не запомнил, седой, с помощью хорошо отработанных церемоний пригласил меня занять стул у старого стола и с еще большим количеством церемоний заполнил на меня учетную карточку. То есть, фамилия-имя-отчество-дата рождения и прочие данные, от которых не избавишься. Архипов позднее сообщил мне, что седовласый — отставной военный из ГРУ, что Жириновский набрал себе "партократов", с ними ему спокойнее.

Я выразил товарищам по кабинету свое недовольство. Архипов ответил мне с вызовом: "А что же вы думали, Эдуард? Это вам не Сербия, они там все с турками смешаны, южные славяне, потому и воюют, а мы, русские, умные северные славяне и гражданской войны не допустим". Но у меня сложилось впечатление, что и они недовольны своей пассивностью.

Встречая тогда едва ли не ежедневно Анпилова, я, помню, сказал ему, столкнувшись с ним в вестибюле дома на Цветном

бульваре, 30 (там помещался "День"): "Используйте меня, а Виктор, я в дело рвусь!" В своем блокноте нахожу такую запись: "Анпилов, этот завораживает присутствием. Он из племени Робеспьеров, этот мужик. Превосходит других. Он человек действия, а не говорящий ящик..." Говорящим ящиком я зло назвал Жириновского. Однако в тот день, когда я должен был встретиться с Анпиловым, Жириновский позвонил и сообщил, что мы летим к казакам. Затем трубку взял Архипов и объяснил, где мы встретимся.

Может быть, партии не было до самого конца 1992 года, но она вдруг появилась к выборам в декабре 1993-го? Даже беглый взгляд на список депутатов ЛДП в Государственной Думе подтверждает как раз обратное. Фракция ЛДП в Думе — это обслуга Владимира Вольфовича, его домочадцы, родственники и случайные прохожие. Цитирую по "Российской газете" за 12 ноября 1993 г. "Общефедеральный список от избирательного объединения "либерально-демократическая партия России". Под номером пятым значится знакомый жилец дачи на Николиной Горе "Митрофанов Алексей Валентинович, 1962 г. рождения, экономист-международник, г. Москва".

Не понятно, что это такое: экономист-международник. Не понятно, как Леша Митрофанов стал таковым экономистом, но это он, предлагавший сдавать внаем кантемировскую или таманскую дивизии. Не откажу себе в удовольствии процитировать этого молодого человека еще раз, из статьи "Наша линия — разумный эгоизм, наша цель — мировое господство": "Конечно, кто-то из иностранцев очнется первым, когда люберецкие качки будут кричать на них во всех барах Европы и Америки "Ну ты, козел!", когда наша мафия начнет лить воду в их бензин на всех автоколонках мира, а наши девочки начнут чистить их карманы". Или вот такой перл: "Зачем спасать негров от голода? Захотят — продадим зерно, причем деньги вперед. Попросят — и наркотики продадим". Какой великолепный международный экономизм, не правда ли? На тридцать втором месте в списке ЛДП — сестра Леши, Митрофанова Элеонора Валентиновна. Она тоже экономист-международник, 1953 г. рождения, г. Москва.

О существовании сестры я от Митрофанова никогда не слышал, но перед выборами отрыли и сестру. Владимир Вольфович, естественно, посадил в Думу своих слуг и их родственников. Чтобы все были связаны круговой порукой. Потому оказался там под номером сорок восемь и компаньон Митрофанова, Филатов Александр Валентинович, 1967 г. рождения,

г. Москва, машинист тепловоза".(!) Непонятно, почему он назвался машинистом тепловоза? Я не видел, чтобы он тепловозил что-либо на даче на Николиной Горе. В любом случае, что он делает в Думе, этот вполне симпатичный молодой блондин? Думает? О чем? О том, что нужно съездить в магазин дачного поселка за иностранным пивом для Митрофанова?

А что делает в Думе депутат (в списке ЛДП он под номером 23) Борзюк Владимир Михайлович, 1952 г. рождения, рабочий, руководитель региональной организации ЛДПР, г. Орел? Ясно, что телохранитель Владимир Михайлович делает то же, чем занимается уже три года: охраняет Жириновского. Цинизм, посадить в Думу своего "бади-гард", дальше этого зашел только Калигула, посадивший в римский сенат своего жеребца. Это хамское неуважение к России и ее народу. Владимир Михайлович человек вполне симпатичный и не злой, скорее добродушный, но какая от него польза в Государственной Думе? По всей вероятности, сидят в Думе и две дочери Борзюка, но не могу сказать точно, не знаю их фамилий после брака. Каким образом Борзюк может быть руководителем организации ЛДП в Орле, если он с утра до вечера подле Жириновского?

На шестом месте — Жебровский Станислав Михайлович, 1942 г. рождения, издательский работник, член Высшего совета ЛДПР, г. Москва. Этот ЛДП, вместе с Жириновским они сидели в издательстве "Мир", и там же создали партию и прописали ее там же (1-й Рижский переулок, 2, комн. 41, изд-во "Мир"). Едва ли не единственный человек в списке, которого можно назвать "член Либерально-Демократической партии".

Бузов Юрий Евгеньевич, 1955 г. рождения, значится под номером двенадцать, банковский работник, член теневого кабинета министров ЛДПР, г. Москва, уже знаком читателю. Продает конфеты для испанской фирмы, хороший парень если с ним выпивать и веселиться. В его квартире я заметил-таки одну книгу — телефонную.

На восьмом достойном месте в списке ЛДПР значится Венгеровский Александр Дмитриевич, 1953 г. рождения, научный работник, член Высшего совета ЛДПР, г. Москва. Об этом импозантном (усы и бородка "эспаньолкой"), высоком и барственном, смахивающем на Бабурина человеке я напишу поподробнее в следующих главах. Здесь я приведу лишь его заклинания из интервью, данного "Аргументам и фактам" нр. 4, 1994 г. "У нас есть руководитель партии, есть политбюро, это все — команда председателя. Я член команды председателя Жириновского, мы стоим на одинаковых позициях"... /.../ "Наша си-

ла — это единство. У нас руководитель один, здесь нет никаких сомнений — это Жириновский". "Пока в парламенте он немногословен", замечает газета. И всегда будет немногословен, добавлю я от себя. Ни к политике, ни к законодательству Александр Дмитриевич неспособен. Его специальность — электроника летательных аппаратов. Он помог ЛДП, дал денег, я полагаю, не своих, но институтских, надеясь, что партия поможет ему и его институту выжить (их пыталась лишить помещения какая-то иностранная фирма). Венгеровский совладелец ресторана "Крутояр". Народ должен знать своих избранников, так, кажется, говорили до 1985 года?

Кашпировский Анатолий Михайлович, 1939 г. рождения, врач-психотерапевт, г. Москва, значится в списке ЛДП десятым. Некогда он несколько лет лечил по телевидению население СССР: зарубцовывал раны, выращивал волосы, превращал седые волосы в черные. Позднее власти все же догадались закрыть его передачу, стыдную для такой страны, как Россия, но, может быть, подходящую для Гаити, с ее традициями культа вуду. Жириновский взял Кашпировского в свой список как очень известного человека, дабы торговать списком ЛДП было бы успешнее.

Некто Ковган Александр Анатольевич, 1958 г. рождения, микробиолог, г. Москва, не попал в Думу, потому что значится в списке ЛДП на сто четвертом месте. Когда-то его знакомил со мной Архипов, по просьбе Ковгана я звонил в какие-то банки, прослеживал судьбу денег, переведенных Ковганом в оплату за 20 автомашин. Деньги затерялись в дороге, и якобы кто-то использовал его деньги. Почему я должен был звонить в банки? По мнению Ковгана, у меня громкое имя в стране, и он надеялся, жулики ко мне прислушаются. Но при чем здесь законодательство и Государственная Дума? В том-то и дело, что не при чем. Совсем случайные люди пришли в Государственную Думу от ЛДП. Тотально неспособные работать в Думе. Отбирал их Жириновский по степени послушности и по степени бесталантливости, дабы они не составили ему конкуренции.

Сорок четвертым в списке ЛДП значится "Лукава Георгий Григорьевич, 1925 г. рождения, философ, профессор, г. Москва". Лукава успел опозориться при открытии первого заседания Государственной Думы. Лукава открыл заседание, как старейший по возрасту депутат. Умеющий торговать Жириновский пригласил Лукаву в список ЛДП с тем, чтобы открытие первого заседания ГосДумы принадлежало ЛДП. Лукаво? Лукаво, конечно, Лукава! "Новая газета" от 13 января живописует приключе-

ния Лукавы и Жириновского в ГосДуме: "...**Депутаты предприняли попытку смещения председательствующего, ввиду полной беспомощности последнего.** Однако лидер фракции ЛДПР Владимир Жириновский усмотрел в этом покушение на честь и достоинство своей партии. От микрофона он отдал Лукаве приказ: "Никуда не уходить, отключить микрофоны и никого не пускать на трибуну!" В крайнем случае, посоветовал, "вызвать милицию". Беспомощный, 68-летний Лукава, сказал "Комсомольской правде" 13 января: "Являюсь членом Компартии России, но меня в Думу выдвинула ЛДПР на основании того, что я в июле прошлого года участвовал в научно-практической конференции этой партии, где выступил с докладом "Духовная готовность и ее роль в преодолении кризиса". "Комсомольская правда" называет Лукаву "бывшим летчиком гражданской авиации", и он таки выступал на первом заседании съезда в форме летчика. Так философ он или летчик? В любом случае, случайный человек.

Жириновскому партия не нужна и даже вредна. Его команда — избирательная, по выборам Жириновского в президенты. Выбранный (упаси нас, господи, от этого несчастья), он будет пользоваться готовым аппаратом государства. Потому все люди вокруг него взаимозаменяемы. Потому он насовал в список ЛДП черт знает кого (множество юристов — очевидно, бывшие сослуживцы) и тем оскорбил и осквернил высший законодательный орган России. Принес в Думу базарные нравы.

Когда я полетел с ним в Краснодар в 1992 году, естественно, все это мне было неизвестно.

"МЫ ЕЗДИЛИ С НИМ ПО СТРАНЕ"

В десять утра, на углу Ленинского и Университетского проспектов, у магазина "Кинолюбитель" (закрытого навечно), меня подобрала "Волга". Жириновский на переднем сиденье, сзади Архипов и Владимир Михайлович. Они потеснились, давая мне место. Жириновский был молчалив. Архипов оживленно, студентом-спортсменом вертелся, сообщал и комментировал новости и сплетни. На подъезде к Домодедово Жириновский приказал шоферу: "В депутатский", — и тот послушно устремил "Волгу" к воротам в металлической ограде. Ворота были открыты, однако въезд прикрывал шлагбаум. В будке рядом со шлагбаумом видна была голова молоденького милиционера в фуражке.

"Куда?" — сказал милиционер. "В депутатский, в депутатский", — сказал шофер, молодой, не очень уверенный в себе парень. "Депутатский мандат?" — потребовал милиционер. Машины Жириновскому высылала какая-то автобаза по безналичному расчету, то есть это не был шофер ЛДП. "Что за проблема, какая проблема?" — Жириновский очнулся от своих мыслей и был сердит. "Депутатский мандат требуют". "Какой мандат, скажи ему, кого везешь..." Жириновский наклонил голову к плечу шофера, пытаясь увидеть милиционера: "Эй ты, иди сюда, посмотри, ты что, не знаешь, кто я?"

Французы называют такое наглое поведение "иметь кюлотт", то есть иметь трусы". Владимир Вольфович имеет наглость — "трусы". Я же тогда именно в первый раз вспомнил своего директора продбазы и подумал, как же Жириновский похож на него. "Иметь трусы" — это

лезть без очереди, нахрапом, презирая установленный порядок. Милиционер вышел из будки, наклонился, смутился, засмеялся, покачал головой и поднял шлагбаум.

В депутатском зале Архипов и Владимир Михайлович стали считать мелкие деньги, пятерки и трешки лежали у Архипова в чемодане блоками. Посчитав, сдали в кассу. Раньше всех, первыми, за полчаса до простых смертных провела нас толстая служащая депутатского зала через летное поле к самолету. Там мы удобно устроились по двое: я и Архипов, Жириновский и Владимир Михайлович. И меня, и Жириновского узнал экипаж. Оказалось, что в Краснодар мы, может быть, и не улетим. Нет бензина.

"Как нет?" — возмутился Жириновский. — Либерально-демократическая партия летит по приглашению атамана Громова и казачьей рады в Краснодар и, видите ли нет горючего... Должны достать. Я вот сейчас пойду, и горючее будет! Сколько нужно горючего?" Он стал приподниматься.

"Да сидите, вождь, — остановил его Архипов, — я схожу..."

"Да, именно вот сходите с Эдуардом, покажите, на что вы способны... Эдуард известен не меньше меня, ему не смогут отказать..."

"Пошли, попробуем, — я встал, — никогда подобной работой не занимался, но попробуем..."

"Ничего сложного, — фыркнул вдогонку нам Жириновский, — это вам не книжки писать, будьте с ними потверже..."

Мы спустились по трапу и пошли с Архиповым через летное поле к зданию, на которое нам указала стюардесса. По дороге Архипов поучающе рассказывал мне об интендантских доблестях Владимира Вольфовича, о том как, он САМ обивал пороги Моссовета и районных советов в поисках помещения. Грозил, упрашивал, соблазнял. "Но помещение на Рыбниковом нашел ему я," — гордо сказал Архипов. Мы пришли, поднялись на второй этаж здания, в комнату, где по обе стороны были прилавки, как в старой советской почте или в баре. Несколько пожилых мужчин в синей форме и одна женщина населяли комнату. Архипов выдал всем им по номеру "Сокола" и по номеру "Юридической газеты" и объявил, что Либерально-Демократическая партия, ее теневой кабинет во главе с Жириновским, летит в Краснодар, но что нашему самолету отказали в горючем. Газеты они взяли, но на славное имя ЛДП не прореагировали. На имя Жириновского женщина подняла голову от бумажек, которые изучала: "Это что, сумасшедший этот, что водку дешевую к выборам обещал?" "Как вы можете", — сказал

я. "А это известный писатель Эдуард Лимонов, член теневого кабинета ЛДП, — сказал Архипов. — Читали?" Один из мужиков читал. Пришел еще один, седовласый в фуражке, и сказал, чтоб мы не разводили тут политическую пропаганду. "Это как раз наш принцип, — сказал Архипов. — ЛДП выступает за деидеологизацию государственных и частных организаций, и предприятий, и Армии". Завязался коллективный разговор. Подошли еще пара типов и попросили газеты. Архипов, к сожалению, должен был им отказать, так как газеты мы везли в Краснодар, для раздачи казакам.

К моему удивлению, нас не послали куда подальше, но при нас выписали бумагу о выдаче нашему самолету масел и горючего. И продолжая спорить с нами, даже отвели нас к самолету. "Русский человек всегда с виду неприступный, а как разговоришься, можно из него выдавить что ты хочешь, — первая заповедь Вольфовича," — сказал Архипов, когда мы взбирались в самолет. Там уже сидели пассажиры. Во время полета Архипов, злорадно улыбаясь, подсчитывал, кто дал больше автографов: Жириновский или Лимонов. Мы шли с Жириновским почти наравне, но к концу полета я обогнал его.

В Краснодарском аэропорту, уже на летном поле, на нас набросились журналисты и телевидение. Не как в Москве на пресс-конференции, но несколько фотографов и пару камер. Можно было уйти, пройти незамеченными без труда, но целью Жириновского было как раз противоположное — пройти так, чтобы все заметили. Поэтому он долго метался по летному полю, останавливаясь, произнося речь перед телекамерой, возвращался в глубину летного поля и никак, по-видимому, не хотел выходить. В конце концов нас все же заставила уйти с поля их местная охрана. В дверях была давка, конечно, не Владимир Вольфович ее организовал, но он явно ей способствовал. Я получил свою долю внимания, свою порцию вспышек, но следует принять во внимание, что я уже с 1980 года живу под пристальным вниманием критики и лучами прожекторов: писатель, автор книг, переведенных на пятнадцать языков, я тоже, как все, неравнодушен к известности, но мой аппетит удовлетворен. Множество томов моих пресс-книжек тому свидетельство. Ненасытная же жадность Жириновского (и не только его, я видел, как наслаждаются вниманием: камерами и фотообъективами патриоты, коммунисты, да лидеры любых политических убеждений. Депутаты в Вороново тоже позировали. Увы!) к вниманию прессы и телевидения объясняется конечно же тем, что до сорока пяти лет он просидел в чулане своей

квартиры на окраине Москвы. Никем не узнан и не признан. Конечно, и тогда возможно было стать известным, но цена была слишком высока, и он не хотел рисковать. Мы с Жириновским ровесники. Но я свое первое интервью дал в 1971 году, опубликовано оно было в феврале 1972 года в испанском журнале "Дестино". В 1969 году я уже убегал от КГБ из одной московской комнаты в другую. В 1973 году я был впервые задержан КГБ. То есть, я свои интервью заработал: я рисковал. Владимир Вольфович не хотел рисковать "Запорожцем" и квартирой на окраине. Потому он истосковался по славе и известности, как в тюрьме мужик тоскует по женщине. И вот теперь он метался по аэропорту, обмасливаясь в лучах признания. Я воспринимал это как досадную задержку и ждал пока он закончит свой брачный танец перед журналистами. Какой-то тип уговаривал меня меж тем издать любую из моих книг в его издательстве, а другой тянул меня выпить, отрывая рукав, так как "ты все правильно пишешь".

В гостинице "Москва" на улице Красная (главная артерия Краснодара) поганого вида баба за конторкой сказала мне, что я должен платить за номер валютой. Владимир Вольфович, стоявший в стороне, и вся наша команда возмутились. "На каком основании?" Выяснилось, что на основании того, что я прописан в Париже. Пусть у меня и советский паспорт. Меня прописали фальшиво под именем Погребского. Я же с удивлением подумал, что не только Родина никогда не дала мне даже квадратного метра жилплощади, но и Москву я покинул в 1974 году, в день, когда у меня заканчивалась временная московская прописка. И вот меня знают миллионы читателей в лицо, а прав у меня все равно с гулькин нос. Верховный Совет СССР и Горбачев гражданство возвратили, народ на улицах России узнает, а для этой мымры — я все равно иностранец. Погребскому достался номер на двоих, вместе с капитаном первого ранга Мусатовым. Он прилетел раньше нас и встречал нас в аэропорту. Но в Краснодаре у него не было квартиры, а двое из четырех его братьев жили в станице "Северская", куда мы должны были отправиться вечером этого же дня. Жириновский, — вытребовал себе отдельный номер. Как я убедился впоследствии, свои права главы партии он понимал очень широко и пользовался ими без стеснения. Никакого братственного чувства к себе подобным, будь они и членами ЛДП или кабинета, я не замечал у него.

Пообедали наскоро в ресторане (только несколько фигур за пустыми столами помимо нас), где народ — подавальщики, офи-

цианты, директор и прибежавшие всякие счетоводы, и кладовщики, и буфетчики, и их дети, жены и любовницы, зверели вокруг нас в экстазе. Глаза у провинциалов были круглые: у одних от удовольствия, у других от негодования. Через сдержанно-ропщущее население мы отправились на пресс-конференцию в редакцию газеты "Комсомолец Краснодара". Когда мы прибыли туда, начался дождь. Во время пресс-конференции я сидел рядом с Жириновским. Он говорил с удовольствием, опять повторяя тот же речевой шаблон поведения: двойной ответ: вначале собственно ответ, затем сам его повторяет, пародируя. Журналисты были настроены весело. Жириновский, подыгрывая им, искусственно вошел в раж, повторил свои выпады против Прибалтики. Журналисты были довольны, ибо именно этого они ожидали. Мне досталось немалое количество вопросов, в основном их интересовало, почему я в кабинете Жириновского и почему у меня такая, по их мнению, "зловещая" должность. Хотите быть Дзержинским? Журналисты все неоригинальны, естественно было ожидать такие вопросы после того как, "Московский комсомолец" тиснул свое "Жириновский завел себе железного Эдика". Остальных наших членов кабинета, Мусатова, — между тем, местного, из казаков, пресса не замечала. Архипов — министр информации вынужден был не участвовать. Сольное пение Жириновского выглядело (я — не в счет) неприлично. Ведь он приехал представить кабинет.

На нескольких машинах, не заезжая в гостиницу, отправились мы в станицу Северскую. Сквозь все усиливающийся дождь проехали земли адыгейцев, пересекая их. С некоторым трудом в сером дожде и падающей быстро чернеющей ночи нашли Дом культуры. Когда вылезали из автомобилей, гремел гром и полыхали молнии. Станица показалась мне большой и зажиточной. Как в Югославии. Обыкновенные русские села много меньше и много беднее.

В Дом культуры, несмотря на дождь, группами и в одиночку собирались казаки. Многие в форме. Начавшись как мода, казачья форма, однако, привилась и стала в конце концов привычной. Пока они собирались, Мусатов успел познакомить меня с усатым казаком по фамилии Мироненко, другом своего детства. Я влез вместе с "другом детства" в старый "Москвич", там у них оказалась теплая компания, бутыль самогонки, куски жареного мяса. Забыв о ЛДП и Жириновском, я с большим удовольствием выпил с мужиками самогонки, поведал Мироненко, что моя настоящая фамилия Савенко, и мы выпили еще.

Стекла запотели, казаки подобрели, и я почувствовал себя так, как будто прожил в Северской всю мою жизнь.

Однако нужно было идти на сцену. В вестибюле обнаружилось, что многие меня узнают. Атаман станицы Князевской — усатый, здоровенный, в черной корниловской форме казак — долго жал мне руку, благодарил особенно за одну из статей в "Советской России", за какую именно, я, увы, забыл. По пути на сцену я еще успел дать интервью корреспонденту газеты "Юг". Мусатов привез мне впоследствии множество газетных вырезок, живописующих поездку кабинета в Краснодар, но кто-то из его близких, жена или дочь, увы, выбросила "старые", как ей показалось, газеты.

Когда мы сели на сцени меня назвали, раздались аплодисменты. И какие! Годы публикаций (два года к тому времени) в советской прессе, в "Советской России" таки сделали мое имя известным от Москвы до самых до окраин. Пообщаться с казаками со сцены мне не удалось, ибо Жириновский закатил речь длиною больше часа. За неимением другого занятия, вынужденно выключенный, я наблюдал за залом. Вначале казаки были настороженно-молчаливы. Дабы не повторяться, приведу здесь отрывок из моей статьи "Извращения Национализма", в которой описан соответствующий эпизод, и мои реакции.

"Помню, сидя в станичном клубе рядом с Жириновским, произносящим часовую речь, я пытался преодолеть неловкость, причины ее я уже объяснил выше./ "Его поливы /.../ уносят его все дальше от программы ЛДП, заносят в самый настоящий популистский национализм. В идеологию, основой которой может быть только РУССКАЯ НАЦИЯ. Именно с этой идеологией, устно высказанной в его поливах, получил Жириновский 6,2 миллиона голосов на выборах в президенты России. С программой ЛДП он не собрал бы и сотни тысяч, ибо подобные же расплывчатые программы были и у нескольких других, куда более известных претендентов. Ошеломленный своим собственным успехом (он до сих пор еще переживает его), Жириновский, однако, с тех пор находит себя в щекотливом, если не сказать — чудовищном положении. Ибо он не русский. Не русский, он знает, что победу ему могут принести только крайние русские националистические идеи. И потому вынужден заходить все дальше не в ту степь. Нерусский председатель партии ЛДП с программой образца 1991 г. никого не шокирует. Почему нет? Нормально. Первое правительство Народных Комиссаров могло без стеснения состоять из марсиан, ибо идеология была

не национальной. Но нерусский русский националист — извращение. Это ОЧЕНЬ СЛИШКОМ. Жириновский постоянно сам находится в неудобном положении и ставит в неудобное положение других. Так нерусский лидер, кричащий с плаката на стенах московских зданий: "Я буду защищать русских на территории всей страны!" вызывает неудобные пульсации, ассоциируется с председателем Общества защиты вымирающих индейцев или, хуже того — с председателем Общества защиты вымирающих животных, каких-нибудь панду или медведей коала. (Обращаясь с таким хрупким предметом, как национальная принадлежность, даже я испытываю неловкость и очень осторожно пытаюсь ставить слова: "А что подумают ваши? А что подумают наши?" — к сожалению, вертится у меня в голове). Я как русский человек все-таки (признаюсь) испытываю неловкость, глядя на этот плакат. Ну, наверное, и другим русским, как-то не по себе. Слишком уж. Что же получается, мы сами себя защитить не можем? **Почему националистические идеи у нас высказывает нерусский лидер**? Ну ясно, у него хорошие намерения, однако выглядит он в данном случае поощрительно-покровительственно, а мы, покровительствуемые и поощряемые, чувствуем себя ниже его, как обычно чувствуют поощряемые". /.../ "Как человек, сделавший своей профессией обращение с идеями (понятно ли читателю, что в моих статьях я чаще всего выступаю как идеолог и реже как журналист?), я не мог не приветствовать ЧАСТЬ ЕГО ИДЕЙ: они были своевременны, разумны и необходимы. И я знал, что они будут подхвачены и развиты впоследствии другими. (Другое дело, что Жириновский не знает меры, полив захлестывает его, он пародирует свои же идеи). Еще я сочувствовал ему, его личной глубочайшей трагедии (он очень одинокий человек), ибо он вынужден под давлением политической необходимости предать свое происхождение. Это всегда трагедия. Всякий раз, когда в моем присутствии он обрушивался на "сионистские силы", мне было неудобно за него. Была бы воля Жириновского, он, конечно бы, избежал бы таких эксцессов. Однако, как хороший политик, он знает, что в ответ на появление Ландсбергисов, Снегуров, Тер-Петросянов, нео-Шеварднадзе и прочих Туджманов и Изитбеговичей, неизбежно появление ИВАНОВА с большой буквы. И Жириновский знает, что за такого Иванова на следующих выборах проголосуют не шесть — намного больше миллионов"./

"...Я пытался преодолеть неловкость... По-моему, преодолевали ее мы все — и казаки, и сам Жириновский. Однако он

завоевал нас, все собравшиеся в клубе, за исключением трех человек, приняли его политический талант. Я сказал себе: конечно, он нерусский, и его бранчливая, сварливая манера говорить, как ругаться, выдает его лучше любого свидетельства о рождении. Но мне-то что, я не расист, Сталин, вон, был грузином, однако интересы России защитил. Точно так же, может быть, решили и казаки. Следует напомнить, что русский народ даже в своих заблуждениях — широкий, кровь для нас никогда не была важна. Куда важнее было, что человек говорил на нашем языке, жил по-русски и отстаивал русские государственные интересы. Однако верно и то, что по идеологии национализма мы еще никогда не пробовали жить".

В приведенном отрывке я в феврале 93 года пытался передать те эмоции и мысли, которые посетили меня там, в станице Северской, в дождливый вечер конца июня 92 года. Уже на следующий день я вынужден был сделать несколько очень значительных корректив к тому образу Жириновского, который у меня создался. ОЧЕНЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ. То, что я увидел и услышал, неприятно подтвердило мои подозрения. Но об этом чуть дальше. Тогда же, закончив речь, Жириновский отвечал на вопросы зала. Наслаждаясь собой. Говоря каждому именно то, что он хотел услышать. Среди прочего он грозился выселить армян из Краснодарского края (накануне Мусатов сообщил ему, что множество армянских беженцев с Кавказа скопилось в Краснодарском крае и армянские беженцы эти вызывают неприязнь казаков. Якобы армяне ответственны за большую часть преступлений), и этим вызвал бурные аплодисменты и одобрительные крики зала. Вечер закончился триумфом Жириновского. Уходя со сцены, я подумал, что какой же мы на фиг кабинет Жириновского, мы как избирательная комиссия по выборам Жириновского в президенты: выходим, сидим и ничего не говорим. Профессионально (мне ведь приходилось общаться с сотнями залов и аудиторий в России, Америке, Франции и других странах) я отметил несколько ошибок, им допущенных, основной ошибкой было его вечное качество СЛИШКОМ. От жадности он говорил СЛИШКОМ много, лавинами слов размывая только что сказанное.

Из Дома культуры нас немедленно повезли (оторвав от казаков) в военную комендатуру или милицию, я так и не понял, где мы — Жириновский первый по званию, (осторожно) стреляли в подвале из спортивного пистолета, а потом из "Макарова". Я почему-то сделал вид, что никогда не стрелял из пистолета, но Владимир Михайлович распознал, потому что

похвалил мою стойку (двумя руками, ноги врозь), и сказал что, мол, ты не боишься пистолета, тогда как Архипов вот боится. Затем через двор в темноте мы прошли в баню, где в чем мать родила парились и, выходя из парилки, ныряли в небольшой бассейн. Я люблю парную, потому парился дольше всех в нашем кабинете. Меж тем казаки накрыли в предбаннике стол: там было у них множество кубанской зелени, уха, сваренная в ведре (брат Мусатова, Борис, все его называли Боб, мужик 58 лет, с каменными мышцами наловил рыбы еще утром), была рыба жареная, мясо жареное и в большом количестве ароматная самогонка. Голый Боб Мусатов после нескольких тостов взял аккордеон, и казаки запели. Дождь все шел, рыба жареная у них была жирная, как я люблю. Голые мужики пели, парились... Владимир Вольфович, тело розовато-белого оттенка, как пишут в судебно-медицинских анкетах "тело мужчины правильного телосложения, удовлетворительного питания, чуть раздутое в области талии", так, кажется, следует писать? Член Владимира Вольфовича (путь простят меня ханжи за зто комически-неосторожное замечание) я, увы, по близорукости не разглядел. Так что не могу сказать, обрезан ли будущий русский вождь-президент (если). Был пар, горячил глаза мои прекрасный самогон, так что запотевшие очки я вынужден был снять. Лица же друзей-казаков мне были видны и так. Там же, в бане, Владимир Вольфович совершил самый человечный контакт со мной за все время нашего сотрудничества. Выйдя голый из бассейна, он попросил меня прочитать, написанную на каком-то иностранном тюбике с шампунем инструкцию. То есть, его интересовало, шампунь ли это. Почему он не прочел сам? Он ведь знает множество языков? Не будем мелочными. Большинство инструкций подобного типа написаны таким специальным языком, что и по-русски ничего не поймешь. Ближе этого тюбика, голый Жириновский протягивает его голому Лимонову, у нас никогда не было сближений. Я думаю, он меня опасался, и, честно говоря, правильно делал, потому как я ничего не прощаю.

Был ли я уже тогда таким же скептическим по отношению к ЛДП и Жириновскому, как сегодня? Отчасти уже был. Но я не ожидал от партий и их лидеров быть безупречными. Десятки лет уже я повторяю сам себе и другим: "Идеальных людей нет. Приходится работать с теми, которые имеются". Я хотел политической работы и хотел работать под начальством даже, хотя сам мог сразу же претендовать на роль лидера. Я хотел работать с ними, и работал бы и посейчас, если бы пусть у

небезупречных у Жириновского и команды ЛДП оказалось бы в конце концов больше достоинств, чем недостатков. И все для меня измерялось (и достоинства, и недостатки) Россией, моей небесной и земной Родиной. Принцип у меня всегда был и остался тот же: хорошо для России, плохо для России. Что хорошо для России, значит хорошо для меня.

С казаками станицы Северской я отвел душу. Выпив едва ли не больше их всех и оставшись трезвым (с виду), я, полагаю, оставил после себя хорошую память в станице. Архипов пьет мало, Жириновский пригубил несколько рюмок, но я отстоял единолично честь команды ЛДП, не будучи ее членом. Расставался я с казаками неохотно, и усатый Мироненко предлагал мне оставаться и идти продолжать пить к нему. Эх, и сегодня жаль недопитого, недоеденного и недопетых песен в Северской! Но мы должны были возвращаться в Краснодар.

По дороге, в ночи у нас что-то сорвалось под автомобилем, черт его, какая-то деталь, и она ударяла по асфальту и камням дороги. Пришлось остановиться, и шофер, чертыхаясь, залез под машину. Архипов, я и Мусатов и Владимир Михайлович обменивались историями под вышедшей вдруг, дождь прекратился, большой луной. Жириновский сидел в машине один. Раздраженный. То ли от выпитого, то ли от задержки на дороге. У себя в блокноте того времени нахожу короткую стыдную запись, которая может быть квалифицирована (во Франции уж точно) как антисемитская: "Вождь же сидел в машине. Вождь, конечно, еврей, и даже сомнений не может быть. Рыжий хитрый энергичный еврей".

На следующее утро я наскоро (голова таки болела) дал интервью корреспонденту "Краснодарских новостей", и мы на нескольких машинах поехали на местное телевидение. Оказалось (это для меня), что там никто нас не ждет. Больше часа пришлось нам прождать у проходной телевидения, прежде чем удалось договориться о том, чтобы нас пропустили. Там, после множества перипетий нас отсняли двоих, Жириновского и меня отдельно (по моему настоянию отдельно. Я, правда, не помню почему я настоял на этой раздельности), каждого на 7—10 минут. Жириновский произнес монолог, меня же интервьюировали. Из телевидения мы отправились прямиком на площадь у здания краевого совета, где собрались к 12 часам казаки. Зрелище оказалось внушительным. Башлыки, папахи, черная и синяя форма, погоны, сапоги, нагайки в сапогах...

Выяснилось, однако, что казаки разобщены. Часть казаков возглавляет атаман Громов. Бородатый и кряжистый, атаман

Громов пригласил якобы Жириновского, меня в кабинет, а вот когда мы прибыли, отказался от приглашения. Все зто я узнал, уже вылезая из машины и шагая на площадь, узнал от Архипова. Поэтому я не уверен, так ли это было на самом деле. Приглашал ли вообще кто-либо Жириновского в Краснодар или он явился тогда сам? Он вполне мог явиться и без приглашения.

Сходка казаков была назначена по следующей причине. Казаки собрались к зданию краевого совета, где как раз началось заседание совета, чтобы потребовать отставки префекта Краснодарского края Дьяконова, назначенного Ельциным. Позднее Дьяконова убрали, тогда же борьба только начиналась. На площади, запруженной живописным казацким народом, меня узнал такой из себя гражданский и не казацкий "дядя" в клетчатой коричневой шляпке. "Дядя" оказался главным редактором журнала "Кубань" Канашкиным. Он умолил меня пойти с ним в редакцию, расположенную на одной из соседних улочек. Журнал "Кубань" как раз напечатал тогда в 3—4 номере начало моей книги "Подросток Савенко". Впоследствии по требованию каких-то (казацких!) организаций публикация этой вполне невинной, на мой взгляд, книги была приостановлена. Однако Канашкин напечатал книгу отдельным изданием. Канашкин утащил меня с площади, притащил в редакцию "Кубани", утащил в фотографию, заставил сняться с редакцией журнала в позах XIX века (техника в этой фотографии тоже была XIX века) и отвел обратно на площадь.

Жириновский бывало разговаривал с народом с площадки лестницы соседнего со зданием краевого совета дома. Толпа в несколько сот человек слушала его. Жириновский говорил об армянах и о том, что выселит их из Краснодарского края. Увидев меня, поднимающегося, Жириновский представил меня толпе: "Писатель, член нашего теневого кабинета". Толпа зааплодировала и закричала: "Эдик! Эдик!" Я сказал несколько слов, и они пошли на меня с рублями, десятками, сотнями, с газетами и календарями, — дабы я дал им автографы. "Спасибо, Эдик! Эдик" так они меня называли. Точно так же кричит толпа и в Москве "Эдик!", но тогда в Краснодаре впервые я подумал: "А почему собственно Эдик!" Жириновского вон никто и никогда не называет Володей? А почему интересно?

Мы долго выбирались из толпы. Владимир Михайлович работал плечами. За нами все равно шли люди и чего-то просили, требовали объяснить. Отступая, я выяснил у Архипова, что во время моего отсутствия (поход в журнал "Кубань") Жиринов-

ский было начал выступать прямо на площади, но "костюмированные" (так он назвал казаков) вытолкали его с площади, и что появились люди с плакатом: **"Господин Жидиновский, убирайтесь вон!"**. Жириновский было обиделся, но позднее выяснилось, что плакат адресован не ему, а местному администратору с похожей фамилией. Несмотря на объяснения Архипова, я чувствовал, что никто нас тут особенно не ждал, и хотя сотни людей приветствовали Жириновского, десятки тысяч были заняты своими делами. Поездка явно не удалась. Хотя позднее всплески от нее долго еще заставляли бурлить поверхность местных газет, радио и телевидения.

В гостинице мы узнали, что встречи, назначенные на остаток дня, не состоятся. Отменены. Потому нам лучше собрать вещи, сказали спонсоры стесняясь, и, если мы хотим, погулять по городу. Спонсоры явно жались платить за гостиницу за дополнительные сутки. Что взяты билеты на самолет в Москву. Большинство полетит в 20.40, а мне взят билет на самолет в 22 часа. Что мы будем делать целых шесть часов до отлета, никто не мог мне сказать.

Собрав вещи вместе с Мусатовым (он тоже летел в Москву), мы вышли в коридор. У лифта к Жириновскому обратился крупный носатый человек: "Владимир Вольфович, я рад вас встретить в Краснодаре, можно с вами несколько минут поговорить? Я вас слушал, все вы правильно говорите, только к армянам вы несправедливы..."

Несколько минут превратились в добрые полчаса. Все это время мы ждали Жириновского в вестибюле гостиницы. Наконец он сошел вместе с носатым и сказал, что вот Гарик Саркисович приглашает нас в загородный ресторан, и что мы сейчас все туда поедем. Явный кавказец с виду, Гарик Саркисович рядом с Жириновским выглядел уже полным опровержением политики Жириновского. Как, впрочем, и сам Жириновский.

Рассевшись по машинам, мы прибыли через некоторое время к блекло-голубому, если мне не изменяет память, бараку ресторана, за полосой деревьев невидимая текла река Кубань. Хозяин ресторана Гриша должен был бы называться каким-нибудь Гильгамешем. Он выглядел как шумерский бог, лицо охровое, круглое, блином, напоминающее по цвету и структуре шумерские глиняные таблички. Глаза у Гриши-Гильгамеша были круглые, животные совсем, а не человеческие. Гарик Саркисович объяснил, что Гриша из редкого и немногочисленного племени изидов. Пока нам выносили на природу, на площадку

среди деревьев, столы Жириновский объяснил, что Гарик Саркисович местный прокурор и тут он, как мне показалось, вопросительно поглядел на меня, — армянин.

Я ничего не сказал. Я долгие годы дружил с Вагричем Бахчаняном, судьба свела меня с этим русским художником армянского происхождения еще в Харькове, мы в одно время уехали в Москву и позже оказались в Нью-Йорке. Это не я обещал казакам выселить армян из Краснодарского края, или еще откуда-либо, зто Владимир Вольфович обещал. Сегодня я понимаю, что присутствовал при переориентации (я не решаюсь назвать это внешней политикой, уровень просто примитивный), при смене мишени. После зтой вполне случайной встречи, Жириновский все чаще выделяет армян из кавказцев и противопоставляет им азербайджанцев, приписывая последним и желание и возможность уничтожить армянский народ. Антиазербайджанизму посвящены страницы 132, 133, 134 "Броска на юг". "А столкновения между азербайджанцами и армянами? До каких пор зто будет? До уничтожения армянского народа. Но теперь уже не турками, а азербайджанцами. Другим тюркоязычным народом. Ведь по сути дела — азербайджанцы и турки одно и то же. Турки в 1915 году вырезали 1,5 миллиона армян, азербайджане вырезают их с февраля 1986 года, уже пять лет. Турки сделали это за три ночи, а азербайджанцы будут заниматься этим 15 лет. И постараются совсем уничтожить армян, чтобы в конечном счете вообще уничтожить армянское государство. Почему? Потому что оно христианское. Оно мешает соединиться двум тюрко-язычным народам, азербайджанцам и туркам. Что такое Нахичевань? Это же искусственное образование. Азербайджанское население на армянской территории".

Уф! Душно и тяжко читать "сок мозга" Жириновского, так он называет свою книгу в предисловии, прежде чем начать оправдываться за отчество, потому что зто "сок мозга" безграмотного обывателя. Но вернемся к столу в ста метрах от речки Кубань. Я сидел против Гарика Саркисовича наискосок от Жириновского и хорошо видел их лица и со вниманием следил за беседой. Вначале прокурор хотел поговорить с ним с глазу на глаз, однако Жириновский сказал, что от партии у него секретов нет (позднее они таки уединились на полчаса). Прокурор говорил о бегущих из объятой войной Армении армянах, о том, что они, разумеется, все хорошие люди (а как же иначе!). Прокурор оказался специальным прокурором, он занимался досрочным освобождением, то есть надзором за теми

заключенными в лагерях области, которых предполагалось освободить за хорошее поведение раньше срока. Гарик Саркисович остановился на некоторое время на своих функциях и принес и показал нам, какие изделия изготовляют заключенные: великолепные шахматы и кинжалы с насечкой, и многое другое. Спросил, не нужно ли?

Нам принесли шашлыки. Второй заход, свежие. Девушка начала с Жириновского, как указал ей Гарик Саркисович. А Гарик Саркисович продолжал: "Жириновский говорит правильные вещи, кто-то эти вещи должен сказать. Но вот с армянами вышла небольшая ошибочка, Владимира Вольфовича, очевидно, плохо информировали... Враждебные, должно быть, источники... Мы бы вас поддержали, Владимир Вольфович, если бы вы поняли, что армяне вам не враги. Вашу партию мы бы с удовольствием поддержали... Вы же знаете, мы армяне, энергичный народ, разбросаны по всему свету..."

Жириновский, доселе сонно внимавший прокурору, оживился. Разговор сделался интересен ему... "Армяне живут везде, продолжал прокурор, и несмотря на несчастья нашего народа, мы выживаем и умеем вижить. Армянин может продать все..." Тут Гарик Саркисович улыбнулся мне и Владимиру Михайловичу обезоруживающей улыбкой, сверкнул той же улыбкой в сторону Архипова и стал перечислять, какие товары, что он может посылать составами в центральную Россию отсюда, из Краснодарского края, он знает, где достать, и если ЛДП знает кому продать, то ЛДП может рассчитывать на большие проценты. Владимир Вольфович смотрел на него во все глаза "Ну-ну, я вас слушаю..." А если ЛДП не знает, куда продать, то он, Гарик Саркисович, может подсказать". А что касается товаров, которые он, Гарик, стал бы посылать, если бы ЛДП, то есть Владимир Вольфович согласился бы пересмотреть... интересуют ли его масла и нефтепродукты? Даже за оставшееся до отлета время мы можем посетить человека, ответственного за все нефтепродукты и смазочные масла Краснодарского края..."

Мы пошли искупаться через деревья к Кубани, а Гарик Саркисович пошел звонить ответственному человеку. У реки Кубань мы встретили трех мальчиков с велосипедами. Из эпизода этого впоследствии Архипов сделал и запустил в средства информации утку о том, как Владимир Вольфович спас утопающего мальчика. Наевшись до коликов в животе, напившись водки, мы пожали руку Гильгамешу-Грише и никто ни за что не платил. Мы поехали к нефтеответственному. Тот, оказалось, читал мои статьи в "Советской России". Гарик Саркисович,

нефтеответственный и Владимир Вольфович оставались некоторое время одни и что-то обсудили.

В аэропорту Гарику Саркисовичу достаточно было показать свою физиономию в окошко директора, как мой билет тотчас обменяли на рейс 20.40. Мы сидели с Мусатовым рядом с красивой женщиной (она узнала меня), варварски шелушили воблу и пили пиво. В Москве нас встретила машина и, завезя Мусатова в его микрорайон (по дороге капитан первого ранга предлагал мне купить квартиру — он тоже умел торговать), повезла меня на Академическую. Владимир Вольфович устал и разнылся. Почувствовав его раздражение, я даже вышел из машины на квартал раньше. И был рад оказаться один на ночной улице.

Состоялись все эти операции, о которых договаривались Владимир Вольфович и Гарик Саркисович? Понятия не имею. Однако армяне исчезли из лагеря врагов ЛДП (это не исключает, что в каких-нибудь регионах Владимир Вольфович позволяет себе иногда, раз в год выпустить заряд и в армян). Приехав в сентябре в Париж, Жириновский просил меня найти ему телефоны Ротшильда и Азнавура. Но об этом дальше. Без сомнения, Жириновский стал защитником армян, вспомнив о богатой их диаспоре.

НАГЛЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ

На многих страницах "Броска" Жириновский отстаивает свое право заниматься политикой, хотя, казалось бы, никто его это право не оспаривает. "Нельзя же ведь просто так заниматься политикой. Политика, как искусство, эта особая форма деятельности и она недоступна каждому /.../ Каждый может дать какие-то свои замечания, выдвинуть лозунги, но глубокое занятие политикой — оно требует все-таки знаний, прежде всего гуманитарного толка. Это знания по истории, экономике, философии, юриспруденции. И какого-то потенциала, чтоб хотелось этим заниматься". То, что он боксирует с Лимоновым, становится ясно через десяток строк: он упоминает на стр. 44 название моей статьи "В списках не значится" (опубликованной в "Новом Взгляде"). В следующем раунде на стр. 59—60 Жириновский опять дерется с тенью Лимонова, нападая оправдывает свой бедный и убогий (а кто виновен!) жизненный опыт и себя, обывателя, пусть и с двумя дипломами. Все это, конечно, неуверенность самозванца, знающего, что он не тот, за кого себя выдает. Вот его полив:

"Когда я читаю биографию лидеров некоторых политических партий России, то там часто встречаются: электрик 5-го разряда, или шахматист, или **писатель**, или биолог... Меня это всегда удивляет. Как можно, имея такие узкие знания, заниматься политикой? Здесь нужен широчайший кругозор. Нужно иметь познания в философии, в истории, в филологии, в социологии, в юриспруденции, в политологии — в самом широком спект-

ре. Быть немножко журналистом, **писателем**, лидером, оратором, знать иностранные языки, разбираться в экономических проблемах, экологии, воспитании детей, деятельности правоохранительных органов, государственной безопасности. Армия, молодежь, спорт, искусство — очень, очень много проблем нужно изучить. **Писатель** волен **писать** обо всем, но он может не касаться какой-то темы, которую он плохо знает. Политический лидер должен иметь познания во всех сферах. Так не бывает, вчера слесарь, сегодня лидер партии. И вот он уже грамотный, он говорит: у нас будет русская республика и все тут. Ничего у нас не будет. И партии этой не будет скоро. Но право каждого провозглашать свою партию и считать, что он способен даже возглавить правительство. Ничего не поделаешь. Я с большим уважением отношусь к ним. И Виктор Иванович Корчагин, и **Баркашов***, и **писатель Лимонов**, и ряд других деятелей тоже пытаются возглавить какие-то политические группировки. Но лучше бы, чтобы каждый занимался своим делом. Россией очень часто управляли технические специалисты. Почти все они заканчивали технические вузы. Кто-то сельскохозяйственный, кто-то торговый, но почти не было в руководстве страной лиц с гуманитарным образованием, а тем более с двойным. И никогда не было в руководстве лиц, которые бы свободно владели европейскими языками, знали бы зарубежье до того, как пришли к власти".

* С Баркашовым Жириновский тут сильно промахнулся. Кннга сдана в печать в сентябре 1993 года, а уже в октябре лидер "Русского национального Единства", овеянный славой Обороны Парламента, стал своего рода народным героем.

Я так обширно процитировал этот банальный текст, это детское бахвальство взрослого дяди Жириновского потому, что в нем обнажены все его страхи и сомнения. Разумеется, и здесь он себя продает, выхваляя товар, приписывая то-

вару (себе) небывалые качества. Как фольклорный цыган, он подкрасил, подмазал, где нужно подтянул кожу своей старой и хромой кобылы, приведенной на базар на продажу. Владимир Вольфович, однако, сознает неадекватность своего товара, себя-то не обманешь. Разглядим попристальнее цыганову кобылу.

На задней обложке книги "Последний бросок на юг" сказано, что Жириновский "родился /.../ в интеллигентной семье. Закончил **Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова*** и юридический факультет МГУ. Специалист по проблемам Средней Азии, Закавказья и Ближнего Востока" и т. д. и т. п. В книге он постоянно выхваляет свое якобы несомненное превосходство над "ставропольским и уральским медведями". "Здесь нужен другой интеллект. "Здесь нужно другое мышление" — правильная фраза Горбачева. Но только не мышление сына колхозника, внучка председателя ставропольского колхоза. Здесь нужен человек с космическим мышлением, как минимум с планетарным," — заливается он, имея в виду себя. В другом месте, на стр. 53, читаем: "Уже тогда, у меня совсем босоногого мальчика, мысли о чем-то великом витали в голове". И еще раз о себе, совсем уж до похабности нескромно и элегически: "Человек образованный, с двумя университетскими дипломами, говорит на европейских языках — **откуда он взялся здесь, этот осколок той, процветающей России прошлого века**. /.../ Естественно, что я занял особую нишу на политическом небосклоне России последних лет".

Стиль **Хлестакова**** и **Остапа Бендера*****, человека необразованного, неотесанного и неинтеллигентного. Как можно занять нишу на небосклоне, Владимир

* Он же институт Восточных языков.

** Персонаж сатирической комедии Гоголя "Ревизор".

** Персонаж популярной книги сатириков Ильфа и Петрова "Золотой теленок".

Вольфович? **Совсем босоногий мальчик, а разве бывают полубосоногие?** Вы даже не смогли грамотно похвалиться вашей якобы образованностью. Результат: безграмотное бахвальство. Но не вашим стилем я хочу заняться, тут вас даже грех бить, ибо вы чудовищно безграмотны, но сутью ваших утверждений.

Почему Жириновский считает, что родился в интеллигентной семье. Отец — юрист-консульт умер в год его рождения и был мужем матери Жириновского всего год. Затем в доме появился отчим — студент техникума связи (Жириновский пишет "Глупый парень был") и прожил 12 лет с семьей. Мать работала в столовой. Отец юрист-консульт не смог и не успел сделать свою семью ни интеллигентной, ни неинтеллигентной. Когда? Очень возможно, что семья Жириновского, его братья и сестры великолепные люди, почему нет? Но никакого права называть свою семью интеллигентной у Жириновского нет. Ложь.

Перечислениям университетов, тем паче юридический заочный — грош цена. Горбачев тоже имеет два высших образования, он вежливее и малоповоротливее Жириновского, но оба явно неинтеллигентные люди. Обыватели. Университетских дипломов в России много, хоть пруд пруди, уровень образования, мягко говоря, невысокий. В чем преимущество быть сыном юрист-консульта перед внуком председателя колхоза, я не понял. Также не понял я, не уразумел, почему Жириновский считает себя специалистом по Средней Азии, Закавказью и Ближнему Востоку? На основании того только, что родился в Алма-Ате и просидел одни сутки в турецкой тюрьме? Книг о Средней Азии и Ближнем Востоке Владимир Вольфович не написал, никаких научных рефератов на эту тему не защитил. Почему же специалист? Да никакой вы не специалист, Владимир Вольфович, ложь это. Вот, я поворачиваю голову и вижу на своей книжной полке книгу Питера Мэнсфилда "Арабы". Автор ее специалист по Ближнему Востоку, потому что, работая корреспондентом радио Би Би Си, больше двадцати лет прожил в арабских странах. Жириновский просидел двадцать лет в своей квартире на окраине Москвы, согласно Плеханову, в 2-х комнатной, согласно Ж-му, в 3-х.

Жириновский не специалист ни в чем, кроме саморекламы. Тут, в этой области, у него несомненный талант. И я этот талант не отрицаю.

Понятно, почему Жириновскому не нравится нынче его биография работы Сергея Плеханова. Там сказано, что был Жириновский "невыездным", а Жириновский приписывает СЕБЯ К

ТЕМ, кто "знали зарубежье до того, как пришли к власти". Совершенно безосновательно. Помимо короткого пребывания переводчиком на строительстве Искендерунского металлургического комбината в Турции в 1969 году, в 1966-м Жириновский провел полтора месяца в Венгрии в составе студенческого строительного отряда. И все. В следующий раз его знание зарубежья обновится только через двадцать лет, когда он станет уже председателем партии. Его нынешние тщеславные туристские путешествия, знаю по опыту, так как сам организовывал его первый и единственный пока визит во Францию, не оставляют ему времени для познания страны, в которую он прибыл. По сути дела, он приезжает для встречи не со страной, Германией, или Францией, или Австрией, но для встречи с медиями, со средствами массовой информации страны. Тщеславным павлином ищет он телевизионной и газетной славы. Ему лучше знать, но у меня создалось впечатление, что тщеславие его основная страсть, политика же лишь предлог для удовлетворения тщеславия.

Считая себя **"человеком с космическим мышлением, как минимум с планетарным", Жириновский на самом деле советский человек с крошечным опытом.** Поэтому его политические положения (выводы, если хотите) сделаны в большинстве случаев на основании одноразового опыта. Вот лишь несколько конкретных примеров. Он пишет в "Броске", стр. 114: "...Знать, что ваш сын не будет побит, искалечен на улице местным хулиганьем, или в армии, или в командировке, или во время пребывания где-нибудь на отдыхе, особенно на юге..." Мне и близким к Жириновскому в 92 году людям ясно, что имеется в виду конкретный случай. Андрей Архипов пошел на танцевальную площадку в Минеральных Водах, будучи там на отдыхе, и был избит местным хулиганьем. Мать Архипова, естественно, по этому поводу переживала, и Архипов, униженный в своем мужском достоинстве, как всякий побитый мужик, долго ходил под впечатлением и рассказывал об этом случае всем нам и Жириновскому множество раз. У Жириновского бытовой случай обобщается и превращается в политический факт. Именно так работает мысль обывателя. "При Брежневе два сорта ботинок и три сорта колбасы..." — вот как работает мысль и обывателя, и Жириновского. Ибо он обыватель, а не политик.

Еще пример. На странице 138, Жириновский вещает: "...Если новой станет Россия. Франции тоже было бы выгодно. Мы бы помогли ей освободиться от американского и сионистского

влияния. Иначе столица Франции к новому веку, к 2000 году превратится в арабский город. Ибо алжирцы потихоньку захватывают Париж и идут дальше. Европа нуждается в нашей помощи". Читатель не знает, но я знаю, что этот далеко·идущий и неумный вывод сделан на основании ПЯТИМИНУТНОГО проезда в автомобиле по улице Гут д'Ор (Золотая капля) в Париже. Я попросил шофера провезти нас по ней, дабы Жириновский увидел знаменитую столицу арабского квартала в Париже. Арабы толпятся на "своей" улочке, так же как в каком-нибудь городе Алжире на улицах. Но там у них уникальное, единственное такое гнездо, Владимир Вольфович! На десятках тысяч других французских улиц нет никаких арабов, а опыт и жестокость французской полиции известны. Почему под американским и сионистским влиянием столица Франции превратится к 2000 году в арабский город? Я не вижу связи. Владимир Вольфович, он способен ответить на все вопросы, на этот тоже. Русский народ в таких случаях говорит "Мели Емеля, твоя неделя..."

Объявляя себя специалистом в иностранных делах, Жириновский сознает свою неадекватность. Именно поэтому на многих страницах своей книги ("сока мозга") Жириновский боксирует с воображаемым критиком. Воображаемым Лимоновым, который, скептически ухмыляясь, говорит ем:у "Жириновский — ВЫ САМОЗВАНЕЦ, вы обыватель в политике, вы не знаете мира, у вас нет иностранного опыта. Ленин, вон, жил семнадцать лет во всех европейских странах, и даже я шесть лет в Соединенных Штатах, двенадцать во Франции, многие месяцы в Италии, в Англии, Югославии и пр. А вы, Жириновский, дальше Новых Черемушек не выбирались! А теперь выскакиваете с двухдневными визитами, распустив хвост павлином!" Сознавая свою неадекватность, он и оспаривает право всех, кроме Жириновского заниматься, политикой. То есть, не дожидаясь, пока на него нападут, нападает сам. И полемизирует он не с электриком 5-го разряда (по-видимому, Лехом Валенсой), не с шахматистом (очевидно, экс-депутат Каспаров), но с человеком, у которого есть опыт, каковой хотел бы иметь Жириновский, с "**писателем**". В процитированном в начале главы отрывке слово "**писатель**" встречается четыре раза, моя фамилия один раз, ибо не мог же он открыто признать свою неадекватность и беспокойство. Озлобленно он пролаивает даже несуразное "знали бы зарубежье до того, как пришли к власти. А тем более, хорошо знали бы свою страну. И не открывали бы ее в шестьдесят лет". Это выпад в мой адрес, ибо никакой другой писатель-

эмигрант не занимается политикой. "Шестьдесят лет" — это вспышка злости, ибо мы одного поколения с господином Жириновским, я лишь на три года старше.

Есть что-то суетливо-жалкое в попытках Жириновского доказать, что он имеет опыт. Зачем? Мог бы и промолчать. Но нет, его суть перекупщика и торгаша заставляет его выхвалять свой товар: себя. Так на парижских рынках кричат торговцы "Элль э бэлль! Элль э бэлль!" (Она красива! Она красива!), выхваливая всего лишь помидор, он — по-французски, женского рода. Жириновский заливается в словесной истерике: "**В армии работа тоже была связана с иностранными делами, я изучал Ближний Восток, параллельно Запад и другие регионы.** Последующая работа тоже так или иначе позволяла общаться с иностранцами. Даже в издательстве "Мир", где я работал последние годы перед тем, как ушел в большую политику — и там были иностранцы, приходилось заключать договоры с инофирмами". Иностранец, прочтя эти строки, может, и проглотит их, но человек с советским опытом, прочтя про армию и иностранные дела, будет хохотать долго. В армии он иностранными делами занимался! Лейтенант, канцелярская крыса, переводчик, одетый в форму только потому, что не сумел найти себе приличной работы после института, вершит иностранные дела в армии и изучает Ближний Восток и Запад! (По карте можно изучать, почему нет). Дальше в лес — еще глупее: "Мне повезло, — пишет Жириновский, — **я объехал всю страну, от Измаила до Чукотки. Летал в отпуск.** Всю нашу страну я знаю уже давно. И для меня не открытие, какой народ у нас живет в каком регионе, какое у него вероисповедание, образ жизни, проблемы и т. д. Все это мне хорошо знакомо, я все это видел. Я часто разговаривал с людьми в поездах, общался в самолетах. Все, что накопилось к 45 годам, можно назвать уже жизненным опытом, определенной житейской мудростью, и здесь нет никакого бахвальства". Если следовать критериям Жириновского, то 45-летний БОМЖ (вот уж кто изъездил страну и наговорился в поездах) будет лучшим кандидатом в президенты России.

Жириновский любит поговорить о том, как он отличается от Ельцина и его соратников. Однако он из той же толпы. Жириновский не был членом КПСС, но лишь потому, что после турецкой истории ему не доверяли и не взяли в КПСС. Но Жириновский был юрист-консульт, как Собчак (тот специализировался в юридической консультации по проблемам жилья), был председателем кооператива, как Гавриил Попов, бывший

всесильный московский мэр. Янов назвал Жириновского "средним советским чиновником." На мой взгляд, Жириновский был мелким советским чиновником. Он говорит на языке обывателя ("жлоба") не потому, что избрал так говорить, нет. Иначе говорить он не умеет. Кстати, о "поливах" Жириновского. Именно Жириновский ввел в политику обывательский язык. После деревянного партийного языка он заговорил с обывателем на его языке, и это нравится обывателю. Жириновский нигде не ставит себе в заслугу свое обывательское арго, между тем именно в нем его сила. То есть на деле его таланты не те, которые он декларирует. Опыт у Жириновского скудный, советского обывателя. Зато его карикатурный язык (перенесенный на бумагу, как видим, он не только банален, но и смешон и глуп. Точно так же тексты песен всегда теряют свою силу, будучи воспроизведены на бумаге) звучит привычно для обывательских ушей и без задержек проникает в обывательское сознание. (Анпилов находится где-то на полдороге. Его речи на площадях очень народные, однако все еще с партийными "деревянными" словами.)

В августе 93 года я предложил редактору "Дня" Проханову статью "Два Ножа в спину". Статья эта не была напечатана, и я даже удостоился впервые недружелюбного скандала со стороны Проханова. Между тем я этой статьей вонзил по меньшей мере один нож точно и прямо. Я указал на несовременность и архаичность оппозиции. "Сталинизм ГУЛАГа (в лучшем случае общество "Кубанских казаков") или общественный строй опер "Хованщина" (или "Жизнь за царя") — вот какой представляется оппозиция и ее социальные идеалы тем 58 % избирателей, проголосовавшим за Ельцина на референдуме. /.../ "Можно было бы наплевать на мнение обывателя, если бы он не был еще и избирателем. Так как он имеет избирательную силу, то нам не должно быть безразлично, какими он нас видит. А он видит нас несовременными, более того, врагами и гонителями современности. /.../ Единственное достоинство нашего политического противника, режима демокапитализма это СОВРЕМЕННОСТЬ. Следует признать (хотим мы этого или не хотим), что, не имея на счету ни единой победы, потеряв территории, разрушив государство, наш противник преуспел в навязывании обществу своей идентификации с современностью". Далее я объяснял: "Современность вообще-то не принадлежит никому из политиков. /.../ Нельзя отдавать современность ИМ. А именно это делает оппозиция. Оппозиция бессознательно старит нашего русского человека на несколько поколений, бессознательно от-

носит его ментальность к другой исторической эпохе. (Эта же подсознательная и грубая ошибка всегда делается и повторяется Солженицыным. Прочитав, в частности, "Как нам обустроить Россию", получаешь впечатление, что он обращается к нашим прадедушкам 1913 года) /.../ Но это не так, и мы имеем дело с русскими людьми 1993 года".

Вот уж в современности Жириновскому не откажешь. Другое дело как он употребляет современные методы и с какой целью. Но Жириновский — единственный в лагере оппозиции, кто умеет, может и хочет быть современным. Православная, бородатая, консервативная ветвь оппозиции действительно патриархальна на уровне "Хованщины", несколько молодежных крайне правых партий ориентируются на идеалы правых движений Германии и Италии 20-х и 30-х годов и потому тоже несовременны. Владимир Вольфович же производит впечатление лучшего ученика в классе, где преподаватели Маршалл МакЛюэн и Жак Сегела, (Сегела — известный французский рекламный агент. Он "делал" президентские компании Миттерана и социалистической партии). Владимир Вольфович, очевидно, терпеть не может рок-энд-ролл (обывателю его возраста вряд ли доступна подобная музыка), но он идет в рок-клуб, предварительно справившись у Жарикова или кто там у него под рукой о названиях нескольких самых популярных рок-групп. Потому что знает Жириновский, что реклама — двигатель торговли. Чтобы фирма "Жириновский энд Раша корпорейшан" пришла к власти, нужна реклама фирмы. Повсюду, как можно больше. С малыми средствами Жириновский вывозил свою партийную палаточку, свой партийный ларек на обочину Манежной или в Парк Горького, а когда получил из рук мальчиков-банкирчиков большие средства, широко развернул торговлю на телевидении. Теперь и того лучше: торгует собой в Государственной Думе. Во как!

Современность Жириновского проявлялась уже в том, что он взялся учиться у Жарикова, Архипова, Плеханова, — таких нетрадиционных и эксцентричных учителей, к тому же учителя все на поколение младше его. Деляческому уму директора продбазы, задумавшего стать "вождем", было наплевать, у кого учиться. Главное — взять знания, вооружиться ими.

И Владимир Вольфович умеет трудоустроить людей. Все поработали на него. Тем, что приблизил к себе Жарикова, Владимир Вольфович заслужил уважение рок-среды, и музыкантов, и, главное, поклонников. Потому что якобы Владимир Вольфович татуирован (неправда, утка запущена Архиповым), о нем тепло отзываются криминалы.

Умеет, умеет торговать Владимир Вольфович СОБОЙ.

Однако и медведям, ставропольскому Горбачеву и уральскому Ельцину, нельзя отказать в известном умении продать себя. С Жириновским им, конечно, не сравниться. Однако страну два медведя загубили, и подозрительные таланты Жириновского не есть таланты управления государством. Скорее напротив. Но умеет Жириновский привлечь талантливых людей к продаже Жириновского.

Андрей Вячеславович Архипов, пресс-атташе Жириновского и министр информации теневого кабинета, пришел к Жириновскому из газеты "Аргументы и факты". Ему Владимир Вольфович обязан тем, что в 91—92 годах неослабевающее внимание страны было приковано к личности Жириновского. Даже когда ничего ровным счетом не происходило, Архипов напоминал России о Жириновском. Он запустил в средства массовой информации многие десятки "уток", выдуманных происшествий. Используя старые и вновь завязанные связи в средствах массовой информации (в частности, многие его "утки", отправленные по факсу, брал охотно "Московский комсомолец", а уж оттуда они перекочевали в другие газеты), Архипов довольно ловко поддерживал живым имидж Жириновского. Было заметно, и разительно заметно, что с уходом Архипова в определенный период Владимир Вольфович вдруг исчез из колонок сплетен и происшествий.

Пример. Будучи на Кубани, устав от сидения за столом загородного ресторана, мы прошли какие-нибудь сто метров до речки Кубань, чтобы искупаться. У берега мы застали трех мальчиков лет 9—12 с велосипедами. Они уже искупались и одевались, собираясь уезжать. Владимир Вольфович подошел к ним (кстати говоря, он всегда подходит к мальчикам такого возраста и заговаривает) и сказал им несколько фраз, среди которых я разобрал довольно неуклюжую шутку "А вот если мы вас тут сейчас утопим...?" Архипов хохоча тут же принялся излагать пришедшую ему идею: "запустить, что Владимир Вольфович мальчика спас, вытащил из воды". Что и было им сделано в начале июля 92 г. по возвращении в Москву. "Утку" эту можно найти в газетах того времени. Другой пример "утки": никогда, разумеется не существовавшая "водка Жириновка", запущенная по невзоровским "600 секунд". Представляет водку Юрий Бузов, министр внешней торговли теневого кабинета. Дома у Архипова хранится целый архив всех его подвигов, измышления одно другого гротескнее. Однако все эти "утки", часто откровенно глупые, сослужили Владимиру Вольфовичу

бесценную службу. Они напоминали народу о его существовании. Тут срабатывал не принцип политики, но принцип рекламы: многократное повторение имени дает эффект запоминания. Другие лидеры оппозиции были (и остались) старомодными, их методы, как и в XIX веке: речи, демонстрации, ну статьи. Владимир Вольфович не чурался новшеств, не чурается их и сегодня. Другие лидеры серьезны и напыщены, Владимир Вольфович не боялся быть несерьезным. Он, считающий, что торговать не умеют ни ставропольский "медведь", ни уральский, знает, что все время появляться в новостях в любом контексте, даже несерьезном — есть лучшая реклама в торговле собой. Необходимо присутствовать! (Единственный контекст, которого он боится, — фронтовой. Потому фронтовая реклама отсутствует в его арсенале.)

В других главах я уже писал о том, что "политикой" Жириновский называет свою деятельность охотника за журналистами. С утра до позднего вечера, сопровождаемый верным Владимиром Михайловичем, бродил он по Москве, бывая повсюду, где водятся журналисты: на обочинах чужих митингов, в картинных галереях, на рок-концертах, возле тюрем и пр. Теперь его работа облегчилась, сидит себе в Думе, а журналисты приходят сами. Владимир Михайлович одепутачен.

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

"Дорогой Эдуард! Спасибо вам за письмо. Не успела ответить, так как Владимир Вольфович приехал в Германию, а потом я тут же — в Москву. Здесь телефон господина Дюпон, который связан с Сергеем Горшковым, он принимает Владимира Вольфовича в Париже 25-го, по-моему, на 4 дня. Владимир Вольфович просил вас очень связаться с ним и если возможно устроить встречи с Ле Пеном и т. д. Желаю вам всего лучшего. Буду, правда, рада увидеться. Счастливо. Надя, Москва, 17.09.92".

Такую записку я получил от Нади Хофманн. На обороте был телефон этого Дюпона. Впрочем, по телефону, когда я позвонил, никто не отозвался. Сам Жириновский прислал мне письмо, я его где-то затерял, и даже не помню, что там было написано. 19 сентября он позвонил мне из Москвы, сообщил, что они приезжают 23-го. Попросил устроить ему встречу в "Фронт Насьеналь" и с Шираком. Попросил меня также связаться с русским посольством. Сказал, что в Париже его будут принимать "наши русские бизнесмены, банкир один".

Я никогда такой работы не выполнял, но мало ли что мне приходилось делать впервые. Обыкновенно это для меня устраивали пресс-конференции, встречи и выступления. Однако ложного самолюбия у меня нет, и я взялся за работу с полной ответственностью. Я позвонил в русское посольство, куда по своим нуждам не звонил ни единого раза. Шефу протокольного отдела Павлу Борисовичу Котову. "Жириновский хочет встретиться с работниками посольства, — сказал я, — "все-таки приезжает глава политической

партии России, одной из партий". Котов сказал, что сам он ничего не может решить, что он должен по этому поводу поговорить с послом. Чтобы я позвонил через пару дней. Сам я абсолютно не понимал желания Жириновского связываться каким-либо образом с посольством. Я был уверен, что посольство ничего для него не сделает. Зачем ему посольские, я тоже не мог понять. Правительственные служащие, они служат всегда существующему правительству.

Старый мой знакомый Владимир Мачьябелли, председатель общества "Франция — СССР" согласился было что даст зал общества для пресс-конференции, но когда я приехал к нему 21-го, чтобы обсудить детали, мужество покинуло бедного. "Мы должны стать "Домом России", у нас тяжелый переходный период, и начинать деятельность с Жириновского..." Спускаясь по лестнице, я размышлял о поразительной трусости человеческой. Позднее я простил Мачьябелли его осторожность, я не видел его долгие годы, может быть, за эти годы у него родилось десять детей и он стал особенно бояться за свое место... Сегодня, в 1994 году, когда французские издатели со страхом отворачиваются от моих рукописей, и владельцы книжных магазинов отказываются продавать мои книги, я все же считаю, что независимость не менее важна, чем храбрость под пулями...

Ночью с 21-го на 22-е позвонил Андрей Архипов, вернее, было пять утра. Архипов стал объяснять мне, сонному, что в партии у них раскол. "Нас, молодых, не взяли в Париж, Эдуард... Владимир Вольфович приедет с Жебровским и Валентином Минаковым, этот тип вас терпеть не может, он предложил вас убрать из состава кабинета, но мы вас отстояли. Там приезжает молодой дипломат, родственник Андрея Громыко, не могли бы вы его там приветить, познакомить с Ле Пеном..."

Валентин Николаевич Минаков позвонил мне 23 сентября вечером, чтобы сообщить, что они прибыли. Они в Париже, в отеле "Амина". В голосе его, естественно, не было враждебности, одна радость. И передал трубку Жириновскому. После обмена приветствиями Жириновский радушно сообщил, что они привезли мне пакет с гранками моей книги, осведомился, все ли в порядке с организацией его поездки, с деловой частью. Я сказал, что, прилетев на четыре дня и так неудачно, два из них приходились на субботу и воскресенье, многого они не успеют, но я сосредоточился на двух задачах: на пресс-конференции и на встрече с Ле Пеном, лидером "Национального

Фронта". Что в штаб-квартире партии Ширака мне дали понять нежелательность подобной встречи, я тоже сказал. Оба мероприятия назначены на пятницу. Встреча с Ле Пеном состоится в 10.30 утра у него на вилле в Сент-Клу, а пресс-конференция в 14.30. Для пресс-конференции я выбрал небольшой зал в отеле "Трианон" в самом центре Парижа. Сегодня уже нет смысла, поздно, а завтра я появлюсь у них в отеле. В посольство звонили, Эдуард?" — не забыл Жириновский. "Звонил, они не высказывают никакого энтузиазма".

"Дайте мне их телефон, я им устрою, этим бездельникам!" — в голосе Жириновского прозвучало удовольствие от предстоящего телефонного полива в адрес посольства. Я дал ему номер телефона, предупредив, что, конечно, сегодня там никого уже нет. "Я им завтра покажу с раннего утра!" — взъярился Жириновский. Он передал трубку Минакову, и тот продиктовал мне адрес отеля на довольно связном французском.

Уже в восемь утра разбудил меня на следующий день Жириновский: "Достаньте мне, Эдуард, телефоны Ширака и Паскуа. Я сам с ними буду говорить". Я пообещал, что достану ему телефоны названных важных личностей, но не раньше десяти часов, и к тому же пусть на домашние телефоны не рассчитывают, это не Россия, здесь все церемониально. Если достану телефоны личных секретарей, уже будет великолепно. К десяти Минаков получил от меня телефоны председателя РПР мэра Парижа Ширака и бывшего министра внутренних дел Паскуа. Если бы люди ЛДП знали, каких усилий мне это стоило! И каких связей! Жириновский явно преувеличивал свою известность. О нем писали, но немного, во французских газетах со времен президентских выборов в России 1991 года, но для этой страны он оставался к сентябрю 1992 года вполне "темной лошадкой". Шефы международных отделов крупных газет переспрашивали меня "кто?", когда я звонил им и приглашал явиться на пресс-конференцию. (Это в дополнение к факсам, которые я разослал.)

Отель "Амина" оказался небольшим отелем средней руки, расположенном на рю д'Артуа, дом 4, недалеко от ее пересечения с рю Ла Боети, в квартале Елисейских Полей, шумном и туристическом. Интригующий (согласно Архипову) против меня Минаков предстал передо мной невысоким крепышом с круглой физиономией, улыбающимся, с фотоаппаратом, с повадками туриста. Спонсор поездки, мсье и господин Сергей Горшков, был молодым господином, высоким, с бородой, и в ярко-зеленом модном пиджаке, излишне ярком и излишне мод-

ном. Вечером того же дня господин Горшков повел нас в китайский ресторан, называющийся "Империя Дракона" на соседней с отелем улице Берри. Помимо меня, Владимира Вольфовича, Минакова, Жебровского и молодого молчаливого родственника Громыко были и люди со стороны нашего "бизнесмена". Крупная его жена, как две капли воды похожая на мою первую подругу жизни Анну Моисеевну и той же национальности, и еще несколько человек, очень напоминающих как раз Яшек и Мишек, о которых с негодованием "Дерьмо!" отзывался Владимир Вольфович в статье "Русские идут!", но одновременно являющихся "новыми русскими". Я сидел рядом с Владимиром Вольфовичем и отвечал на бесконечные вопросы лидеров ЛДП, посему пообщаться со спонсорами мне не удалось в тот вечер. Позднее мальчик-банкирчик в зеленом пиджаке Горшков проявил себя человеком-невидимкой, он старался как можно меньше показываться мне на глаза, но с его помощником, а вернее, с одним из помощников, неким Сашей Пинкиным мы виделись тогда едва не три дня подряд. Пинкин — худенький юноша в галстуке и костюме, показался мне исполнительным и дисциплинированным.

Владимир Вольфович несмотря на свое "космическое и планетарное мышление", увы, не понимал и, я думаю, не понимает сейчас, что другие страны устроены по-иному. Он не удосужился подготовить свой визит заранее, возможно, ему удалось бы достичь большего, впрочем, я в этом сомневаюсь. Те политические деятели, которые не слышали о нем никогда, не испытывали желания с ним увидеться, а те, чьи секретари понимали, кто такой Жириновский, активно не желали с ним встречаться. Большинство же, полностью равнодушное к его имени, просто было занято и встречи с лидерами партий не организуются во Франции, с ходу — "Можно мы к вам зайдем? Мы тут за углом, в десяти минутах ходьбы". К моему остолбенению Жириновский с командой все же совершили несколько налетов на штаб-квартиры партий, никем не званные, лишь справившись с адресами по телефонам, полученным от меня. Результат этих налетов, на мой взгляд, был нулевой: их принимал чиновник партии, находящийся в этот момент случайно в штаб-квартире. В большинстве случае, эти люди даже отказывались дать свои фамилии. "Если Жириновский всегда путешествует за границу таким образом, — помню, подумал я тогда, — это обман". Вернувшись в Россию, ЛДП запустит в средства массовой информации через факс Архипова сообщения о встречах с лидерами французских партий. И русские массы найдя среди них имя Ле Пена изве-

стного им в той или иной степени, будут думать простодушно что Владимир Вольфович был радушно встречен политическим миром Франции, в то время как в других партиях с ним может быть разговаривали дежурные секретари или швейцары. В китайском ресторане под полом был аквариум и под толстым стеклом под нашими ногами плавали освещенные рыбы, глазея снизу на Жириновского и "новых русских". Пища в этом китайском ресторане отличалась от пищи в простых китайских ресторанах количеством официантов, которые ее приносили, и количеством тарелок, в которых ее приносили.

В пятницу 25 сентября я прибыл в отель "Амина" раньше 9.45, так как желал убедиться, что все идет как нужно.

Французская сторона: элегантный Жеральд Пенселлели в сером автомобиле, был уже на месте. Жириновский стал уговаривать меня взять к "Ле Пену" еще и Жебровского. "Владимир Вольфович, пригласили вас, меня, так как я устраивал встречу, мсье Жеральда Пенселлели, владельца журнала "Шок дю Муа", так как он устраивал встречу со стороны Ле Пена, и любого члена ЛДП на ваш выбор. Мы едем к господину Ле Пену домой, не в штаб-квартиру партии. Поэтому неприлично, неудобно являться в большем количестве, чем было договорено". "Почему нельзя?! — горячился Жириновский. — Скажите, что у нас переменились планы". Я неохотно передал просьбу Жириновского Пенселлели. Вместе мы решили настоять на своем. Действительно, было неудобно заявляться в большем количестве. Наконец расселись по машинам, оставив недовольного Жебровского и скучающего родственника Громыко в отеле. Выехали на Елисейские поля. Повсюду висели французские и казахские флаги: в эти дни президент Казахстана Назарбаев находился в Париже. То, что это флаги Казахстана, знал по-моему, один француз: Миттеран. День был ветреный и солнечный. Несмотря на утро, Елисейские поля оказались уже запружены народом. Сидя в автомобиле Пенселлели, я увидел, что их взятый напрокат лимузин остановился. Из лимузина вышел Минаков и похромал куда-то не спеша. Я пошел за ним узнать, в чем дело. Оказалось, Минаков отправился покупать пленку для фотоаппарата. "Мы опаздываем", — сказал я. "Я мигом", — ответил Минаков и побежал. "Где тут Кодак?" — крикнул он мне, отбежав на десяток метров. Я пожал плечами.

Конечно, Жеральду Пенселлели пришлось звонить из автомобиля на виллу и объяснять, что мы опаздываем. Проехав в Парк Монтрэту, мы подъехали к нужным чугунным воротам. Пенселлели позвонил и за воротами выросли в прорезях решеток

хорошо видные два блондина Шварценеггера и маленький, щуплый малаец или пакистанец, в белом кителе, по всей вероятности мажордом. Нас провели вверх по ступеням в большую гостиную с желто-охровыми обоями. Желтые розы стояли на столе между двумя обтянутыми желтой кожей диванами. Пара мраморных бюстов в углах. Терраса слева от входа дает великолепный вид на Париж с холма Сент-Клу, справа терраса же обнажает сад. Появилась одна из дочерей Ле Пена, и Жеральд Пенселлели удалился с нею куда-то в глубины дома. Мы остались одни. Заглянув на террасы, Жириновский сказал Минакову: **"Вот как у них, Валентин Николаевич, живут политики. Вот как должен жить глава партии! А я ючусь в двухкомнатной квартирке..."**

"Далеко не все политические деятели Франции имеют виллы, Владимир Вольфович, — вмешался я. — Жан-Мари Ле Пен получил виллу в наследство от умершего члена "Фронт Насьеналь", завещавшего ему виллу". Жириновский продолжил тему и очень серьезно стал говорить о том, что это хорошая идея — завещать партии имущество и квартиры.... и хорошо бы включить такой пункт в устав ЛДП. Я подумал тогда, что у него комплекс мелкого буржуа по отношению к уровню жизни крупного. Если Жириновский когда-нибудь дорвется до власти, он будет "прожигать" жизнь и жадно грабастать имущество.

Накануне, в ресторане я отдал ему лист бумаги, где я набросал в общих чертах биографическое досье на Ле Пена. Привожу его здесь: "Жан-Мари Ле Пен родился в Тринитэ-сюрмэр (Бретань). Отец рыбак, владелец рыболовецкого судна. Подорвался на подводной мине в 1942 году. Университет, факультет права. Член КОРПО — правой студенческой организации. Уходит добровольцем (1-го иностранного батальона парашютистов) в Индокитай в 1954 году. Прибывает на место после поражения Франции под Диен-Биен-Фу и не принимает участия в войне. Возвращается в Париж, примыкает к Пьеру Пужад, защитнику мелких коммерсантов, правому политику. В качестве сторонника Пужада выбран в депутаты, самый молодой депутат Франции. В 1958 году, во время предвыборной кампании в 18 аррондисманте Парижа, ранен в глаз. Глаз удален в 1959 году. Следуют шесть месяцев (1960—61г.) службы добровольцем в Алжире (лейтенант парашютистов). В 1962 г. теряет статус депутата.

Основывает компанию грампластинок СЕРП. Практически исчезает с большой политической сцены до 1972 года. В 1972 году по инициативе движения "Ордр нуво" (Новый порядок)

происходит сплочение всех крайне правых сил с целью иметь общую избирательную политику. Ле Пен (до этого никогда не примыкал к движению) принимает предложение стать Президентом "Фронт Насьеналь". ФН — как бы зонт над разными тенденциями и правыми партиями."

Я же, по просьбе Пенселлели, составил досье на Жириновского на французском. Таким образом, они знали друг о друге то, что я им захотел сообщить.

Появился фотограф. Чуть позже нас пригласила к Ле Пену Мари-Жозе, его секретарша. "Извините, его задержали журналисты". Поднялись гуськом по лестнице. Пошли по коридору в кабинет Ле Пена. Он встретил нас в дверях, большой, радушный (бедные мои французские читатели, да-да, радушный) хозяин дома, в клубном темно-синем большом двубортном пиджаке с золочеными пуговицами и в светлых брюках. Жириновского усадили в кресло спиной к камину, меня на диван через журнальный столик от Жириновского, рядом со мной Минаков с глупым своим фотоаппаратом, а дальше Жеральд Пенселлели, который, впрочем, скоро встал и поместился в дальнем от нас углу. Там в простенке я заметил четыре русские иконы.

Жириновский молчал всю первую половину встречи. И мне пришлось говорить больше всех. "Не говоря уже о знании языка, эрудиция его в местной политике невелика," записал я у себя в дневнике на следующий день. В конце концов он все же разговорился. Язык его французский, бедный, запинающийся, университетский, неживой, малопонятен собеседнику, потому что в нем не хватает как раз сотни наиболее употребляемых современных слов. Их-то как раз и не бывает в словарях, ибо все словари запаздывают. "Откуда у вас иконы?" — спросил я Ле Пена. Оказалось, он знаком, и очень давно, с художником Ильей Глазуновым, оттуда и иконы. Правда, не видел Глазунова десяток лет. "Что с ним сталось? Он был националистом и монархистом еще пару десятков лет назад". Я объяснил, что сталось с Глазуновым. Заговорили об американском проникновении в Россию и во Францию. Культурном и политическом. "Я предпочитаю есть борщ в подвале, чем американский хамбургер в "Макдональдс" на площади Пушкина", — сказал Ле Пен весело. При этом он смотрел на меня, так как, очевидно, решил, что я лучше всех других понимаю его.

Он, как умелый актер (я тоже так делаю, общаясь с публикой), выбрал себе самого отзывчивого слушателя и ориентировался на него. Активный, внимательный к чужой речи, Ле Пен произвел на меня впечатление. Я даже называю его в дневнике

"ле пенчиком", что, конечно, не преминет шокировать моих французских читателей.

Жириновский похвалился своей тогда единственной победой: 6,2 миллиона голосов на президентских выборах. И заявил, что его партия ЛДП самая крупная в Европе правая партия. С вежливостью хозяина Ле Пен не настаивал. Он в свою очередь спросил Жириновского, почему у его партии такое неподходящее название, "у нас мсье Жириновский, либерало-демократы ненавидят "Фронт Насьональ", это наши враги". Жириновский, запинаясь, стал объяснять, что для русского народа "национализм" вызывает ассоциации с нацизмом (неправда, русские чаще пользуются словообразованием "фашизм". "Немецкий фашизм", "итальянский фашизм"), что русские еще не созрели для такого названия партии, чтобы в него входила частица "национал". При этом он искоса посматривал на меня. Уже существовал Русский национальный Собор, Национально-Республиканская Партия, в октябре того же года создан был Фронт Национального спасения. Жириновский сочинял. Истинную причину его неприязни к "национал" я изложил в предыдущих главах.

Нам принесли кофе. Жириновский заговорил о Германии, быть может, желая похвалиться или придать себе политической стати. Стал говорить о своей дружбе с доктором Фреем, лидером партии "Немецкий Народный Союз", который принимал его в Берлине. Я был уверен, что в данном случае слово "дружба" следует принимать в его относительном значении. Вот радушный Жан-Мари Ле Пен принимает нас дружески, но можем ли мы утверждать, что нас, меня и Жириновского, связывает с ним дружба? Ле Пен поморщился при упоминании имени Герхарда Фрея и стал убеждать Жириновского сойтись поближе с партией Шонгрубера. Я, не зная, программы Шонгрубера, однако понял, что Ле Пен считает Фрея и его партию экстремистами, так как сразу же после упоминания его фамилии Ле Пен вдруг предостерег Жириновского от "молодых людей в коже, которые потянут его движение к национал-социализму. Избавьтесь от них чем раньше, тем лучше". При этом Ле Пен смотрел на меня. Я подумал о Жарикове и Архипове, каковые пусть и не одеты в кожу, но, несомненно, оба язычники и крайние националисты. Вслух же я сказал: "Это вы меня имеете в виду, мсье Ле Пен?" (Будучи на поколение младше Ле Пена, я все же имел право сказать так, хотя целью было лишь сострить. На мне был кожаный пиджак.) "Нет-нет, разумеется, не вас, мсье Лимоноф..." Все мы расхохотались. Вернувшись в Москву, Жириновский, однако, последовал совету Ле Пена. Он

выжил из партии Архипова и Жарикова. Отчасти "молодежное крыло" и само желало уйти, Жириновский использовал их, не желая разделить власть, но инициатива безусловно принадлежала ему.

Жириновский стал излагать на корявом французском проект постройки Центра Правых партий в Москве. Мирового центра, ни больше ни меньше. И пригласил Ле Пена в Москву. Я думаю, этот проект был его козырным тузом. Может быть, он ожидал, что Ле Пен в той или иной степени захочет участвовать в проекте? Даст денег на его реализацию? Президент "Фронт Насьеналь" ограничился тем, что похвалил проект, назвав его "хорошей идеей". Позднее Жириновский забросил свой проект, как и многие другие идеи, которые не выгорели.

Затем мы все фотографировались. Их фотограф и наш Минаков запечатлел нас на террасе на фоне Парижа. Снимки, к сожалению, получились слишком контрастные, так как было слишком солнечно в тот день. Я подарил Ле Пену свою книгу "Речь большого рта в пролетарской кепочке", и Ле Пен, смеясь, позировал с моей книгой, как бы рекламируя ее. Теперь я понял, почему Жириновский не злился, когда Минаков бегал покупать пленку. Им нужны были вещественные доказательства встречи с прославленным Ле Пеном. Автоматически и Жириновский становился прославленным. Тот же метод употреблял в свое время художник Михаил Шемякин. У Шемякина был личный фотограф, француз, Шемякин платил ему зарплату и возил за собою повсюду. Каждый эпизод жизни Шемякина был отснят. Позднее его фотографии рядом с известными людьми (пусть Шемякин и находился с ними рядом пару минут) хорошо взвинтили карьеру изобретательного художника. В особенности фотография с Генри Муром хорошо поработала.

Уходили мы в час дня. Ле Пен подарил нам всем по книге "Альбом Ле Пена", изданной к президентским выборам 1988 года, с дарственной надписью. Он проводил нас к воротам. "Ну вас-то, поскольку вы живете в Париже, мы будем видеть чаще, ведь да?" — сказал Ле Пен, пожимая мне руку последнему. Жириновский в это время уже садился в машину. Мне показалось, что он был подавлен.

Так как до пресс-конференции у нас оставалось время, я предложил проехаться по Парижу. На пляс дю Тертр, рядом с собором Сакре-Кер на Монмартре, пробираясь с Жириновским сквозь вязкую толпу туристов, я неожиданно встретил выгуливающего грязного королевского пуделя Митю Шостаковича. "Эй, Шостакович, — сказал я, — вот познакомься с Владимиром

Вольфовичем Жириновским!" "Владимир Вольфович, это внук Шостаковича, познакомьтесь!" Жириновский смотрел на Шостаковича серьезно и с уважением. Митя, отпрыск знаменитого композитора и сын менее знаменитого дирижера, испугался. Они застыли оба на мгновение: один в испуге, другой в респектабельном уважении. От немой этой сцены хулиганское удовольствие получил я. Впервые я увидел робкого Жириновского. Очевидно, алма-атинский провинциал пробился через всю его наглость и не мог устоять перед силой "великого" имени. Митя же, наслышанный ужасных вещей о "фашисте", и впрямь боялся. "Ну я побежал, — смутился он, — заходите с Натальей". И крутанув собаку, исчез в толпе.

"Похож-таки внешне, — сказал Жириновский через десяток шагов. И он вздохнул... Вот такие люди поддерживали бы партию, а Эдуард..?" Я сказал, что хорошо бы, если бы поддерживали, но большинство "таких людей" просто обыватели и поддерживают режим у власти. Владимир Вольфович взглянул через оптическую трубу на Париж с Сакре-Кер, и мы пошли к машине.

Именно тогда мы заехали на совсем не парижскую улицу Гут д'Ор. По предложению шофера, которое я одобрил и подхватил. Шофер лимузина, нанятого мальчиком-банкирчиком Горшковым, оказался симпатизирующим "Фронт Насьональ" и после визита к самому Ле Пену (он не ожидал, и никто его не предупредил!) готов был везти гостей самого Ле Пена куда угодно. Лимузин медленно проехал по запруженной арабами улице. Арабы себе играли в карты или болтали, собравшись в кружок. Так они привыкли вести себя в Алжире. Жириновский позднее в книге "Последний бросок на юг" сделал из своего пятиминутного опыта проезда по уникальной непарижской улице универсальный вывод, что Франция будет захвачена арабами к 2000 году, и Россия должна спасти Францию. Все его политические выводы имеют именно такой вот скоропалительный одноразовый характер, они не есть политика в полном смысле этого слова, но обывательские непрофессиональные сплетни и слухи о политике. Семьдесят лет советской власти уничтожили политику в России, а Владимир Вольфович — законнорожденное дитя этой ситуации, обыватель, принимающий себя за политического деятеля.

Приезд Жириновского, следует сказать, застал меня между двумя войнами. Вернувшись из Приднестровья, я собирался на войну в Боснию. Я вынужден был задержать свой отъезд из-за

их приезда. Я быстро, до поздней ночи корректировал гранки "Иностранца в Смутное время", привезенного мне из Москвы Жириновским. И торопился скорее прочесть текст, дабы уезжая Жириновский и Ко могли захватить гранки с собой. Едва ли не единственный, кстати говоря случай, когда Жириновский что-то сделал для меня, пусть и косвенно: привез гранки моей книги.

У меня даже не было времени осмотреть зал пресс-конференции. Почему я выбрал "Трианон"? "Трианон Палас Отель" по адресу: дом 3, рю Вожирар, расположен удобно в центре Парижа, от него виден невдалеке купол Сорбонны, а бульвар Сант-Мишель в полсотне метров.

Я провел там в баре десяток вечеров в компании Франсуаз Верни, (в 1988 г.) литературной дамы большого калибра, редактрисы в издательстве "Фламмарион", купившей в 1988 году мой роман "У нас была великая эпоха". Бар находился в су-соль*, и долгие десятилетия не употреблялся, и был открыт только по настоянию Франсуаз Верни, сменившей место работы. Из "Грассет" она перешла во "Фламмарион", а поблизости с "Фламмарионом" не было бара. Потому она себе бар сделала. Зал, снятый мною заочно по телефону, оказался странным помещением, выходящим окнами на улицу Вожирар. Метров сорока, не более. В центре зала была круглая единственная колонна. Я переставил аппарат диапозитивов, передвинул несколько столов, сдвинул шторы с окон и открыл окна. Приехавшие чуть позже меня Пинкин и затем Горшков нашли зал слишком скромным, а цену (заплатил Горшков, наличными) за него смехотворной, всего 600 франков. Еще они нашли зал слишком маленьким. Я парировал их недовольство тем, что заверил

* Sous-sol, т. е. в подвальном помещении.

их в том, что лучше пусть небольшой зал будет переполнен до отказа, нежели чем огромный зал едва заполнен. Я понимал, что трудно ожидать большого внимания от французских журналистов. Жириновский был еще плохо известен, известен как негативный персонаж русской политики, и Назарбаев, все еще находившийся в Париже президент Казахстана, конкурировал успешно с Жириновским. Увы, я оказался прав: русские журналисты, разумеется, явились все, или почти все, ожидая скандала. Кирилл Привалов из "Литературной газеты", Юрий Коваленко из "Известий", Владимир Большаков из "Правды", человек с радио "Свобода", останкинское телевидение представлял Лукьянов. Французы же вначале были представлены лишь редакторшей журнала "Шок дю Муа" Катрин Барней и телевидением из сервиса Ле Пена, они просили нас о возможности снять пресс-конференцию Жириновского, дабы затем использовать ее для нужд "Фронт Насьеналь". Пока не появился Мишель Татю, я считал, что пресс-конференция не удалась. Когда он появился, опоздав на пять минут, я сказал себе, что пресс-конференция удалась. Открыл пресс-конференцию я (в черном кожаном пиджаке и черной рубашке, я просто не имел возможности переодеться после визита к Ле Пену). Я сказал всего лишь несколько фраз. "Я имею честь открыть первую пресс-конференцию на французской земле господина Владимира Жириновского, лидера Либерально-демократической партии России, одной из самых оппозиционных к Ельцину партий. Он выскажется по поводу самых тяжелых и горьких проблем современной России, а затем вы зададите ему вопросы. Надеюсь, что следующая наша встреча состоится в Кремле". Я начал по-французски, но по общему требованию перешел на русский. Рядом с Катрин Барней уселась переводчица (ее наняли мальчик-банкирчик и его люди). Мишель Татю понимает русский. Жириновский говорил свои обычные вещи, раздражившие в конце концов Татю. Они вступили в перепалку. Наблюдая за редактором русского отдела в "Ле Монд", я отметил (хотя я видел его далеко не первый раз), что мсье как две капли воды походит на инспектора Коломбо, персонажа американской полицейской телевизионной серии. Неряшливый, вечно с окурком в зубах, странноватый, русские о таких говорят: "пришибленный из-за угла пыльным мешком", Татю, между тем, хороший журналист и знает русские проблемы лучше других французских журналистов. Если бы еще он не был, как все они, жертвой их общих недостатков, как то: автоматический перенос на Россию французских политических категорий, устарелый архаиче-

ский политический словарь, наивная вера в четкое деление мира на "демократов" и противоборствующих им "фашистов" (в эту категорию попадают все те, кого демократы назначают в свои враги); Ах, если бы! так просто.

Статья Татю в "Ле Монд" появилась 28 сентября и называлась "Странная Программа мсье Жириновского". В статье он более или менее верно передал сказанное Жириновским на пресс-конференции. Мишель Татю цитирует Жириновского, сказавшего "Так же как февральская революция (против царя) привела к Октябрьской (большевистской), точно так же революция августа 1991 года приведет ко второй революции, и она будет иметь место в ноябре 1992 года. /.../ Путч нежелателен, но он будет предпочтительнее настоящей ситуации, так как он единственное средство для того, чтобы вылечиться. Помимо всего прочего, Россия нуждается в авторитарном режиме, и армия имеет право вмешаться в политику". Мишель Татю процитировал также громы и молнии Жириновского в адрес Прибалтийских стран, кавказских республик и прочих обычных мишеней. Татю правильно поймал Жириновского на противоречии. "Эта концепция Империи, где каждый имеет свою "культурную автономию" должна была бы логически привести мсье Жириновского к удовольствию видеть нерусских, достигших важных постов. Но ничего подобного, поскольку он критикует присутствие рядом с Ельциным "прибалтов", таких как Чубайс и Бурбулис, кавказца Хасбулатова во главе Парламента, не говоря уже о евреях, которые составляют 80 % журналистского корпуса в России". Далее Жириновский объясняет, что "мы не антисемиты". Татю заканчивает свою статью так: "Он получил умеренный прием от французских правых: мсье Ширак дал ему знать, что "традиция" требует договариваться о встрече за шесть месяцев вперед..." Я посчитал размеры статьи: 150 на 140 миллиметров, в три колонки. Неплохо. "Известия" ограничились небольшой заметкой Юрия Коваленко, написанной еще до пресс-конференции. Привожу ее здесь полностью. "Владимир Жириновский на берегах Сены. В Париж, во главе делегации из 6 человек прибыл председатель ЛДП Жириновский. К тому моменту, когда В. Жириновский вступил на французскую землю, программа его визита не была окончательно отработана. Пока только достигнута твердая договоренность о том, что состоится рандеву с лидером ультраправого "Национального Фронта" Жан-Мари Ле Пеном. Об этом сообщил мне за несколько дней до прилета делегации ЛДП писатель Эдуард Лимонов, который активно участвовал в подготовке визита. В. Жи-

риновский сообщил корреспонденту "Известий", что намерен договориться о сотрудничестве и взаимодействии и в перспективе создать в Москве центр правых консервативных партий Европы — Германии, Франции, Италии. — "Такой центр должен быть в Москве — там у нас больше и лучше возможности для более активной целенаправленной деятельности... Полделегации у меня — высшее руководство партии, половина — бизнесмены..." — "Есть ли у вас и у Ле Пена идеологические и прочие точки соприкосновения?" — "Это наш антиамериканизм", — последовал ответ Владимира Вольфовича. — А вас не смущает то, что Ле Пена на Западе считают расистом, фашистом?" — "Да нет... И у нас в России — чуть что — то красные, то коричневые, — отмахнулся Жириновский. — Это общая болезнь желтой демократии".

После пресс-конференции Жириновский был доволен. По-моему, он не понял, что телевидение было ле-пеновское. Попрощавшись с Жириновским, (он со своими мальчиками-банкирчиками отправился куда-то, Горшков в зеленом пиджаке впереди); я ушел домой к своим гранкам и работал до поздней ночи. Рано утром следующего дня позвонил Валентин Минаков и оставил настоятельную просьбу Жириновского (я спал, подошла моя жена) "организовать встречи с Ротшильдом, с Азнавуром или с руководителем армянской общины". Позже я позвонил в отель. Минакова не было, но был Жириновский. "С каким Ротшильдом вы хотите встретиться, Владимир Вольфович, их многие десятки... Есть Надин Ротшильд, писательница. Ей я когда-то был представлен..." "Ну с этим, с главным", — хмуро пробормотал Жириновский, — который банкир". Я не спросил, зачем ему Азнавур, и зачем руководитель армянской общины. После встречи с Гариком Саркисовичем мне ясно было зачем. Владимир Вольфович понял, что у армян богатая диаспора, у них есть деньги, которых нет у Владимира Вольфовича и ЛДП. За помощь, оказанную ему, Владимир Вольфович готов был продать армянам особую позицию в его будущем геополитическом мире. Все это нетрудно проследить по интервью и выступлениям Владимира Вольфовича. Армяне становятся все лучше, турки все ужаснее. Если раньше Жириновский часто приводил пример турецких военных переворотов ("каждые десять лет") как достойный подражания, то пример этот исчезает из его ярких речей около этого времени.

Я сказал, что у меня нет связей ни с Азнавуром (французский знаменитый певец Шарль Азнавурян), ни с общиной. Но

я попытаюсь найти ему телефоны. И нашел. Листок с телефонами до сих пор лежит где-то среди моих бумаг. Так что Владимир Вольфович начал торговать внешней политикой России уже в 1992 году, не обладая никаким постом или официальными полномочиями. Что он будет делать, если придет к власти, можно предположить. Продавать армии, горы, озера, сдавать внаем целые народы? Нет, я не считаю его безумным. **Он просто беспринципный, ограниченный советский мелкий буржуа. Абсолютно аморальный, без бога и нации, и Родины**. Антисемиты будут называть его "агентом сионизма". Но нет же, он, Жириновский, — агент Владимира Вольфовича, а тот и не еврей, так же как и не русский! Он существо без нации. Другое дело, что у него ближневосточный еврейский темперамент.

В воскресенье состоялся обед с очень влиятельным в крайне правых кругах Франции принцем Сикст-Анри де Бурбон Парм, организованный владельцем "Шока". У принца — характерный бурбонский нос, шарм августейшей особы, свободные манеры артиста — анархиста, полное неуважение к пиетету. Обед состоялся в ресторане "Лаперуз" в отдельном кабинете, завешанном гобеленами и старыми картинами. Присутствовали: с одной стороны стола: Минаков, Жириновский, Жебровский. С другой стороны: Жеральд Пенселлели, принц дэ Бурбон Парм, Лимонов. Принц жадно поедал (в ожидании заказанных блюд) булочки черного горячего хлеба. Я поедал белый с маслом, люди ЛДП стеснялись. Жириновский нарочито грубо разломил свой хлеб... Стал есть. Жебровский наконец смог использовать свой вовсе неплохой французский (лучше, чем у вождя Владимира Вольфовича) и чопорно выспрашивал что-то у своего визави Пенселлели. После обеда все мы, включая принца, отправились в помещение, где делается журнал "Шок дю муа". Жириновский со вниманием пролистал несколько последних номеров, задерживаясь, я заметил, на страницах, где были опубликованы мои военные репортажи. Он вглядывался в фотографии. Впоследствии я обнаруживал его определенное соперничество со мной. И не раз. Жириновский называет меня "честнейший и отличный человек" в калифорнийской "Панораме" от 3 августа 93 года. Судя по тому, что я рассказал о нем, у читателя возникло, надеюсь, чувство того, что сам Владимир Вольфович лишен этого качества: "честности", потому он ценит его во мне. И он не отказался бы от моей биографии и моих книг.

Два последних визита Жириновского: посещение штаб-квартиры "Фронт Насьональ", где он подробно расспрашивал об

организации и структурах партии, о ее финансировании, а Минаков даже что-то записывал, и посещение улицы Сент-Дени. В штаб-квартире "Фронт-Насьеналь" обнаружилась дама русского происхождения, забывшая русский язык. Обычные члены "Фронта" смотрели на Жириновского и его откормленных партийных товарищей с полным недоумением. Внешне ни Минаков, ни Жебровский, ни сам Владимир Вольфович не подходили под тип "Фронт Насьональ". Но так как был отдан приказ "сверху" объяснить и помочь "братской" партии, то объясняли и помогали. Дали множество плакатов и проспектов. Жириновский интересовался процедурой финансирования партии и был неприятно удивлен тем обстоятельством, что существует сильнейший надзор за финансированием. В России, в хаосе, какой-либо надзор невозможен.

Так как делегация ЛДП высказала желание (и громче всех Владимир Вольфович) посетить злачные места Парижа, я провел делегацию по Пигалю с его секс-шоу и секс-магазинами, стриптизами и салонами массажа. Шофер ждал нас в условленном месте. Сам я бываю в этом районе раз в несколько лет: шум, цвет, реклама, грязь, потоки туристов утомительны. Я там бываю вот в таких именно случаях, — показать приезжим друзьям и знакомым. Но они не ограничились тем, что осмотрели снаружи. В другом злачном районе Парижа, на улице Сан-Дени, общительный Владимир Вольфович останавливался и заговаривал с проститутками, члены же делегации стеснительно хохотали. Я пригласил их в секс-шоу всех. Туда, где, как мне показалось, девушки на фотографиях были соблазнительнее. Мы ввалились внутрь. Там оказалось сыровато и противно, как в общественной прачечной. За прилавком стоял восточного типа молодой человек, но на шум, созданный делегацией и больше всего Жириновским (может быть он от стеснения шумел), выскочил сам хозяин, небольшого роста неопрятный тип неопределенной восточной национальности: то ли ливанец, то ли черт знает кто. Он взял с меня пятьсот франков, и мы разделились на два состава: Владимир Вольфович благоразумно ушел в кабинку с Минаковым и молодым Лосевым (это он родственник Громыко), а меня поместили вместе с Жебровским. Хозяин запустил жетоны в счетчик, крутанул какую-то ручку и, оскаблясь, ушел.

Голая девушка с блядским личиком появилась за стеклом и стала совершать движения под музыку. Жебровский поправил очки, кашлянул и заметил "что ж, это вполне эстетическое зрелище". Мы довольно долго сидели там в темноте, появилась

другая девушка, они там ритмически обнимались под музыку, но обещанного на рекламе "сексуального акта" так и не последовало. Свет потух. Мы вышли из кабинки. В вестибюле Владимир Вольфович требовал обратно деньги, кричал, что хозяин мошенник. На шум из недр заведения вышла какая-то кривоногая в шали и с чашкой чая. Она оказалась русской! "Владимир Вольфович, да черт с ними, пойдемте!" — сказал я. "Как это черт с ними? Пусть они отдадут вам деньги, или хотя бы половину. Где акт? Был обещан акт, а мы не увидели акта? Вы видели акт, Жебровский?" Жебровский сказал, что не видел. "Вот, пусть отдадут половину денег, а то я их сдам полиции!" "Владимир Вольфович, эта индустрия основана на обмане. Если вы уже вошли сюда, значит что вы позволяете вас обмануть. Они все равно вас так или иначе обманут". Я уговорил его уйти. "Кто это?" — спросила кривоногая. — Жириновский?" Она осталась там с открытым ртом. "Известия" недавно перепечатали из журнала "Билд" историю, якобы имевшую место в Германии: Владимир Вольфович и проститутка русского происхождения. Пусть эта история останется на совести журнала "Билд". Такая история могла произойти, однако мрачно-садистская интерпретация кажется мне маловероятной. Владимир Вольфович скорее брюзгливый скандалист, желающий получить за свои деньги наилучший возможный сервис. Настырный обыватель, а не Дракула. — Ты проститутка? Я тебе заплатил? Обман! Недовесили! — вот это в его стиле.

РАЗВОД

Попрощавшись с Жириновским и бюрократами ЛДП в отеле "Амина", я с облегчением вздохнул. И через пару дней улетел в Будапешт, а оттуда через границу уехал в Белград, из Белграда добрался в Боснию. Возвращаясь обратно в конце октября, я лишь ночь переночевал в Париже, участвовал 24 октября в работе Конгресса Фронта Национального спасения в Москве, а в первых числах ноября был уже на другой войне, в Абхазии. Оттуда мог я и не возвратиться никогда, ибо попал под разрушительный обстрел, но Бог решил по-иному.

Первый раз после Парижа Жириновского я увидел 24 октября в холле Парламентского центра на Цветном бульваре, 2. Как обычно, коммуно-патриоты не брали его в свои игры. Его едва пропустили в здание, но уж никак не позволили ему войти в состав Фронта Национального Спасения. Жириновский желал подписать все что угодно, лишь бы взяли. Он стоял в холле, окруженный своими: Жебровский, Архипов, Митрофанов, Мусатов в огромной фуражке и, конечно, Владимир Михайлович, горою над всеми. Затем он сидел в зале, ожидая что ему дадут слова. Зюганов, все более набиравший тогда силу (Анпилова он уже выжал), обещал всем и все, и мне тоже обещал "мы тебя введем в состав политсовета", посадил меня в президиум и дал в тот вечер слово. Но лукавый, сиропный коммунист, основного обещания своего он не сдержал. В холле Жириновский поздоровался со мной вполне дружелюбно, за руку, потом, подумав, мы расцеловались; мы сказали друг другу несколько слов, и все, я пошел по своим делам, он — по

своим. Я знал от Архипова, что кабинет никак не работает, что якобы Жириновский не очень доволен политическими результатами своей поездки во Францию и что едва ли не винит в этом меня. А в этом его якобы уверяют Жебровский и Минаков. Я тогда верил Архипову, сейчас я верю его словам куда меньше. У меня нет сомнений, что лучшими результаты спонтанной поездки Жириновского во Францию быть не могли. Что, к его счастью, у меня оказались личные связи с "Фронт Насьеналь", иначе результаты поездки были бы еще хуже: его не принял бы и Жан-Мари Ле Пен. Напомню, что я вынужден был приготовить досье на Жириновского для Ле Пена. Еще в сентябре 91 года Ле Пен приветствовал действия Ельцина, называя его националистом. Кто такой Жириновский, Ле Пен тогда не знал. Я думаю, что сегодня результаты поездки Жириновского во Францию (предположим, что он явился бы) были бы еще худшими, несмотря на то, что он куда более известен. Дело в том, что его поливы, предназначенные для внутреннего употребления, приняты на Западе всерьез. Он создал себе репутацию Иди Амина. Он срочно должен издать здесь программу ЛДП, дабы реабилитировать себя. Ему придется немало "погрести", чтобы на Западе изменили о нем мнение.

Я хочу тут задержаться немного на конгрессе Фронта Национального Спасения. Говоря о Жириновском, нельзя обойтись без контекста, в котором он оказался осенью. Вот каково было политическое состояние оппозиции к 24 октября 1992 года: Анпилова в состав Фронта не взяли. Жириновского не взяли, он прошел в здание, но во втором отделении покинул зал. Зато 40 бояр в высоких шапках, свадебных генералов, в большинстве своем бесполезных или малополезных людей, вошли в Национальный Совет. (Меня, дав слово на конгрессе, в конце концов тоже не взяли, тихо, по-азиатски замолчав все мои просьбы и требования. Не так ли было, господа Зюганов, Чикин, Проханов, Володин?) Бояре оппозиции, они важно колыхали шапками сидя на сцене.

Тут следует объяснить, что бояре эти вышли из перестроечной элиты горбачевского времени, а большая часть даже из брежневской номенклатуры. Неполитический класс, они, сидевшие тогда на сцене (я сидел в первом ряду крайний справа, но единственный не "бывший"), ближе всего напоминали именно БОЯРСТВО, социальную группу, немало навредившую России во все времена. Отобранные избирателями (в случае депутатов) или властью около 1990 года, в основном за симпатии к модным тогда еще у избирателя "реформам", это были люди из

прошлого страны, все менее понимавшие ее настоящее. Их отбирали по чину, по количеству звезд на погонах, по громкости голоса, по величине имени брежневского времени, по степени ярости их антисталинской или антизастойной демагогии. Их заслуга в 1990 году заключалась в том, что они — люди прошлого, симпатизировали некоему расплывчатому "цивилизованному" будущему. Подобные переходные группы неизбежно появляются в периоды социальных катастроф, и нормально, что за отсутствием настоящего политического класса они временно выполняют его функции. Подчеркиваю, ВРЕМЕННО.

Естественно, что **БОЯРЕ эти, не умея думать вперед (политическое мышление), всего-навсего послушно изменялись вместе со страной и народом. И когда страна взвыла, не в силах выносить изуверские опыты, которым ее подвергла "команда Ельцина", народ взвыл, вместе с народом взвыла и возмутилась часть БОЯР.** Среди этих сорока на сцене были в основном такие, всего лишь выразители эмоций страны: ее страха и ее боли. И была еще одна группа — откровенно беспринципная, куда более беспринципная, чем некогда была номенклатура КПСС. Полное отсутствие морали и ответственности, наивный, обезоруживающий оппортунизм характеризует эту группу БОЯР. Как в свое время, подобрав полы, бегали бояре к Лжедмитриям и обратно к законному царю, туда, где казалось выгоднее, так и в ФНС оказалось немало таких "бегунов". Большинство, что грех-то таить.

Тогда в перерыве между заседаниями я попал в комнату за кулисами, где все члены оргкомитета ФНС собрались. Там они довольно неприятно делили посты. Неприятно: сварливо и ханжески. Налицо было соперничество между Зюгановым и Константиновым, закончившееся победой Константинова. Обиженный, выбранный только в Политсовет Бабурин с раскрасневшимися щеками гневно говорил что-то от двери. Проханов, редактор "Дня", человек, объединивший своим общительным темпераментом и романтическим империализмом, всех их, молчал. Выбраны были девять сопредседателей и координатор с двумя помощниками. Координатором стал Константинов. Коммунистов в руководстве явно оттеснили бородатые перебежчики, "новые патриоты", — среди них Астафьев. Я не люблю перебежчиков, не выношу "ошибавшихся". Потому присутствие какого-то генерала Стерлигова (он ездил арестовывать ГэКаЧепистов) в ФНС неприятно поражало меня. Дружелюбно настроенный к писателю Распутину, я, однако, отлично помнил, что это Государственный совет Горбачева, в составе которого был и Распутин

6 сентября 1991 года, признал независимость Латвии, Литвы и Эстонии. Закулисная дележка власти была неприятна не только мне. Встал, с шумом отодвинул стул худой мужик, по виду работяга, член Оргкомитета, сказал зло: "Деятели! Сейчас зарплату начнут делить!" и ушел, хлопнув дверью. Представитель Казахстана от двери пытался взывать к лидерам ФНС: "Что же мне сказать там нашим людям? Русские Казахстана ждут конкретного руководства "Что делать", а вы!"

Во втором отделении конгресса Жириновского в зале уже не было. Конгресс этот, я думаю, переполнил чашу его терпения. Он, конечно, не мог знать того, что происходило за кулисами, но руководствовался своим чутьем. Он понял, что бесповоротно и окончательно его не взяли. И значит, уже не возьмут. (Причины не так уж важны). **И он решил поискать союзников в другом лагере.** Но для этого нужно было изменить поведение (пусть временно), изменить имидж партии. Нет сомнения, что именно после Конгресса ФНС Жириновский решил стать "центристом". Так же, как и нет сомнения в том, что тогда же он решил воспользоваться советом Жан-Мари Ле Пена и очистить ЛДП от "молодых людей в коже, которые потянут его движение к национал-социализму".

27 октября в 14.30 я, Жариков и Архипов встретились у метро "Таганская". Чуть позже появился японский автобус Митрофанова. В автобусе мы отправились в ресторан "Крутояр".

Ресторан помещался, как и все заведения подобного рода, за неприметной дверью вовсе без вывески. Частный ресторан этот принадлежал, во всяком случае, он был одним из совладельцев, Александру Венгеровскому. Сегодня этот человек... Но лучше обратиться к еженедельнику "Аргументы и факты" (нр. 4, за январь 1994 г.) "Александр Венгеровский — заместитель председателя Госдумы от фракции ЛДПР. **Пока в парламенте он немногословен...** Биографическая справка. Родился в 1953 году в Москве. Русский, из семьи врачей. Окончил МАИ, факультет радиоэлектроники летательных аппаратов. Работал в гражданской авиации. Как офицер служил в Главном управлении военной космонавтики специалистом в области вычислительной техники и системы управления космическими объектами. На вершине своей административной карьеры, уже на "гражданке", стал руководителем Главного управления Государственного комитета по вычислительной технике и информатике. Курировал и организовывал в СССР разработку программного обеспечения. Будучи в армии, вступил в КПСС. Партийный билет компартии не порвал, а приостановил свое членство..." Чтобы покончить

со статьей в "АиФ", все равно ее придется цитировать далее, покончу сразу. Уважаемый Александр Дмитриевич тихо сочиняет: "В ЛДПР я занимался специальными вопросами. **Был вице-премьером теневого кабинета министров, то есть организовывал интеллектуальную команду ЛДПР**". "У нас есть руководитель партии, есть политбюро, это все — команда председателя. Я член команды председателя партии Жириновского. Мы стоим на одинаковых позициях и действуем исходя из одного аргумента — программы ЛДПР". (Так и подмывает спросить: "А что есть программа ЛДПР? "Сок мозга" Владимира Вольфовича "Последний бросок на юг", или программа образца 1991 г., или Принципы ЛДПР апреля 1993 г.?) На вопрос: "Заявления от имени ЛДПР за границей настораживают не только политиков, они могут вызвать неприязнь к русским", Венгеровский вещает важно: "Существует два типа цивилизации: это духовная — российская; и цивилизация потребительства — западная. Страны и народы должны определиться, к какой цивилизации они будут приобщаться. Я уверен, что все равно **победа будет за духовностью. И Жириновский является лидером в этой борьбе**". "Но есть силы, которые этого не хотят. Их можно назвать общим термином "мировая закулиса". У нас сильная интеллектуальная группа. Мы ее называем "теневой кабинет министров". Он готовит всем много сюрпризов". Милый, вальяжный, похожий на Бабурина, Александр Дмитриевич Венгеровский, осторожная бородка, усы, импозантный, вид барина, но "мировую закулису" своим интеллектом он не победит. Это ясно из приведенного отрывка интервью. К счастью для него "пока в парламенте он немногословен". Может быть, я не знаю, у него мощный технический талант в области самолетов? Конечно, рядом с телохранителем Владимира Вольфовича, Владимиром Михайловичем, тоже депутатом Государственной Думы, — Венгеровский — светоч интеллекта.

В том же интервью Венгеровский говорит: "Ни у кого не возникало искушения внести раскол в ЛДПР. Наша сила — это единство. У нас руководитель один, здесь нет никаких сомнений, это — Жириновский".

Возникало искушение, Александр Дмитриевич. В тот день 27 декабря шел сильный снег. Приехав в ваш ресторан, пройдя по каким-то коридорам, мы вошли в отдельный кабинет, обшитый светлым деревом, и нас ждал длинный стол, уставленный не кашей, компотом и кусочком селедки, которыми ваш "руководитель" будет кормить русских пенсионеров, но пищей другого класса. Осетрина, свежая зелень, мясо, икра. Мы сидели

там все: вы, Леша Митрофанов, беспокойный Архипов, Жариков, и вы первый заговорили о своем недовольстве "руководителем". У вас сложилась тяжелая ситуация в здании института, которым вы заведывали (на Зубовском бульваре), на вашу площадь претендовала фирма, совместное предприятие, не помню названия, но легко узнать. Вас угрожали выселить, а Жириновский, угрожая прибалтам и японцам, ничем, однако, не мог вам помочь. Вас прервал Архипов, ему тоже было что сказать: "Вернувшись из Парижа, вождь изменился. Он выдвинул свою кандидатуру в мэры Москвы. Шеф начал работать на карман. Для нужд партии, — Архипов сгримасничал, — но на имя Владимира Вольфовича и его родственников приобретены десять квартир в Москве. В Москве была мощная чистка партии. Молодые ребята выгнаны". "Вождь скурвился, — сказал просто Жариков. — Вождю хочется срочно какой-нибудь пост. Он не только в министры к Ельцину пойдет, но и Лужковым пойдет служить".

Из всего сказанного тогда я понял, что Жириновский стал поощрять свой старый аппарат (Жебровский — типичный представитель) и отдаляет молодежь. Обладая ментальностью несносной единственной примадонны в театре, он не желает поделиться и частью паблисити, внимания средств информации. Я сказал, что сочувствую им, что находясь сам в особом положении, однако чувствовал себя постоянно неловко, когда Жириновский не умолкая разглагольствовал на митингах и пресс-конференциях, а "министры" сидели истуканами. Каждая работа должна вознаграждаться, а быть у Жириновского слугами и воздвигать его, кто же из нормальных людей выдержит. Амбиции есть у всех, и амбиции нужно удовлетворять. Еще я, помню, сказал, что, придя в кабинет по приглашению, надеялся, что кабинет будет работать, а выяснилось, что кабинета нет. Есть вялые собрания, более или менее скрашиваемые темпераментом и остроумием присутствующих. Короче, в тот снежный день мы сидели там долго и четко **выяснили, что дальше работать на Жириновского нам надоело**. Венгеровский, раздумчивый и осторожный, высказывался менее экстремистски чем Архипов или Жариков, но то, что вальяжный господин Венгеровский не видел для себя смысла в продолжении работы с Жириновским, было ясно как день. Да, кстати говоря, в тот период он не состоял в теневом кабинете ни в каком качестве и его помощь вождю ограничивалась единожды данным партии денежным пожертвованием. Если не ошибаюсь, миллион рублей. Так что какую там "интеллектуальную команду вы органи-

зовывали", бог с вами! Снег мел, звучали обиды, и даже Митрофанов, сжимая ручки в волнении, согласен был с тем, что "вождь скурвился".

Я уехал в прекрасную страну, в субтропики Абхазии. Пляжи там заросли травой, и некогда вмещавшие сотню тысяч курортников Гагра и Пицунда чернели сгоревшими коробками санаториев в дикой зелени. В Эшерах я едва не остался навечно. По возвращении мне сказали, что на демонстрации 7 ноября на Манежной Жириновский был: стоял отчужденно в дальнем краю площади на каком-то полугрузовике-полутелеге, с плохим микрофоном. Бело-голубые флаги ЛДП свисали тряпками. Два десятка зевак вокруг. Архипов на демонстрацию не пришел. Жариков спал. Им надоело. Они устали. Он не давал им ничего взамен, вождь Жириновский. Я не знаю, что они там говорили между собой, когда общались (Жариков и Архипов общались с раннего утра по телефону, перезванивались по малейшему поводу, эти двое), но, думаю, они решили сменить вождя на более покладистого. На такого, который подвинется и даст место и им. Жириновский же явно решил податься поближе к своей собственной программе, к либерально-демократическим принципам, раз не получается фальшивый из него ИВАНОВ. К демократам поближе, ведь на самом деле его программа и есть "демократическая", и его партия первая демократическая партия, зарегистрированная в России. Отец русской демократии Жириновский в ноябре 1992 года решил сбросить маску ИВАНОВА. Сбросив, точнее, с б р а с ы в а я маску, он подумал: "А зачем мне эти молодые люди, все эти экстремисты, если я центрист и демократ? Они меня только дискредитируют". То есть, обе стороны решили развестись.

14-го ноября утром добрая половина теневого кабинета (Архипов, Бузов, Жариков, Митрофанов) встретилась у ресторана "Прага", я был с женой Наташей, и, загрузившись в микроавтобус Митрофанова, уехали на Николину Гору в известную уже читателю номенклатуриую дачу Митрофанова. Там они объявили мне что молодежное крыло ЛДП решило уйти от Жириновского и основать новую партию: национал-радикальную. По их решению во главе партии должен буду стать я. Так они решили за меня мою судьбу, а я согласился. На вторник было назначено собрание, а на воскресенье 22 ноября учредительный съезд НРП.

В период между 14 ноября и 22 — ноября мы множество раз встретились в разном составе, но Архипов присутствовал всегда. Два раза мы встретились в офисе Сергея Плеханова,

того самого первого биографа и сотрудника Жириновского. Он работал в том же акционерном обществе, помещалось оно в здании бывшей редакции журнала "Советский Союз", улица Москвина, 8. Уютный старый особняк в центре Москвы, с рассохшимися паркетами. Там на втором этаже мы собрались для обсуждения. Плеханов, по-моему, хотел посмотреть, что у нас получится, и в зависимости от результата примкнуть к нам, или не примкнуть. Оба раза на Москвина, 8, присутствовал и неискушимый "член команды" Жириновского Александр Дмитриевич Венгеровский. "Ни у кого не возникало искушения внести раскол в ЛДПР. Наша сила — единство. У нас руководитель один, здесь нет никаких сомнений, это — Жириновский". Но тогда Венгеровский терзался сомнениями. Примкнуть к путчистам: Архипову, Митрофанову, Жарикову, Бузову, Курскому, Лимонову? Или выждать, как поступает Плеханов? Венгеровский сомневался еще и в январе 1993 года. Он дал национал-радикальной партии комнату в здании своего института, там были столы, полки, телефон. Здание, правда, рассыпалось от дряхлости, но такая комната стоит не менее 400 000 рублей в месяц, в любом случае. Так что Венгеровский играл на двух биллиардах.

22 ноября состоялся съезд национал-радикальной партии. Присутствовали помимо диссидентов ЛДП еще ребята из группы "Норд" и диссиденты некоторых других движений. Так как книга о Жириновском, то я не стану останавливаться на деталях. Венгеровский на съезде не присутствовал. Бузов должен был приехать, сбор был назначен на станции метро "Кунцевская", но в назначенное время его у метро не было. В юности, подростком-криминалом знавал я таких, как Юра Бузов, не являвшихся "на дело". Он явно передумал в последний момент, но сказать об этом не решился. Присутствовали и были избраны в Политсовет: Лимонов, Архипов, Митрофанов, Жариков, Курбский, то есть пять "министров" теневого кабинета. Впоследствии, уже в декабре (Национал-Радикальная Партия была зарегистрирована Минюстом 17 декабря 1992 г.) Митрофанов тихо, на цыпочках вернулся к "папе", так он и Бузов иногда называли Жириновского. Поплакался ли он в жилетку, или сумел сделать вид, что ничего не произошло, я не знаю.

Судьба НРП, так поспешно созданной, не является предметом данной книги, потому ограничусь этими сведениями. Съезд состоялся 22 ноября 1992 года, на даче Митрофанова, бывшей даче Мураховского, в огромной биллиардной.

Но вернемся к предмету исследования, к Жириновскому. Еще несколько слов о политической ситуации той осени.

Фронт Национального Спасения сразу же взял курс на союз с Верховным Советом, потому что среди девяти его сопредседателей, по меньшей мере пять (Константинов, Бабурин, Астафьев и др.) были депутатами ВС. Этот ошибочный и оскорбительный для Фронта союз с недавними гонителями оппозиции (вспомним, что еще в марте Хасбулатов обещал по десять лет участникам Чрезвычайного Съезда депутатов СССР) в конце концов привел к полному вначале замещению ФНС Верховным Советом России, а затем и к гибели ФНС как организации 21 сентября — 4 октября 1993 года. Погибая, Верховный Совет России утащил в могилу и Фронт Национального спасения. Я предвидел эту опасность еще до создания ФНС, написал о ней в сентябре в статье, которую редактор "Сов. России" Чикин (и Зюганов) уговорили меня не печатать, я сказал об этой опасности в своей речи на конгрессе 24 октября 1992 года. Эта **трагическая ошибка ФНС в конечном счете через год послужила одной из причин победы Жириновского на выборах**. Я считаю это самой главной причиной. Ошибающиеся ежедневно политики, никчемные стратеги, думающие задним умом бывшие бояре коммунистического режима, — вот оппозиция. В ноябре 1992 года я думал о них менее сурово, но разочаровали они меня уже тогда. Вот запись в моем рабочем блокноте на следующий день после конгресса: "Даже ночью (в "Дне" с Володиным, Прохановым, Бондаренко, Шурыгиным, Лыкошиным...) я был недоволен. Профессиональные бюрократы угоняют власть у националистов. Пока что власть в организации оппозиции (ФНС). Но может быть и..." Запись не закончена, но ясно, что я имел в виду полный угон оппозиции Верховным Советом Хасбулатова. Это случилось уже в декабре.

Популярный в России журналист и писатель, я был нужен им. Они меня использовали. И старались умаслить. Но к власти не допускали. 25 октября в ресторане у метро "Пролетарская", принадлежащем миллиардеру Фиязу Жебриловичу Наврузову, состоялся банкет оппозиции. Всего около 15 человек. Я сидел между генерал-майором Макашовым и полковником Алкснисом. Присутствовали еще: генерал Титов, глава Союза офицеров Терехов, Володин, редактор "Сов. России" Чикин, Умалатова, Горячева, Астафьев. Во главе стола восседал тамадой Проханов. Позднее пришли выступавшие на телевидении Зюганов и Константинов. Умасливали. Но, уезжая в Абхазию, я оставил Проханову письмо, адресованное ему и Константинову. Я вы-

сказал в этом письме свое недоумение по поводу того, что меня не включили в Политсовет ФНС, и обосновывал мою нужность и полезность этой самой представительной организации оппозиции. Я говорил о своем желании работать в Политсовете ФНС и Чикину, и Володину, и Алкснису. Читатель должен понять, что речь идет не о материальных благах, а напротив: я добивался права взвалить на себя крест и испортить еще более свою и так испорченную репутацию. Они молчали. Потому, безработный лидер, я принял предложение диссидентов ЛДП.

Сняв маску ИВАНОВА (как оказалось, временно), Жириновский сосредоточился на своем настоящем образе: либерального демократа. И оставался таковым целый год. От осени 92-го до осени 93-го. Послушным школьником участвовал в работе Конституционной комиссии Ельцина. В событиях 21 сентября — 4 октября не участвовал. Правда, верный инстинкту деляги пытался на всякий случай продать себя и тем, и другим: поскорбел по поводу "самых лучших офицеров, погибших в Белом Доме", а в другом выступлении оправдал действия президента. К моменту выборов Жириновский пришел своим в доску, полезным союзником Ельцину для принятия Конституции, и потому на листы с подписями за выдвижение ЛДПР Центральная Избирательная комиссия смотрела сквозь пальцы, благожелательно. В то время как Российский общенародный Союз, возглавляемый Бабуриным, сдав 105 тысяч подписей, был к выборам не допущен, так как его подписные листы были подвергнуты щепетильной и дотошной проверке и часть их якобы не соответствовала предъявляемым требованиям. Вот что писала "Независимая газета" от 12 ноября 1993 года по этому поводу: "Российский Общенародный Союз принес более 105 тысяч подписей, однако ему были не засчитаны те из них, которые собраны в Москве и области свыше разрешенных в каждом субъекте РФ 15 тысяч, а также те, которые собирались в Эстонии и Приднестровье, и не были заверены в консульских учреждениях. Таким образом, у РОС действительными считаются только 81 649 подписей". Подобным же образом, отсеяли еще несколько оппозиционных партий: Конституционно-демократической партии Центризбирком засчитал 92 162 подписи, Национально-республиканской партии — 60 490 подписей, Российской Христианско-демократической партии засчитали 83 034 подписи. Фронт же Национального Спасения — самая крупная организация, сборная оппозиция, был запрещен сразу после событий 21 сентября — 4 октября. Так же как и "Трудовая Россия", и

"Союз офицеров". ВСЕГО, ПО МОИМ ПОДСЧЕТАМ, ТРИНАДЦАТЬ КРУПНЕЙШИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ОППОЗИЦИИ БЫЛИ НЕ ДОПУЩЕНЫ К ВЫБОРАМ 12 ДЕКАБРЯ (ФРОНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ СРЕДИ НИХ). Власти (президент и его мальчики) рассчитывали, что от этого насильственного устранения конкурентов прибыль пойдет правительственному блоку "Выбор России". Но выиграл от этого фальшивый оппозиционер, фальшивый "националист", настоящий Самозванец — Жириновский. Интересно, что если Ельцин и его команда добились того, что слово "демократы" по отношению к ним иначе как в кавычках не употребляется, можно с уверенностью ставить в кавычки слово "националисты" в применении к Жириновскому и ЛДПР.

Но я забежал вперед. С уходом Архипова, на некоторое время случился сбой в хорошо налаженной системе запуска "уток". Жириновский исчез из новостей. Политическая инициатива в любом случае с декабря 1992 года перешла к Верховному Совету. Хасбулатов был назван всеми опросами самым популярным, после Ельцина, политиком России. Но и помимо того, что основная политическая сцена переместилась в Верховный Совет, мне, профессионалу, было видно, что Жириновский спрятался и выжидает. Он никогда не отличался прозорливостью в своих политических прогнозах, скорее он всегда ошибался в прогнозах (так он ответил "Аргументам и фактам" (нр. 39, 1993 г.) в двадцатых числах сентября: "К власти, если "шатание" Руцкого продолжится, придут коммунисты, набрав для этого наибольшее количество голосов и имея деньги", т. е. он даже не предвидел свой собственный успех через два месяца!) Но инстинкт Жириновского сработал правильно: если не взяли в оппозицию, следовало приблизиться к власти. Что он и делал с ноября 1992 года. Помню, какой шок ощутил я, когда впервые увидел на экране телевизора Владимира Вольфовича Жириновского в одном кадре с Борисом Николаевичем Ельциным. Жириновский выступал с трибуны Конституционного Совещания, а Ельцин сидя сзади и выше в президиуме, улыбался, подперев щеку рукой. Тогда же Жириновский высказался следующим образом: "Конституция, что ГАИ, никому милиционеры автоинспекции не нравятся, но они нужны для регулировки движения". В этом якобы остроумном ответе слышится, однако, явное оправдание... (Участвовал в Конституционном совещании и Бабурин, но все испортил позднее своим участием в сопротивлении Верховного Совета. Там Бабурин выступал с крайних позиций. Выйдя из здания горящего парламента в

16 часов 4 октября, Бабурин едва избежал расстрела под горячую руку.)

Владимир Вольфович, однако, человек непоседливый, и его темперамент требует немедленных действий. Прошло Конституционное Совещание, прошло лето 1993 года. Нервы Владимира Вольфовича стали сдавать. Дело в том, что он не получил ожидаемых плодов своего послушания. Много месяцев в послушных "центристах", а где награда! (О том, что он "центрист", Жириновский говорил в тот период направо и налево. Ниже я опять цитирую, но в ином контексте, интервью калифорнийской "Панораме", опубликованное 3 августа; я думаю, что интервью состоялось гораздо раньше, в начале июля скорее всего. "Панорама" — еженедельник). Неудовлетворенный, Жириновский чего-то хочет, еще неуверенно, но собирается вернуться к прежнему радикализму своих поливов, а то и ужесточить его. Определенный успех радикальных сил, демонстрации 1 мая (переросшей в баталию с ОМОНом, в результате один убит и многие десятки ранены), успех демонстраций 9 мая и 5 июня, радикалы привлекли внимание западной прессы, и она все чаще пишет о "фашистах" Баркашова и "национал-большевиках"; эта вдруг радикализация политического климата, — заставляют Жириновского засомневаться в его позиции. 28 августа "Известия" публикуют статью Жириновского "Крах Четвертого Интерационала". Жирным шрифтом над статьей набрано: НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ. Однако шапка, я думаю, добавлена "Известиями". Я предложил "Известиям" прокомментировать текст Жириновского, и 13 сентября "Известия" публикуют мой текст "Я думал о Жириновском лучше". Привожу здесь оригинальный текст этой статьи, так как в "Известиях" она была напечатана с сокращениями и заголовок был изменен.

"Держи вора!

За Владимиром Вольфовичем не успеет и самый резвый политолог. Если раньше он менял идеологию единожды в год (активист еврейского движения в конце 80-х, согласно "Русской Мысли" от 15 января с. г.; некоторое время демократ!; с 1990 г. — либеральный демократ; авторитарный популист в 91—92 годах), то теперь меняет раз в сезон. 3 августа утверждал он в интервью калифорнийской газете "Панорама", что у ЛДПР **"четкая политическая направленность: умеренная право-центристская партия. Допустимый предел:**

двадцать градусов правее центра. Ни двадцать пять, ни девяносто, а только чуть-чуть правее. И попенял мне лично, противопоставил экстремиста Лимонова себе ("мы"): "Мы никогда не встанем на путь насилия ни в большом, ни в малом. Вот этим Лимонов от нас отличается... у него стремление решать политические проблемы силовым путем. Он готов сражаться на баррикадах с оружием в руках и даже погибнуть. Это его стиль. Вот поэтому мы с ним и разошлись. Такие уходят из нашей партии. В крайне правые и крайне левые". Единожды, но Жириновский проговорился, что у его центризма есть модель, и кто это: **"Вот и Руцкой о том же говорит"**.

Всего лишь через 25 дней, в "Известиях" от 28 августа, в статье "Крах Четвертого Интернационала" Жириновский уже под другим, крайне неумеренным флагом. Прощай, Руцкой, забыты лимиты градусов! Бранчливой скороговоркой чревовещает он о "президентской гвардии, оснащенной всеми видами вооружения, способной в течение часа развернуть боевые действия в любой точке мира"; поэтизирует, заимствуя не то у Наполеона, не то у Остапа Бендера "наши солдаты омоют свои ботинки в водах теплого Индийского океана и местные жители встретят их цветами". Замечу, что благоглуп Жириновский и как стратег, и как поэт: для операции "Буря в пустыне" сверхсовременные янки наращивали войска в Саудовской Аравии многие недели; вульгаризм же "местные жители", вкупе с "ботинками" и "цветами", вышучивают стратега и его солдат. Но я не об этом. Я о том, почему Жириновский за 25 дней сменил идеологию на прямо противоположную. Что с ним произошло за это время? Испугался своей умеренности начала августа, понял, что против центриста Руцкого новому центристу Жириновскому не вытянуть, а значит, президентство желанное не состоится; и решил вернуться к старому радикал-популизму, принесшему ему 6,2 миллиона голосов? Я бы и пришел именно к такому выводу, ЕСЛИ БЫ под конец статьи не загнул

Владимир Вольфович ни к селу ни к городу про "национал-социализм". С чего бы это? Он даже перед Ле Пеном за название ЛДП твердо вступился в моем присутствии: "Наш народ не поймет 'национал', в названии партии", и вот, нате! Причем "национал-социализм" как-то совсем уж чуждо за хвост притянут в статье и назван "философией обывателя", в самом что ни на есть положительном смысле. (Слышали бы его штурмовики Рема и белокурые бестии эсэсовцы!)

Тут-то мне и стало все ясно. Ревность проклятая и зависть, плюс сомнения замучили Жириновского. Несомненная вспышка активности крайне правых партий в Европе (в особенности в Восточной Германии и в России) вызывает последние месяцы пристальное и специальное внимание и медий и власть имущих. Этим летом во Франции вся центральная пресса старательно и долго громила "национал-большевистский заговор" (я попал в основные злодеи), и все газеты Европы опубликовали информацию о нем. Сотни иностранных журналистов, соблазненные модной темой, приезжают в Москву охотиться за "нео-фашистами" и красно-коричневыми "национал-большевиками". **Сам себя объявивший умеренным центристом, вежливо участвовавший в тени Ельцина на Конституционном Совещании, забыт всеми на Рыбниковом переулке бывший вчерашний наш самый ультра, Жириновский**. А ведь он привык ко вниманию, и как! И взыграло тут ретивое. Собрался забытый политик с духом и присобачил к обычному, в старом стиле доцентристскому поливу своему модную концовку, и отдал в "Известия". "**Соединение важнейших принципов социализма с национальными идеями есть национал-социализм**", — важно вещает он. Но это ленивый, непереваренный плагиат, и только. "**Слияние самых радикальных форм социального сопротивления с самыми радикальными формами национального сопротивления есть национал-большевизм**", — гласит одно из положений "Приказа о создании национал-большевистского фронта", авторы его Александр Дугин и Эду-

ард Лимонов, но никак не Жириновский. Написанный 1 мая с. г. приказ был распространен в тысячах экземпляров во время демонстрации 9 мая в Москве, и с тех пор цитировался оптом и в розницу газетами Европы, и нашими; в последний раз 7 августа "Советской Россией". Жириновский не заколебался бы предстать пред нами и апостолом национал-большевизма, но решил, очевидно, что будет ОЧЕНЬ СЛИШКОМ видно.

Но и так ОЧЕНЬ СЛИШКОМ виден ПЛАГИАТ. Я думал о Жириновском лучше. Я думал, он талантливее. Задрав штаны бежать за Лимоновым и Дугиным и их национал-большевизмом самым постыдным, демонстративным образом! Как можно! Мечется бедный Жириновский.

То Жириновскому кажется, что "центризм" верная идея и вывезет к президентству, "вот и Руцкой о том же говорит". Спустя несколько недель сомнения опять одолевают: а что если красно-коричневый "национал-большевизм" выигрышная идея? Иначе зачем на нее так много изводят газетного места умные иностранцы? Как дитя, несмышленое, но жадное, хочет быть он и умеренным тихим центристом, и УЖАСНЫМ нацистом. Такая базарная, наглая, низкая манера соискания президентства, надеюсь, произведет неприятное впечатление на его избирателей. И они поймут, что нет у Владимира Вольфовича политических убеждений. Никаких. У него одно, но глубокое, неполитическое убеждение: что Владимир Вольфович должен стать президентом. Потому он заимствует чужие убеждения. Ворует. Держи вора!"

"Известия" убрали "вора", а жаль! На фоне всеобщего оппортунизма русской политики, и оппозиция не исключение из правил, эти маневры Владимира Вольфовича выглядят менее разительно. Потому обвинявшие его в 1992 году в "фашизме" его родственники "демократы", вполне дружественно воспринимали его в 1993 году, как-никак он явился к Ельцину и помог выдать обсуждение проекта Конституции за общероссийское дело. Без участия ЛДПР обсуждение выглядело бы как прави-

тельственная затея. Выиграв 70 мест в Думе (исключительно благодаря бездарному головотяпству противника, забившего мяч в свои ворота много раз подряд), он опять стал "фашистом".

Борис Николаевич Ельцин славно поработал на Владимира Вольфовича, убрав вначале с помощью пушек Руцкого, Хасбулатова, Константинова и Анпилова и их партии и движения, конкурентов Владимира Вольфовича в политике, и не допустив позднее РОС, НРП, РХДП, КДП к выборам. **Если бы в последний момент не было разрешено участие в выборах Коммунистической партии Российской Федерации* (партии Зюганова), ЛДПР сегодня имела бы в Государственной Думе еще 65 мест, то есть 135 депутатов имела бы!** Жириновский должен молиться на Бориса Николаевича. Борис Николаевич же, осознав, что натворил, срочно выпустил из тюрьмы Руцкого, чтобы к моменту президентских выборов 1996 г. разбить голоса антиельцинистов. Рыжков, бывший премьер Горбачева, долгое время был вне политики, никаких страстей его имя не возбуждает. Если, как ожидается, он выставит свою кандидатуру третьим между Ельциным и Жириновским, эта фигура существенно не изменит расстановку сил. Другое дело Руцкой. За него охотно проголосуют и коммунисты, ибо Зюганов не настолько силен, чтобы конкурировать с Ельциным и Жириновским.

С декабря 1992 года политическая борьба в России в основном свелась к борьбе между Ельциным и его парламентом, подмявшим под себя постепенно ФНС и более мелкие организации оппозиции. Так что **Жириновский совершал свои маневры по-прежнему на обочине основного политического движе-**

* Вероятнее всего, по совету американских друзей Ельцина. Пристрастие к формальному соблюдению церемоний демократии американцами общеизвестно. "Что за демократические выборы без хотя бы единственной партии коммунистической ориентации...", очевидно, сказали американцы.

ния. То, что он стал центристом, мало кем было замечено, попросту потому только, что никому не было дела до Жириновского и ЛДП. (Надо признать, что такие тихие периоды и есть самые опасные для партий, ЛДП не исключение. Обыкновенно отток людей из партии особенно силен именно в периоды безделья.) 21 сентября Ельцин объявил парламент вне закона, и политическая борьба и вовсе свелась к противостоянию между Домом Парламента и Кремлем. Не только Жириновский был забыт, но и Анпилов, не только Проханов растерянный бродил по коридорам Белого Дома, но и Стерлигов, и Зюганов, и Умалатова, и многие другие лидеры ФНС. Противостояние вообще свелось к неполитической борьбе двух президентов: Ельцина и Руцкого (плюс Хасбулатова). В этой обстановке, когда Жириновский попытался напомнить о себе, что он есть, предложил себя в качестве посредника, его никто не заметил кроме пары газет. Мелькнуло имя и исчезло. Даже такого посредника, как патриарх, игнорировали. Ты Алексий II? Ну и бог с тобой. Заговорили пушки.

Когда пушки отговорили, состоялись выборы. И вот тут-то, не имея возможности проголосовать за партию расстрелянных из пушек (напоминаю, что тринадцать партий и движений оппозиции были не допущены к выборам), растроганный, злой или жалостливый избиратель проголосовал за те партии, которые НАПОМИНАЛИ ему, ПОХОДИЛИ НА тех, расстрелянных и недопущенных. Победа досталась третьим лицам: Жириновскому и Зюганову. Вот что писал лишенный победы Александр Баркашов, лидер "Русского Национального Единства", раненый, из тюремной больницы: "Многие сочувствующие нам задают эти вопросы, говоря при этом: "Теперь Жириновский собрал голоса ваших потенциальных избирателей и пожинает плоды вашей пропагандистской работы и популярности ваших политических взглядов". Возможно, и мы поступили бы так же, как поступили Жириновский и Зюганов, если бы мы были политиками, готовыми на любые компромиссы, на любые политические кульбиты, ради того, чтобы любой ценой оказаться около власти, пусть даже и "оккупационной" (слова Зюганова), но около власти. Но мы не политики — мы по духу Воины — Воины Руси. Мы поступили так, как должны поступать Воины Духа. /.../ В отличие от зюгановых и жириновских, мы не могли оставаться в стороне — Русская честь выбора не оставляет".

Заметьте, что Баркашов пишет здесь зюгановых и жириновских с маленькой буквы. Я разделяю его презрение.

САМОЗВАНЕЦ

Жириновского назойливо сравнивают с Гитлером. И зарубежные журналисты тоже. Не нужно думать, что зарубежные журналисты образованнее наших, ничуть, журналистская культура повсюду очень низкая. Потому затвердили и талдычат: "Гитлер, Гитлер", — ибо в их интеллектуальном багаже только этот исторический персонаж для сравнения. Между тем жизнь и идеи Гитлера журналисты знают также скверно. Они только знают, что Гитлер произносил "истерические" речи, был "психопатом" и совершил преступления против человечества. Но Гитлер был прежде всего революционером, главой идеологического движения, имевшего далеко идущую цель — создать абсолютно новый тип германца и новое германское общество. Владимир Вольфович антиреволюционер, он прямо противоположен Гитлеру, его устраивает создавшееся в результате перестройки общество. Занимательная география для слабоумных с сентенциями **"А часть населения будет всегда жить в степи, в горах, в пустыне; в кибитках, в сакле, в юртах, вести кочевой образ жизни. В основном заниматься разведением скота"***. (Вспомним знаменитое чеховское "Лошади кушают овес и сено. Волга впадает в Каспийское море."), нужна Владимиру Вольфовичу, чтобы опылить мозги избирателя. Оглупить избирателя, и так не очень умного. На большее он не претендует. И пусть не смущает вас его сумасбродность. Назвать Жириновского Гитлером — значит льстить ему и раздуть его в сотню раз.

Подобных Владимиру Вольфовичу следует искать не в истории Германии, но

* Из книги В. В. Жириновского "Последний бросок на юг".

скорее в истории ее врагов, в противоположном лагере. Я давно писал о том что Владимир Вольфович — "политик американского типа". Ближе всех ему и по темпераменту, и по выходным данным ("такой же, как вы", сам защитил диссертацию, стал адвокатом, сам стал политиком, опирался на "дворняг") некто Хью Лонг. Вот вам история жизни этого типа, я ее вольно пересказываю в том виде в каком она изложена в журнале **"Эвенеман дю Жеди"**.* Безусловно, не все в точности совпадает в жизни и карьерах Лонга и Жириновского, но совпадений достаточно. И заметьте, что ни, тот ни другой не покушается на социальный строй страны, ни тот, ни другой не революционеры. Их интересует лишь личная власть. Их сумасбродные поступки не обусловлены идеологией, но есть следствия их характера, они личностные, а не идеологические.

* Нр. за октябрь 1992 г.

Духовный предок Жириновского — американский демагог Хью Лонг.

В начале этого века Луизиана была едва ли не самым бедным штатом США. Всего лишь 50 километров асфальтированных дорог на территории в 125 625 кв. километров. Никаких мостов через реки — переправлялись вброд. Половина детей не училась в школе. Большие компании (лесопильные, железных дорог, сахарного тростника, и более всего нефтяные) фактически управляли штатом. Местные политики, — циничные и коррумпированные, крестьяне и неграмотные и неорганизованные... Короче, что-то вроде банановой республики с болотами и крокодилами.

Шестой ребенок в семье с девятью детьми, Хью Лонг родился в 1893 г. в Виннфилде, в "епархии" со всего несколькими сотнями жителей. Он мечтал

только о том, чтобы сбежать от работы на ферме. В 17 лет он начал разъезжать по южным штатам: Техасу, Оклахоме, Теннеси, продавая всякие хозяйственные товары от двери к двери. Это именно тогда он открыл для себя свой словесный талант уговаривателя. Трудолюбивый, талантливый, он сам приготовил свой диплом права и получил в 24 года лицензию адвоката.

Тотчас же он занялся защитой мелких владельцев нефтеносных участков и атаковал нефтяные тресты, этих "коррумпированных хищников". Очень скоро Лонг сделался кем-то вроде популярного агитатора, мечущего громы и молнии против нефтяных колоссов и правительства, "подельника" больших компаний. И закономерно, что вскоре Лонг бросился на завоевание поста губернатора. В старом "Форде" разъезжал он из одной епархии в другую, и на развилках пыльных дорог, в скверах у мэрий, потный, толстый, красный, импровизировал свои зажигающие анафемы перед собраниями загорелых фермеров-крестьян с заскорузлыми руками. Он ловко наделял злыми прозвищами своих политических противников, назвал одного "индюшачьей головой", другого "пыльной тряпкой". Его любимый лозунг: "Каждый человек король, но никто не носит корону".

Его программа? Элементарная: новые дороги, бесплатные школьные учебники, снижение налогов и полная отмена налогов с охотников и рыбаков. Его методы: методы гангстера. Он так объяснял свою технику: "Я хочу придти в каждую епархию и стереть босса (лидера общины, обыкновенно это шериф). Это мне даст 40 % голосов. Что касается остальных, я буду их убеждать". Его стиль "стирания боссов"? Он систематически копался в прошлом своих противников, выискивал предпочтительно грехи против нравственности или доказательства коррупции и запугивал противников тем, что предаст их гласности. Это работало: назавтра он сажал одного из своих людей на место босса. В 1928 году, за год до Большой Депрессии, простые люди, "дворняги" избрали его губернатором штата.

Едва избранному, власть ударила ему в голову. (Точно так же как Владимиру Вольфовичу, избранному в Государственную Думу). Он ходил постоянно вооруженный, окруженный охранниками. Он приказал разрушить резиденцию губернатора, старое здание в типичном южном стиле, под предлогом того, что оно заражено термитами, и велел построить на его месте новое, моделью послужил... Белый Дом. Он одевался во все

белое, розовый платок в кармане пиджака и красный галстук, "**напоминая одновременно клоуна и пахана**". Он принимал посетителей, развалившись в кресле, ноги на столе, и обожал вдруг взорваться в припадке гнева. Он подверг жестокой "чистке" аппаратчиков штата, поставив повсюду своих людей. Он приказал выкрасть одного из своих соратников, угрожавшего уйти в лагерь противника, и силой продержал его на пустынном острове некоторое время, перед тем как отпустить достаточно наказанного. Он заботился о своей пропаганде, осуществляя ее с помощью своего журнала "Прогресс" (с подзаголовком "издание, наиболее смешно-ядовитое"), а также с помощью тонн листовок и текстов, каковые были отпечатаны в типографиях, принадлежащих штату, и распространены полицией штата.

Он не выносил ни малейшей критики: несколько несмирившихся журналистов, позволивших себе слегка "поцарапать" губернатора, должны были передвигаться вооруженными. Через СЕМЬ МЕСЯЦЕВ после его избрания, федеральная юстиция выпускает против него БИЛЛ ОФ ИМПИЧМЕНТ, имеющий целью убрать с поста губернатора: ему вменяются в вину использование в личных целях финансовых фондов штата, шантаж, неприличное поведение в публичных местах и прочее. Но за ночь до процесса его подручные будят сенаторов, и пачки долларов в руках, покупают их. Наутро все истцы забирают свои жалобы, и процесс, таким образом, аннулирован. Он продолжает властвовать тиранически над штатом: каждый может быть брошен в тюрьму, выкраден или избит безнаказанно в штате Луизиана. Его обвиняют в диктатуре? "Это не диктатура, — утверждает он, — это превосходная демократия. К тому же, очень трудно различить превосходную демократию и диктатуру". (Либеральный демократ Владимир Вольфович грозящий Лефортово депутату, толкнувшему его в столовой, недалеко ушел от Хью Лонга. Правда, у него еще нет исполнительной власти.)

В то же время Лонг строит дороги, самую современную в Соединенных Штатах тюрьму, мост через Миссисиппи, раздает бесплатно школьные учебники, создает вечерние курсы для неграмотных. Все это, хвастается он, без того, чтобы повысить налоги "маленького человека" даже на один цент, но облагая налогом крупные нефтяные компании. "Маленькие люди" — "дворняги" — считают его героем. Другие отмечают, что все его действия — только пыль в глаза, что он ничего не сделал для того, чтобы увеличить заработную плату, поддержать профсою-

зы, пенсионеров, безработных, подростков, эксплуатируемых хозяевами и т. д. Но его вознесение к власти продолжается: в 1930 году он избран сенатором.

Как раз в это время Америка вошла в Большую Депрессию. Хью Лонг поддержал Рузвельта на президентских выборах 1932 года, но затем атаковал его под предлогом, что "Нью Дил"* последнего — недостаточно радикальная программа выхода страны из депрессии. Лонг сходится с отцом Кофлином, радиопроповедником, полусумасшедшим (Жириновский сходится с Кашпировским) и вдвоем они бросают программу "Нэкст Дил"**, которую Лонг прозвал "Разделим наше богатство". Идея, объяснял он, пришла к нему от приятеля, каковой цитировал ему отрывок из Библии. В его программе: запретить личные капиталы свыше 3 миллионов долларов, раздать неимущим семьям от 4-х до 5-ти тысяч долларов, чтобы те могли иметь собственные дома, машины, радио; платить пенсии тем, кому свыше 65 лет, установить минимальную зарплату в 2 500 долларов в год, уменьшить рабочие часы, платить "живыми" деньгами, а не чеками пенсии ветеранам войны; а из оставшихся денег заплатить стипендии учащейся молодежи. По всей Луизиане, а затем и по всей Америке возникли клубы сторонников "Нэкст Дил".

Происходит, однако, в августе 1933 года знаменитый эпизод в Сэндс Поинт, заставивший сплетничать о нем всю Америку; как-то вечером в клубе, Хью Лонг, пьяный "в доску", отправился в туалет. Но какой-то тип перед ним занимает единственный унитаз... без стеснения Хью Лонг писает ему между ног... Следует удар по физиономии, у Лонга подбит глаз, скандал! Инцидент проходит по пер-

* "Новое Дело".

** "Следующее Дело".

вым страницам всех газет. Высмеянный Лонг делает вид, что это была попытка покушения на его жизнь, кричит, что Уолл-Стрит хочет его головы, публикует в более чем миллионном количестве экземпляров свою версию инцидента и даже... пишет письмо Аль Капонэ в тюрьму, обещая ему свободу, если тот признает что это он заказал покушение...

Хью Лонг видел себя уже в Белом Доме в Вашингтоне. После Рузвельта он был самым популярным человеком в стране. Он объявил, что едва избранный, он назавтра объявит вне закона обе партии, республиканскую и демократическую, и что он будет властвовать четыре президентских срока подряд как "диктатор страны". Но 8 сентября 1935 года в Капитолии города Батон Руж в Луизиане молодой человек в очках стреляет в него в упор. Охранники Лонга тотчас поражают его 61 пулей, но Хью Лонг умирает через два дня. Впоследствии выяснилось, что отец убийцы, окружной судья, пал жертвой Лонга и его методов правления.

Такова поучительная история юриста Хью Лонга.

Очень похоже, не правда ли? Алма-Ата, конечно, побольше Виннфилда, но тоже на юге, в далекой провинции, далеко от столицы. Юноша из многодетной простой семьи, также шестой ребенок!, тоже диплом в 24 года. Правда, история Жириновского затянулась во времени, но в конце концов в ней появляется старый "Москвич" (эквивалент старого "Форда") и если не в скверах у мэрий, то в очередях в кинотеатры, на обочине чужих митингов импровизирует Жириновский свои зажигающие анафемы.

Конец истории Владимира Вольфовича зависит не от него, но от избирателей, от читателей этой книги.

Безусловно, есть и различия в этих двух характерах. "Наш" Жириновский еще хлеще американца. У Лонга не было периода еврейского активизма в его биографии. То есть, если случай Лонга, можно сказать простой, то Жириновского — усложненный.

Наглый Лонг да, нагло утверждал, что превосходная демократия неотличима от диктатуры, был гангстером, но мазохизма за ним не замечено, в то время как Владимир Вольфович полуеврей обнимается с Герхардом Фреем (лидер партии Немецкий Народный Союз), ветераном Вермахта, или принимает у себя Джеймса Уоррена, американского теоретика антисемизма. Председатель "Лиги Защиты Христиан" (из Луизианы, кстати говоря! где Хью Лонг был губернатором). Уоррен, — автор книги "Страна СОВ". СОВ расшифровывается как Сионистская

* Цитирую по изданию "Страна СОВ" Джеймс К. Уорнер, Москва, "Палей", 1991.

Оккупационная Власть*. Я приведу здесь пару отрывков, снимая с себя всякую ответственность за текст мистера Уоррена. Приведу для того, чтобы стало понятным, до какой степени Владимир Вольфович, мягко говоря, странный человек. "Паутина тайных козней назначена ослабить людей. Так паразитические черви ослабляют — и в конечном счете убивают овец. И в то же время **детей наших гонят в кошерный котел**". Или вот из "Эпилога": "...Совсем крошечное, но губительное меньшинство (скажем: около 3 %) влечет ее (демократию) к смерти. Число Антихриста — 666. У звезды Давида 6 углов, 6 треугольников и 6 вершин. Поскольку Америка шествует путем Рима, белая раса вступила в сумерки своего существования. Должны же мы, в самом деле, ясно понять то, что этот странный знак предвещал с самого начала. Без помощи вашей — воистину — конец." Заметка о встрече с Уорреном в "Соколе Жириновского" нр. 3 озаглавлена "Встреча с хорошим человеком". Заканчивается заметка так: "Гость из США не смог подарить председателю ЛДП литературу издательства, которое он возглавляет. Весь багаж его странным образом "затерялся" в аэропорту Шереметьево". Так что Владимиру Вольфовичу пришлось ограничиться устным пересказом идей Уоррена. Интересно, а с Эйхманом, тем самым, которого израильская разведка выкрала и его казнили потом в Израиле за преступление геноцида, предположим, если бы он был жив, Владимир Вольфович тоже бы встретился, а "Сокол" (о, ехидный Жариков!) опубликовал бы заметку "Встреча с еще одним хорошим человеком"?

"Ненормально все это", — скажет нормальный человек и будет прав. Даже если

Владимир Вольфович всерьез считает себя "ультранационалистом" и правым лидером, вовсе нет необходимости бывать в такой компании. Его явно тянет к этой публике. Что вас тянет к ним, Владимир Вольфович? Вы мазохист? Даже если вы не хотите сегодня из политических соображений признавать еврейскую половину себя, зачем же такие крайности? Или бывая в компании подобных людей, Жириновский пытается отмыть с себя папу Вольфа? Но это же детские надежды. Ведь появится не один Барух Гур и в Москве, и в Израиле, и повсюду, люди, с которыми вы вместе участвовали в еврейском движении, заговорят и говорят. На что вы надеетесь? Впрочем вы уже бросили "Маарив", что "я никогда не скрывал, что мой отец был евреем". Да хоть японцем, Владимир Вольфович, да хоть в японском движении, но зачем же лгать? Ведь президент России нужен как минимум честный.

Всегда, когда мне приходится иметь дело с еврейской темой, я чувствую себя на скользкой почве. И сама эта тема практически табу, и подходы вокруг нее заминированы. Свободно говорить здесь невозможно. А жаль, ибо никаких расистских убеждений у меня нет.

Я трезво и холодно, без эмоций, способен рассуждать о национальных характерах: есть арабский национальный характер, русский, японский, еврейский национальный характер. **Жириновский понятен только в контексте еврейства. В коллекции русских национальных типов таких нет.** Зато находим таких среди героев Бабеля или даже Шолом-Алейхема. Тип Жириновского — это часто встречающийся тип "мешугена" — эксцентрического еврея.

"Мешуген" не значит прямо-таки сумасшедший или безумный. В быту, в еврейских местечках в Белоруссии "мешугенами" называли эксцентричных, часто талантливых, артистичных типов. Артистичных до карикатурности. Но Владимир Вольфович все время загибает в карикатуру.

Я в моей жизни встретил немало эксцентричных "мешугенов". В 70-х годах в Москве на Луковом переулке (недалеко от Рыбникова!) жил художник Виталий Стесин. Среди других странностей: он ходил летом в меховом пальто, и приклеивал свои уши к черепу клеем БФ. Он считал, что неприклеенные уши у него торчат. Однажды, сковырнув прыщ, он получил заражение крови и чуть было не отдал богу душу. Спас его наш общий приятель доктор Олег Чиковани, случайно обнаруживший "мешугена" в горячечном жару. Тот наотрез отказывался от врача, и Чиковани силой отвез его на "скорой" в больницу. Немножко "мешуген" израильский

журналист Робер Давид, — пусть он меня простит, этот талантливый человек. В Париже живет художник Вильям Бруй, эмигрировавший из России с четверть века назад. Одно время он щеголял в бейсбольных брюках до колена, да и сейчас, хотя ему под полтинник, носит свою коллекцию азиатских халатов, и способен одновременно гулять в ковбойской шляпе, во фраке и белых джинсах. "Мешугены", как правило, люди творческие и талантливые. Странные только. Тот же Вильям Бруй долгое время брил себе волосы надо лбом. Видок у него был тот еще. Сам он, по-своему, объяснял мне, что волосы он бреет потому что попал некогда в автокатастрофу, но меня он не убедил. В Нью-Йорке был у меня товарищ, Валентин Пруссаков. Я о нем писал в статье "Извращения Национализма", в первой ее части. Чтобы не повторяться, — цитирую. "Еще один идеолог подполья — Валентин Пруссаков — автор книги "Оккультный Рейх"./.../ Пруссаков был в 1975—1980 гг. моим другом и соавтором нескольких написанных вместе политических документов. (Например, "Открытого письма Сахарову", пересказ его напечатан был в 1975 году лондонской "Таймс"). Пруссаков сидел против меня за корректорским столом нью-йоркской газеты "Новое Русское Слово", у нас были общие идеи в ту пору. (Кстати говоря, это Пруссаков выведен у меня в романе "Это я — Эдичка!" под именем Альки, Александра. И его же можно найти в нескольких рассказах под именем Львовского. /.../ Впоследствии дороги наши разошлись. Пруссакова изрядно помяло жизнью за эти годы, и, может быть, закономерно он ударился во все тяжкие. Я с остолбенением обнаружил его уже в качестве чуть ли не идеолога гитлеризма в России. /.../ для меня важна не национальность человека, но его духовная раса, однако не могу удержаться от возгласа изумления: Валентин, вы же полуеврей, как вы увязываете свои новые убеждения со своей совестью?! И что говорит ваша старая мама, насколько я понимаю, она еще жива".

Пруссаков ближе всех находится к Жириновскому. Однако близок Жириновскому психологически, как тип и человек, который с первого взгляда абсолютно и тотально далек ему. Понаблюдайте за обеими на экране теле: не правда ли, **Егор Тимурович — тихий брат буйного Владимира Вольфовича?** И тоже талантлив, спору нет. И тоже экстремист, только он экстремист в экономической сфере, его "бзик" — экономика, а Владимир Вольфович нашел свой "бзик" в геополитике или в прикладной географии для очень неразвитых детей. Я вовсе не намекаю здесь на то, что оба — евреи, нет, такими "тонкими намеками на толстые обстоятельства" (выражение моей бабушки Веры) я

не занимаюсь. Гайдар и Жириновский, оба эксцентрики, у обоих странные голоса, разорванные не с той какой-то скоростью совершаются их движения. Пусть каждый из них простит меня, если этим сближением я их обидел.

Можно быть евреем на все сто процентов, и одновременно не быть еврейским типом. Такое тоже бывает, и очень часто. Но, как там выразился "один из тогдашних руководителей" Шолома, с которым беседовал Александр Минкин? "К тому же лицо и акцент Жириновского достаточно характерны." (Это поработали гены, сделав эндокринные железы Жириновского копией желез папы Вольфа, а не мамы Александры. Именно функционированием этих желез различаются человеческие группы.) Мне пришло в голову, что Жириновский мог бы сыграть Остапа Бендера. Почему нет? Пазолини когда-то хотел пригласить Евтушенко на роль Иисуса Христа в фильме "Евангелие от Матфея". И я уверен, что Владимир Вольфович имеет достаточно "кюлотт", то есть трусов, чтобы бесстрашно взяться за такую роль. Значение этого французского выражения я уже объяснил ранее.

Даже стилистически Владимир Вольфович изъясняется на характерном языке. С национальными интонациями и оборотами. Вот он объясняет калифорнийской газете "Панорама", что у ЛДПР "четкая политическая направленность: **умеренная право-центристская партия. Допустимый предел: двадцать градусов правее центра. Ни двадцать пять, ни девяносто, а только чуть-чуть правее**". А вот великолепный еврейский парижский писатель Кирилл Флейшман рассказывает о своем персонаже, который "никогда не выезжал из Парижа. Не только из четвертого округа, но даже на сотню метров влево или вправо, на север или юг из его дома, на углу улицы Карон и площади Базар Святой Катерины". Похоже, правда ведь? Действие рассказов Флейшмана происходит в еврейском квартале в Париже. Симпатичные фольклорные "мешугены" населяют его книжку "Свидание у метро Сент-Поль": это и веселый жулик Техниский, владелец магазина электротоваров, продающий неработающие телевизоры; интеллектуал фармацевт Золотов, мечтающий поставить "Гамлета" на идиш, председатель ассоциации еврейских поэтов Преверман. Нашлось бы среди них место и Владимиру Вольфовичу.

Причудливая смесь Хью Лонга и персонажа еврейского фольклора Владимир Вольфович Жириновский еще и советский человек. А советский человек так или иначе всегда немножко жлоб. За жаргонным словечком этим (в Америке жлобов называют "рэд нэк" — красная шея, во Франции — "плук") скрывается сырой недоделанный человек, широко распространенный тип.

Вот Владимир Вольфович мечтает в "Броске": "...У каждой семьи будет дом, какой он хочет, — в большом и малом городе, в кишлаке, в ауле, в тропиках, в лесу, на склоне горы, и в этом доме будут те, кого вы хотите. Одна жена или три, или ни одной. Один ребенок или десять. **У вас могут быть коровы и овцы или научные приборы**". Своей склонностью к библейским перечислениям предметов, пейзажей и явлений природы Владимир Вольфович сближается с русским национальным поэтом Иосифом Бродским, а "коровы и овцы или научные приборы" выносят его в категорию жлобов. Вместе с иностранными языками, которыми он владеет. Якобы.

Гитлер... Ишь ты куда хватили... "Нельзя полностью избавить человечество от болезней. Мы всегда будем простывать, это будет называться ОРЗ, грипп, тонзиллит, фарингит. Конфликты неизбежны все равно. Как нельзя избежать конфликтов между мужчиной и женщиной. Мы никогда не сможем сделать счастливыми всех без исключения. Чтобы все женщины вышли замуж, чтобы все мужчины женились, и у всех были дети, и все они были живы и здоровы. Этого не получится никогда." — этот текст (стр. 127 "Последний бросок на юг") так далек от текстов фюрера, как коровье мычание от членораздельной человеческой речи. Даже для районной многотиражки в глухом медвежьем углу в тундре подобный текст был бы оскорбителен.

Но это не все, читатель. В своем поведении, во всех своих проявлениях вышеописанных Владимир Вольфович Жириновский может быть охарактеризован и как тип исторический. Какой?

Историк и филолог Александр Михайлович Панченко в диалоге с Львом Гумилевым в книге "Чтобы свеча не погасла", пишет о времени после смерти Ивана Грозного так: **"Тирания не только разорила страну, она ее развратила. Ставка на худших, воплотившаяся в опричнине, удалила от власти порядочных людей, а худших делала еще хуже. (При вступлении в "сатанинский полк" было обязательным клятвенное отречение от родителей, то есть прямое нарушение пятой заповеди.) Ложь стала поведенческим принципом тех, кто хотел "выбиться в люди", и это выразилось в самозванстве"**. /.../ "В Смуту одновременно подвизалось до десятка самозванцев. Никто не верил, что все они подлинные царевичи. В лучшем случае верили одному, а от всех других открещивались. Самозванство интересно с социальной точки зрения (низы пришли к мысли о соперничестве с властью, но в этой же монархической оболочке)".

Без сомнения, сталинская диктатура и диктатура КПСС раз-

вратили страну Россию не менее, чем сумасбродное правление Ивана Грозного. Ложь была поведенческим принципом тех, кто хотел "выбиться в люди", и членство в КПСС было в известной степени вступлением в опричнину, пусть и в легких формах после смерти Сталина. "Самозванство", — пишет далее Панченко, — незаконнорожденное дитя опричнины, хотя их, если не ошибаюсь, никто не сопоставлял и не связывал. Для тех и других становится недействительным отречение от дьявола, которое совершается в таинствах крещения и миропомазания. /.../ Он неизбежно оказывается в бесовских сетях, то есть в сфере зла. Все это азбука православия, и каждый опричник, каждый самозванец не мог сомневаться в том что душу погубил (ибо тогда еще верили в бессмертие души). Ему уже нечего было терять". И далее: "Будучи добровольными отщепенцами, они знают, что надежды на спасение души у них нет. Им остается одно — "погулять" покуда живы, и они гуляют, разрешают себя от уз нравственных правил, дают волю страстям и порокам..." "Лжедмитрий, влюбленный в Марину Мнишек, в ожидании ее приезда растлил Ксению Годунову и вступил в противоестественную связь с молоденьким князем Иваном Хворостининым (пример можно было брать с того же Грозного, у которого в любовниках состоял Федька Басманов, сын человека, выдвинувшего идею опричнины)". "Самозванцы, — заключает Панченко, — в большинстве своем были людьми одаренными. В нравственно здоровом обществе они, быть может, и совершили бы нечто дельное и доброе. Но большая ложь и тирания Грозного, его религия силы надорвали русскую душу. Не прошло и двадцати лет после того, как архангел Михаил исторг душу из тела своего самозванного ученика*, — и на Руси

* Т. е. Ивана Грозного.

началась Смута, гражданская война, когда все воевали против всех, а страна и нация повисли на волоске. /.../ Опять пришлось каяться и размышлять о грехах, и долгим было покаяние".

Добавлю от себя, что в царствование Василия Шуйского (увы, оно оказалось лишь короткой передышкой в Смуте) вызвали из старицкого монастыря престарелого патриарха Иова в Москву и он отпустил грехи народу русскому за то что присягал народ Лжедмитрию. (На обратном пути в старицкий монастырь умер Иов). Этот трагический и мощный пример НАРОДА РУССКОГО, кающегося в грехе признания ложного царя, вызывает у меня мороз по коже. Одновременно он учит нас на простом и бесстрашном примере наших предков, что народ не безгрешен, что он способен ошибаться и ошибается. В истории Соловьева этот эпизод рассказан великолепно. Народ рыдал в покаянии.

Увы, каяться народу можно уже и сегодня. Он уже навыбирал себе (и этим присягнул) лжелидеров. Но вернемся к Владимиру Вольфовичу Жириновскому. Сравним его поведение с архитипом САМОЗВАНЦА. Цель самозванца — Царство. Для Владимира Вольфовича — Президентство. Он единственный из политических лидеров, кто с самого начала объявил о том, что хочет быть президентом. Он стремится к президентству жадно и не скрывает этого. Самозванец отрекается от родителей и присваивает себе чужих. "Подьячий Тимошка Акундинов, выдававший себя то за сына, то за внука Василия Шуйского, — пишет Панченко, — Незадолго до казни ему устроили очную ставку с матерью-инокиней Стефанидой (в миру Соломонидой). Тимошка и от нее отрекся... А Лжедмитрий, напротив, "приписался" к чужой матери, к последней супруге Ивана Грозного". Отношения Владимира Вольфовича с его отцом прослежены были на предыдущих страницах этой книги. Жириновский отказывался от национальности своего отца, от сильной преобладающей в нем крови — еврейской. (Теперь он, кажется, меняет курс, говорит "Маарив", что его отец еврей. Но повторит ли он это в России? Сомневаюсь.) Случай Самозванца Владимира Вольфовича еще более серьезный, потому что Гришка Отрепьев не должен был отказываться от своей нации (согласно Панченко, "Гришка, русский по рождению и воспитанию, был в сущности европейским авантюристом, поскольку свою роль он выучил в Польше"), а Владимир Вольфович — должен. Жириновский скрывает свою принадлежность к еврейской нации.

Самозванцев, лжеличностей окружают всевозможные обманы. Обман — основной принцип их существования. Владимиру Вольфовичу удалось, например, уверить всех что, он ультранационалист. Радио Би Би Си и западные газеты называют его так

ежедневно: "Лидер ультранационалистов Владимир Жириновский..." Но как может быть ультранационалистом человек, который в проект Конституции России не включил русский народ? Нет русского народа в России, есть вообще расплывчатый "народ, который". В "Последнем броске на юг" Жириновский все время выкрикивает как раз антинациональные лозунги. На странице 106: "Каждый из них (народов) сам себя вправе назвать принадлежащим к той или иной нации. Но в паспортах не будет графы "национальность", в анкетах не будет этой графы". На странице 112: "**Мы должны снять с повестки дня национальный вопрос**", на странице 117 еще раз: "Национальность, вероисповедание, семейное положение и прочее — личное дело каждого из нас". Чуть ранее он рассуждает: "И паспорт должен быть чистый. Имя, фамилия, дата и место рождения — все, больше ничего не должно интересовать государство". "Придет время — не будет паспортов в России", — мечтает Жириновский. "И решающий фактор, — пишет он на последней странице "Броска", — **ни в коем случае не должна национальность человека использоваться как дискриминирующий фактор**".

Для человека, начинающего свою книгу с оправдательного пассажа о своем отчестве, — законные желания. Чтоб ни национальности, ни отчества, только имя и фамилия. А еще лучше, чтоб и фамилии не было, а то ведь и фамилия у меня... "из Польши", так, очевидно, размышлял Жириновский. А еще лучше, чтоб и паспорта не было. Тогда можно было бы назваться Иваном ИВАНОВЫМ.

Это все никакие не догадки, читатель, но подтвержденная многими проговорками самого Жириновского истина. (Он хочет быть ИВАНОВЫМ. Иначе откуда все эти абсурдности "национальность — личное дело каждого из нас".) А если Владимир Вольфович не может быть русским и ИВАНОВЫМ, то тогда долой национальности! Точно так же в проекте Конституции России ЛДПР, кто может быть президентом России? Ну конечно, "может быть избран гражданин России не моложе 40 и не старше 65 лет". Как раз Владимир Вольфович! Но уж никак не Ельцин, которому в 1996 году будет как раз 65!

Как же человек с подобными идеями, с программой ЛДПР, которая не смутит и Ельцина (приватизация, продажа земли, и пр.), сумел прослыть "ультранационалистом"? А путем иллюзионизма. Крича громче всех о "России больше чем СССР", о том, что Финляндия будет наша, в Прибалтику — радиоактивные отходы, я буду защищать русских... ну вы уже знаете репертуар. Все, что Жириновский обещает, — вещи неосуществимые. Финляндию в первые же часы атаки защитит НАТО, в этом нет сомнений, и на

каждое обещание Жириновского существует разумный контраргумент. Однако разумные аргументы неуместны в таком контексте, когда обман громоздится на обман, одна химера на другую. Все поливы Владимира Вольфовича по телевидению перед выборами — суть подметные грамоты Самозванца. Их цель — смутить дух, таким образом чтобы в избирательном бюллетене в 1996 году избиратель поставил бы крест (или любой другой знак) против фамилии Жириновский. Странным образом отец Жириновского Вольф Андреевич происходит из Польши ("родители папы, правда, из Польши"), откуда, как известно и прибыли к нам подавляющее большинство Самозванцев, начиная с Гришки Отрепьева.

Гришка, согласно Панченко, "европейский авнтюрист, поскольку свою роль он выучил в Польше, которая в ту пору была раем для проходимцев, мечтавших о какой-нибудь короне или хотя бы о предводительстве в крупном мятеже".

Что касается нравственности Владимира Вольфовича (им остается одно — "погулять", покуда живы, и они гуляют, разрешают себя от уз нравственных правил, дают волю страстям и порокам"), я нашел намек на это в газете "Голос России", нр. 5 за 93 год, органе национально-республиканской партии. В рубрике "Национальный телеграф" читаем: "Аналитический центр НРПР представил Центральному Совету Национально-республиканской партии специальный доклад, посвященный анализу /.../ Либерально-демократической партии." "...Образ политического мышления рядовых членов партии, сратегические ориентиры большинства в руководстве ЛДП делают так называемую "партию Жириновского" наиболее близким к национал-республиканцам политическим движением... Эти и многие другие соображения делают сближение НРПР и ЛДП не только возможным, но и весьма желательным. **Главная причина существующего расхождения — личность самого Жириновского, провокационность его политических суждений и действий, а также все более широко распространяющиеся слухи о его специфической сексуальной ориентации...**", — говорится в отчете Аналитического Центра".

Что имеют в виду под "специфической сексуальной ориентацией" Жириновского люди из НРП, затрудняюсь сказать. Я несколько раз замечал обостренное внимание Владимира Вольфовича к мальчикам среднего школьного возраста, один случай я привел в предыдущих главах, когда в сцене на берегу реки Кубань Жириновский направился прямиком к трем только что искупавшимся мальчикам и заговорил с ними. Если я не ошибаюсь, в самом конце октября 1993 г. после выставки в галерее "Реджина", устроитель ее Олег Кулик пригласил меня и присут-

ствовавшего на выставке Жириновского на банкет в Дом Архитектора. Появившись в зале, Владимир Вольфович оглядел присутствующих и присоединился к двум миловидным отпрыскам семей художников (два маленьких сноба разговаривали между собой по-английски), позднее оба сидели с нами за столом. (В тот вечер произошло краткое перемирие между ВВЖ и мною.) Какого рода интерес испытывает Владимир Вольфович к мальчикам среднего школьного возраста, сказать затрудняюсь. Вполне возможно, что отеческий. Будущий биограф какой-нибудь анти-Плеханов, выяснит какого рода этот интерес. В Париже я водил Жириновского и группу ЛДПР на экскурсию на улицу Сен-Дени, известную своими секс-шопами и жрицами любви, но кто же бросит камень во Владимира Вольфовича за этот вполне нормальный интерес. На той улице бродят туристы многих стран мира... "Погулять" Жириновский любит, и гуляет. Банкет после пресс-конференции представления теневого кабинета, банкет "с икоркой и всем что нужно" для лидеров оппозиции (не явившихся) летом 1992 года, банкет в ресторане "Прага" по поводу 47-летия Владимира Вольфовича, несть им числа. При таком (упаси нас, Господи, и избави нас от лукавого!) президенте, страна будет праздновать, не просыхая, будьте уверены. До сих пор, пока не на что станет праздновать. Такой вариант событий куда более вероятен, чем "бросок на юг".

А в самом деле, что будет, если к власти в России придет президент Жириновский? А скандал будет, глупость, пьеса по сценарию одесской песни "Ужасно шумно в доме Шнеерзона". Президент будет красоваться на экране телевизора с утра до поздней ночи. Устроит он помпезное царствование тщеславного дядьки-жлоба в бедной стране. Будет большую часть времени пребывать за границей и красоваться на тамошних трибунах. Ведь не случайно, все его СНЫ, иначе не назовешь, которые он, как птица-баба в фильме "Садко" распылял с экрана и со страниц своей единственной тощей брошюры, — это географические, международные сны. А где сны о работе, Остап Вольфович? Кто будет монотонно, без экзотики раздувать заледеневшие топки сталелитейных заводов, спускаться в жерла заколоченных шахт? Кто будет работать, кто поднимет страну? Вы лично будете это делать? Ваша партия, где нет ни единого работника?

Идеология Жириновского — сам Жириновский, — "истинный президент, умеющий торговать". Идеологией Лжедмитриев был Дмитрий, "истинный царь".

В любом случае, участь всех Лжедмитриев — сабля или пика казака.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Ельцине возмущает его фанатичное, хмурое, молчаливое, неофитствующее старание, с каким он насаждает, то указом, то пушками, "демократию". Личность же его, хотя и хмуро-упрямая, без этой фанатичной веры неофита была бы выносима, пожалуй. Ну для меня, скажем, он, Ельцин, слишком неотесанный, сырой, не умеющий складывать свои мысли. Однако я охотно понимаю, процитированную где-то в середине книги секретаршу-машинистку, для которой Ельцин — "настоящий мужчина".

Жириновский, излагающий (пусть в абсурдном виде) имперскую идею, казалось должен быть близок этой идеей мне. Но, во-первых, я открыто подвергаю сомнению его искренность, в книге я аргументировал почему, я считаю что убеждения Владимира Вольфовича всегда прямо противоположны убеждениям его политических противников: Владимир Вольфович империалист только потому что Ельцин — демократ. Вполне могло быть иначе. (О том, что у них та же социальная политика, я писал). Во-вторых, я утверждаю что если в Ельцине опасна его маниакальная вера, то **в Жириновском опасен его характер, опасна его личность. Это его личные качества нас угробят** (если, не дай Бог, у него будет власть), а не его идеология.

У Жириновского характер человека, прущегося без очереди (в этом отношении характерно его столкновение в думской столовой с депутатом из Санкт-Петербурга), неприятный, нужно сказать характер. Одни называют его "клоуном", другие "фашистом", "одевшие его в лозунги" Жариков и Архипов называют его "оди-

ноким человеком", я признаю его талант человека, умеющего "торговать" своей политикой, но никто никогда не назвал Жириновского хорошим человеком. Более того, ни один из его сторонников из тех, кто вопит: "Правильно говорит Жириновский!" не назовет его хорошим человеком". Первое впечатление от Жириновского: "вот неприятный тип!"

И Владимир Вольфович таки неприятный тип. Никто не захотел бы жить с таким на лестничной площадке, идти на прием к такому в контору. Губы трубочкой, качающий права повсюду, ломящийся ко всем привилегиям, будь то депутатский зал ожидания аэропорта, когда он еще не был депутатом, ломящийся первым в столовой Думы, Владимир Вольфович — воинствующий обыватель ("жлоб" говорили на Украине), подобных персонажей играл актер Папанов, помните?). Определенные его качества напоминают и гоголевского анти-героя Ноздрева, этого шумного вульгарного самодура. Ознакомившись с "Последним броском на юг", психиатр найдет в Жириновском патологическую (т. е. ненормально болезненную) жалость к себе. Детство, даже судя по его собственным признаниям, было у него как у всех у нас людей его поколения, но жалеет он себя до слез: и худой он был, и плохо одетый, и ничего у него не было. (А у кого что было тогда, Владимир Вольфович? В старших классах школы я ходил в отцовских военных брюках, откуда мать выпарывала кант, сын капитана. Жили в одной комнате). Обнаружит психиатр и большие дозы мании величия.

Считаю ли я Жириновского психически больным? Нет, не считаю. На основании тех данных, которые я имею, не могу назвать его психически больным. У него есть самообладание. И хотя я видел его несколько раз и истеричным, всегда он находился под собственным контролем.

Он хочет быть президентом России, этот человек, ни больше ни меньше. Подведем итог нашему суровому анализу. Он же не в директора продбазы просится. В ПРЕЗИДЕНТЫ РОССИИ.

Он много наврал, налгал, насочинял, я приводил примеры. 1. То его отец не еврей, то он не отвечает на прямо поставленный вопрос, обходит его, то вдруг с вызовом бросает израильской газете что да, еврей! Нам не столь важна национальность вашего папы, Владимир Вольфович, как то, что вы, претендент в Президенты, лжете! 2. Умолчание о том, что участвовал в еврейском движении. Опять-таки не суть важно, в еврейском, в украинском ли, но какой же из вас Президент России, когда вы участвовали в другом, абсолютно далеком России национальном движении — еврейский же национализм

называется сионизмом. Тут только рот остается открыть и хватать ртом воздух... Какая наглость — сегодня вы еврейский националист, завтра русский президент. Так?

Владимир Вольфович борется за президентское место так же, как за вход в депутатский зал, или за обслуживание без очереди в столовой, — нахрапом. Вы знаете, Владимир Вольфович, русская очередь вообще тихая и подавленная, но вдруг взорвется от вашей наглости даже самая безобидная божья старушка, и сумкой вас по голове, а там и мужики накинутся, озлобятся, и побитый, будете отосланы в самый хвост, ничего вам не достанется, хорошо еще если живы останетесь...

Цель свою Жириновский не скрывает, потому что как раз обнародование этой цели в его интересах. Пусть даже вороны и воробьи орут "Владимир Вольфович хочет быть Президентом!" Но вот себя и свою суть Жириновский тщательно прячет под маску Иванова. (Недавно он даже перерядился в форму капитана, появившись в таком виде в Думе.) Он пытается пробиться в Президенты нарядившись в Иванова. Так иные умельцы пробивались без очереди, женщины подложив подушку под платье, выдавая себя за беременных; мужики, подвязав руку, с фальшивым пустым рукавом или с фальшивыми медалями. Но, пройдя под маской ИВАНОВА в президенты, будет он вести политику ИВАНОВА и для ИВАНОВЫХ? Нет, даже от победы ЛДП на выборах в декабре 1993 года он расхрабрился и, обнаглев, заявил "Маарив" 11 января 94 года не только, что его отец был евреем. Он договорился даже вот до чего. Цитирую текст "Маарив" по израильской же русскоязычной газете "Вести", среда 12.01.94 г. "**Евреи в России занимают особое положение.** Они составляли 90 % в партии Ленина. Поэтому многие уверены, что и сегодня демократическую революцию в России делают в основном евреи. **Русские не имеют достаточно смелости** влиться в этот процесс. **90 % членов моей партии — тоже евреи**". Русские значит не имеют достаточно смелости. И организация Жириновского будет защищать несмелых русских, занимать в России особое положение. Если Жириновский говорит сегодня такие вещи, то что он будет, говорить если выиграет президентские выборы? И главное, что он станет делать?

Легче сказать, чего он не станет делать. На интересы мальчиков-банкирчиков он не посягнет, ибо они его социальная база. К тому же делец от политики, именно к ним он принадлежит и социально, и психологически. С ними он развлекается, директор продбазы, применивший торговые методы в политике,

среди них Жириновский в своей семье. Неусмиренные "коммерсанты", "предприниматели", "бизнесмены" будут продолжать разворовывать страну и ее богатства, а жизнь миллионов Ивановых, одураченных им, будет не лучше, чем при Ельцине.

В поход на берега Индийского океана он не соберется. Это предвыборное обещание невозможно сдержать. Убивающие сейчас от скуки друг друга афганские моджахеты с удовольствием набросятся на Ивановых, мобилизованных в армию Жириновского. К ним радостно присоединятся пакистанцы, и все кому не лень. Жириновский знает это. Он знает, как нелегко пришлось русским в Афганистане. Поэтому на всякий случай в программе ЛДПР написано, что "ЛДПР — это партия, выступающая в области государственного строительства за постепенное воссоздание с помощью экономических и политических средств Российского государства (не СССР или СНГ) в границах бывшего СССР." То есть, даны сразу две взаимоисключающие версии будущего: 1) Марширующие по берегам океана русские солдаты, Жириновский подобно Фантомасу всплывает в подводной лодке. 2) **Постепенное**, лет через ..., когда истлеет в земле лидер ЛДПР, тогда и произойдет **воссоздание**. Приключения Владимира Вольфовича в стране дураков избирателей возможны потому лишь, что русский избиратель все еще никак не поймет (а ведь уже есть горький, о какой горький опыт!), что суть демократии — это соблазн, обман любыми средствами, вас, избирателей. Владимир Вольфович Жириновский обманывает вас, граждане, лучше всех потому, что он языком обывателя говорит вам то, что вы хотите услышать. Но, избрав его к власти, вы будете его слушать и выполнять. И избавиться от него будет труднее, чем от десяти Ельциных.

Первое впечатление от Владимира Вольфовича, что он шарлатан, второе — шарлатан, и третье тоже — шарлатан. Так верьте же себе, а не телевизионному, после многих часов опыления мозгов, — внушению.

С типом Самозванца русским не пришлось сталкиваться уже около трехсот лет. Русские забыли этот тип. А уж тем паче нет у русских иммунитета против самозванца-барыги, продающего свою лошадь (себя) с экрана телевидения, заплатив за право продажи двадцать миллионов рублей в вечер. Почему я так его сурово? Да потому, что на главных экзаменах бытия: на честность, на преданность России, Жириновский безнадежно и стопроцентно проваливается. Он обманывает, обманывает, шустрит и юлит Самозванцем. Владимир Вольфович — новое лицо будущих бед России. Перефразируя поэта Лермонтова,

можно сказать: "Нет, он не Ельцин, но другой..." Я не склонен ни смеяться над Жириновским, ни соучаствовать в создании из него монстра и Гитлера, я вижу, что человек этот серьезно опасен России. Я воспринимаю и понимаю его как врага России (она для него лишь территория, на которой сын Вольфа будет президентом) и русских, и как против такового я обязан был против него выступить.

Русские люди... Ясно, что время смутное, трудно разобраться, но все же, русские люди, вы что, охуели? Вглядитесь. Он же директор продбазы. И только.

Эдуард Лимонов

ТЕНЕВОЙ КАБИНЕТ ЛДП

каким он был объявлен 22 июня 1992 г.

АРХИПОВ АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ. Родился в 1954 г. в г. Кемниц в Германии. Окончил МАИ. Работал инженером в научно-исследовательских институтах. С 1989 по 1991 г. сотрудник еженедельника "Аргументы и факты". Руководитель "Марша солидарности" с русским населением в Прибалтике 1989 г. Руководитель пресс-службы ЛДП. Член ревизионной комиссии.

БУЗОВ ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Родился в 1955 г. в Москве. Окончил Московск. ин-т народного хозяйства им. Плеханова. Пятнадцать лет работает в системе внешней торговли России.

ЖАРИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ. Родился в 1956 г. в Москве. Окончил ин-т электронного машиностроения в 1979 г. Специальность — математик. Работал физиком, фоторепортером, ныне — журналист. Лауреат журнала "Молодая гвардия" за 1990 г. Музыкант с двадцатилетним стажем. Две авторские пластинки во Франции. Главный редактор молодежного приложения к газете "Либерал — Сокол Жириновского".

ЖЕБРОВСКИЙ СТАНИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ. Родился в 1942 г. в г. Канске Красноярского края. Окончил физический факультет МГУ. Специальность — физик. Работал в Алжире преподавателем физики в 1966-70 гг. Научный редактор в издательстве "Советская энциклопедия". Работал заведующим редакцией в издательстве "Мир". Заместитель председателя ЛДП.

ИВАНОВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ. Родился в 1946 г. в г. Боготол Красноярского края. Окончил 1-й Ленинградский мед. институт. Прошел путь от участкового до зав. отделением больницы. Заведующий лабораторией медицинской кибернетики в мед.институте. Разработал в 1980 г. концепцию современного здравоохранения. Проживает в г. Красноярске, член ЦК ЛДП.

КУРСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ. Родился в 1949 г. в г. Клайпеда. Окончил химический факультет МГУ в 1972 г. и физический факультет МГУ в 1982 г. Кандидат химических на-

ук. Известный правозащитник. Чемпион Москвы по метанию молота. Член ЦК ЛДП. Член думы "Славянского собора".

ЛИМОНОВ (САВЕНКО) ЭДУАРД ВЕНИАМИНОВИЧ. Родился в 1943 г. в г. Дзержинске Горьковской обл. Образование среднее. Работал строителем, сталеваром, книгопродавцом. Поменял свыше пятнадцати профессий. С 1974 г. вынужден покинуть Россию. В 1991 г. восстановил русское гражданство. Автор свыше двадцати книг, переведенных на большинство европейских языков.

МИТРОФАНОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ. Родился в 1962 г. в Москве. Окончил в 1983 г. Московский государственный ин-т международных отношений. В 1985 г. окончил курсы ООН в Москве. В 1985—88 гг. в аппарате МИД СССР. В 1988—91 гг. — институт США и Канады АН СССР. Ныне работает тележиссером, ведущий телепрограммы, автор фильма о Жириновском.

МУСАТОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ. Родился в 1950 г. в Краснодарском крае. Окончил Ростовское высшее командно-инженерное училище Ракетных войск стратегического назначения, Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. Служил в РВСН и Военно-космических силах. Был заместителем командира роты ракетного дивизиона, ракетного полка стратегического назначения, заместителем начальника политотдела ракетной дивизии, начальником политотдела специальных частей Военно-космических сил. Уволен капитаном 1-го ранга из ВС в 1992 г. по политическим мотивам. Руководитель Московской региональной организации ЛДП.

ТАК ГОВОРИЛ ЖИРИНОВСКИЙ

в качестве послесловия

То, что о Жириновском стали опять писать, обильно и дотошно, доказывает, что такой политик, как явление и факт жизни, есть. И те, кто говорили раньше, что его как бы и нет, один мираж, блеф, — значит, не правы. Лимонов дал свою, небеспристрастную оценку личности вождя ЛДПР. Но попробуем, отойдя от личностей, оценить идейную, или, как говорят, метафизическую подоплеку этой восходящей словно вопреки всему разумному звезды.

До поры я, как, видимо, и многие, принимал его за человека, мягко сказать, несерьезного, да еще и на один глаз слепого: когда он, не видя что ли львиного успеха демократии, вещал диктаторские штучки типа возврата России в ранг империи или дачи милиционерам права "стрелять по шороху". Но одноглазие — вполне смешной порок только среди бинокулярно зрячих. Когда в обществе, сорвавшемся с цепи, ни зги сквозь слепую хищность всех против всякого, — иные пороки переходят в преимущества.

— Демократы работают на нас: разбили КПСС — нам дополнительная ниша. Они стали за нас, когда развалили и подожгли Союз. Демократы колются и переходят к нам. Готовьтесь к тому, что скоро вы станете правящей партией. Помните: каждый ваш сосед — избиратель. Больной, пьяный, плохой — все равно избиратель.

Так говорил Жириновский, когда еще практически ничего, кроме своей неугомонной глотки, не имел.

Впервые живьем я увидал его на платформе бортовой машины, отдаленной дочери тачанки и броневика, во время митинга уже поверженных коммуно-пат-

рнотов на Манежной площади. С одной стороны — безумие тех, которые, не удержав коня власти за гриву, тщились удержать за хвост и прямо в уличный динамик отдавали указы по уже несуществующей стране, напоминая съезд наполеонов в сумасшедшем доме. С другой — успехи сделавших, ради оседлания коня, страну несуществующей: еще более густые, чем все митинги, шеренги поголовно зараженного торговлей населения, бесхитростно спешащего нажиться, обманув друг друга.

И на диком стыке этих двух равно безрассудных нртышей мне на какой-то миг помнилось, что коли демократический бинокуляр в лозунге есть в жизни крах рассудка вообще, — не впрямь ли лучше один — а кто ныне подлинно не щурясь смотрит? — глаз?

— Россия — великая держава с мощной армией. А мы ее раздаем — чтобы воевала против русских. Если окраины хотят жить независимо, пусть живут — но при керосиновых лампах. Нельзя всех сделать счастливыми — это ложь демократии. Страна превращается в стрельбище для тех, у кого чешутся руки. Уже с людей скальпы снимают! Я поведу такую политику, что народы сами сметут лидеров, которые их раскололи ради личной спеси и обрекли на нищету. Да, у меня будет плетка — для преступников, национал-сепаратистов. Я обещаю плетку днем — иначе будет плетка ночью. 70 лет из вас жали силы, чтобы строить армию. Теперь вы платите за разоружение. Предыдущие к войне готовились — войну не начали. Накрыли стол — а подойти не дали...

Так говорил Жириновский и предлагал временно, для лучшей и прицельной видимости, прислепнуть на один глаз. Тогда, когда еще казалось, что вот-вот — и положение исправится, общество выздоровеет и ягодка с демократических реформ в руке, — кто, если не с утра косой, купился б на такие предложения? Но когда за все более усугубляющейся болезнью не поспевает терапия, даже шоковая, вероятность набирает хирургия. И почему б тогда отпущенный, не хуже цен, народ, изверясь в рыночном, нашего толка, взаимном бандитизме, не выбрал бандитизм державный?

Дьявол говорит Христу: поклонись мне — и завладеешь миром. Жириновский говорит голодным нехристям: ваш стол накрыт! И тем, потешным хуже негров дяди Тома над его накрытием, пока от блюд лизал научный коммунизм, он же теперь капитализм, — впрямь с каждым днем расплатного не по грехам поста должно быть все обидней и обидней.

— У вас нет другого выхода, скоро сами будете хотеть диктатора. Но я приду законно, под гарантию свободных выборов. Если не я — все равно придет другой и уже не даст никаких гарантий. Диктаторский режим на переход необходим. Я вам не вру, говорю откровенно, откуда возьму деньги, кто

выиграет, кто проиграет. Меня боятся в Прибалтике, в Финляндии. Пусть боятся. А вы не бойтесь.

Так говорил Жириновский. И оператор очередной телесъемки в его штабе, покончив труд, обращался от своей камеры:

— Владимир Вольфович, можно личную просьбу?

— Пожалуйста.

— Жена утром просила передать вам низкий поклон.

Давно подмечено, что в оппозиции всякий лидер глядится симпатичней. Естественно: проще лгать, клясться на святынях лозунгов: уйду в отставку, отсеку руку, лягу под поезд, — если только не сдержу... Но фатальное "если" наступает — и сечет всегда не по обещанному адресу. Что происходит со святынями?

Святыня демократии — свобода. К ней нынешняя власть в пору обещаний прицепила защищенность, процветание всех, мир. И, как обыкновенно, налгала. Сбылась одна свобода. Остальное: бандитизм, разорение, война. Человек, оказавшись на свободе, повел себя свиньей. Ну так бывает, когда уж больно засидишься взаперти, разучишься жить, как говорят на зоне, "без хозяина". Усобные власти вольно или невольно воплотили это свинское, утробно-агрессивное начало в политику и двинули народы в бойню друг на друга. Но подсекает ли такой нечаянный итог саму святыню? Вопрос тяжелый.

Христос, в отличие от наших обещалкиных, был прям: "Не мир пришел я принести, но меч". И Дон Кихот, увидев закованных в цепи каторжан, не уронил полета: "Хочу попросить синьоров караульных и комиссара расковать их и отпустить с миром, превращать же в рабов тех, кого Господь и природа создали свободными, представляется мне крайне жестоким. Пусть каждый сам даст ответ за свои грехи". Потом, правда, сокрушился, когда освобожденные тотчас накостыляли первому ему, но идеалам своим тем не менее не изменил.

Конечно, жизнь — не книга. Но книги, настоящие, пишутся из жизни и заключают в себе сокровенные устремления людей. И вот пока я подлинно не вижу, что, с усугублением бедлама, сокровенно, сердцем выберет народ: остаться или же расстаться с окропленной уже всеми страшными издержками свободой? Но в этом — рейтинг и будущность ЛДПР с ее вождем, которые если и лгут — довольно откровенно:

— Ложь — всегда орудие политики. Где-то и мы фальшивим. Я, например, как юрист, за отмену смертной казни. Но люди против, значит, и мы должны сказать: за отмену потом. Людей раздражает спекуляция, значит, и мы за временный запрет. Главное, мы чисты: не были в коммунистах, не участвовали во власти с демократами, можем все на них свалить. Вообще лучше избегать этих слов, чтобы никого не отпугнуть...

И вождю вторят его единомышленники:

— Русский все умеет: подковать блоху, запустить всех выше

самолет. Одного не умеет: жить. Нужен порядок. На станции застрял товарняк с цементом, цемент схватился. Вызвать начальника станции, машиниста, диспетчера — и расстрелять из автомата. Завтра поезда пойдут без остановки...

— Скоро России не останется вообще. Все будет расхвачено мафиозными дельцами. Ельцин не правит страной — по вторникам отчитывается перед мафией. 7 лет ушло на добывание грязных денег, теперь их вложат в собственность, наймут охрану и покажут нам!..

— Уже расхвачено. У меня мебельное предприятие, но я не могу купить землю, собственность, прямо спрашивают: есть столько-то на взятки? Нет — свободен. У меня плотник, всю жизнь работал, говорит: выйду с топором на лобное место и, без стакана даже, буду рубить, рубить, только с перекуром...

Я вспоминаю эти речи не затем, чтобы словить на разозленном слове. Думаю, под претензионной сутью их сегодня б подписались многие. Но из нее, чем глуше в нашем застрявшем танке, тем разозленней вытекает и все вытекающее. И даже не столь важно, кристаллизируется вокруг Жириновского или кого-то впрямь еще похуже. Какие-то лозунги из соблазнительного арсенала, типа усмирения дубинками без разбора и суда всех смуглолицых, — нет-нет да воплотят в жизнь, не удержась, и самые демократические властелины. И нутряной соблазн решить проблемы при помощи "синьоров караульных" есть. И я, по совести, не знаю, как возразить ослепленным яростью, которая к несчастью справедлива, помимо официального: пилите, пилите, дальше эти штуки золотые! — хотя искренне б желал, чтобы так оно и оказалось.

Не знаю, в отличие от тех, делающих снова недурную кассу на отчаянном дебюте двухтысячелетней давности, и того, почему Сын Человеческий в минуту искушения отвергает полномочия, даруемые тотчас дьяволом, и выбирает свой нудный, отвратительно неблагодарный крестный путь, — хотя со своими данными мог наверняка достичь самых высоких блюд в торговой или властной мафии. Но сколько человечество с тех пор ни тщилось выправить кнутом негодности свободной, подчас свинской воли, — всякий раз затем возвращалось к истине, которую являет этот самый, может, нерасчетливый пример.

И потому я все-таки добровольно не отдам ни на грош сверх того, что причитается по праву кесарю. И то, что нынешний, за которого я голосовал и подставлял на баррикаде лоб, оказался не вполне хорош, лишь убеждает меня в том, что никакой н не может быть хорош вполне.

Что бы ни говорил любой из них, включая самых симпатичных.

Александр РОСЛЯКОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛР № 060597 от 28.01.92.

Подписано в печать 15.04.94. Формат 84х108 1/32. Объем 6,0 п. л. Печать офсетная. Тираж 200000. Зак. 80.

АО „Чертановская типография"
113545, Москва, Варшавское шоссе, 129

Издательство "Конец века"

Москва, Мясницкая ул., дом 13.
тел.(095) 924 20 05, факс (095) 975 23 46

Наличие книг со склада в Москве и цены, включая НДС, на март 1994 г. при 30% предоплате.

В. СУВОРОВ. **«Рассказы освободителя».** Первое издание в России нашумевшей книги автора «Ледокола», «Аквариума».
400 руб. (>5 тыс.экз.),
550 руб. (до 1 тыс.экз.).

ОЛДОС ХАКСЛИ. **«Как вернуть зрение».** Автор знаменитой антиутопии «О, дивный новый мир» потерял зрение в 16 лет и сумел вернуть его по разработанной им самим уникальной методике. (На русском языке впервые, вых. из печати).
800 руб. (до 1 тыс.экз.),
650 руб. (>3 тыс.экз.).

ДЖОН ФАУЛЗ. **«Волхв».** Роман, тв. переплет, суперобложка. Впервые на русском языке — самый популярный роман автора знаменитой «Женщины французского лейтенанта».
3100 руб. (до 1 тыс.экз).

А. РОСЛЯКОВ. **«Ловушка дьявола».** Сборник криминальных новелл. Убийства в Москве 90-х годов.
200 руб. (до 1 тыс.экз.),
150 руб. (>3 тыс.экз.).

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ. **«Очерки русской истории».** Краткое пособие.
600 руб. (до 2 тыс.экз.).

А. ГЛАДИЛИН. **«Беспокойник».** Сборник рассказов известного русского писателя, живущего в Париже.
400 руб. (до 500 экз.).

В. АКСЕНОВ. **«В поисках грустного бэби».** Романы русского писателя-эмигранта об Америке.
450 руб. (до 1 тыс.экз.).

Ю. БОРЕВ. **«Фарисея».** Фольклор постсталинских времен, собранный автором знаменитой «Сталиниады».
550 руб. (до 1 тыс.экз.).

А. МАЕЧИН. **«Москва—ОГПУ—Париж».** Документальная повесть о судьбах советских разведчиков.
250 руб. (до 500 экз.).

Е. ШИФРИН. **«Театр имени меня».** Необыкновенные приключения в мире эстрады. Множество цветных иллюстраций.
1400 руб. (до 500 экз.), 1300 руб. (>1 тыс.экз.).

ЛИМОНОВ
ПРОТИВ
ЖИРИНОВСКОГО